

М. Г. МАКАРОВ

КАТЕГОРИЯ «ЦЕЛЬ»

В МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ленинградская кафедра философии

М. Г. МАКАРОВ

**КАТЕГОРИЯ «ЦЕЛЬ»
В МАРКСИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ
И КРИТИКА ТЕЛЕОЛОГИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград • 1977

В монографии дается развернутый анализ категорий «цель» в марксистской философии. Автор подробно анализирует роль этой категории как закономерности познания и практики, рассматривает проблему цели и целесообразности. Характеризуются взгляды К. Маркса на категорию «цель» и применение ее Марксом в политической экономии. Дается критический обзор современной буржуазной литературы по проблеме телеологии.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов философских специальностей, а также на всех интересующихся проблемами развития марксистской философии.

Ответственный редактор

В. Г. ИВАНОВ

Философия, осветившая человечеству путь в будущее, поставившая перед рабочим классом научно обоснованные задачи, не могла не выдвинуть на одно из первых мест в своем понятийном аппарате категорию «цель», наполнить ее новым содержанием, непосредственно связанным с основными идеями учения.

Категория цели разрабатывается как в диалектическом и историческом материализме, так и в научном коммунизме и экономическом учении марксизма. То, что развитие классической философской категории выходит, таким образом, за рамки собственно философии, объясняется глубоким изменением характера последней, особыми взаимоотношениями общеполитического учения, политической экономии и теории коммунизма. Как и в других вопросах, достижения марксизма в данном случае обусловлены использованием совокупности научных знаний, учетом всего опыта развития предшествующей мысли. Марксу и Энгельсу удалось разрешить противоречия, с которыми было связано историческое движение содержания этой категории, направить ее развитие по свободному от мистифицирования пути. Переход на качественно новый уровень не отменил диалектико-логических закономерностей, проявившихся в истории категории. Он произошел в силу логики именно этих законов.

Марксизм воспринял, усилил и развил общую антитеологическую направленность материализма. В борьбе с телеологией проходило, в частности, уже само становление материалистического понимания истории. Понятие имманентной цели было отнесено тогда Марксом к мистифицирующей стороне гегелевской диалектики, как «логический, пантеистический мистицизм».¹ В понимании природы идея «конечных причин» еще до открытия Дарвина высмеивалась Энгельсом, предвидевшим, что естествознание в союзе с промышленностью положит конец этому «ребяческому отношению людей к природе».² Позднее создатели диалектического материализма приветствовали дарвинизм за его

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 224.

² Там же, т. 7, с. 242.

причинный характер, за то, что он нанес «смертельный удар „телеологии“ в естествознании».³

Осуждая телеологизм гегелевской философии, Маркс в то же время увидел «большой шаг вперед» в развивающемся ею понимании органической целостности с не механическим, а живым и разумным расчленением.⁴ Он положительно оценил идею телеологии об особом взаимоотношении частей, направленном на сохранение организма как внутренне расчлененного целого,⁵ не отказываясь сам от применения понятия «цель» для обозначения соподчиненности и направленности процессов в общественной системе.⁶ В близком к этому значении Маркс сохранит употребление данного понятия и в своем величайшем политико-экономическом и философском труде «Капитал».

Дав образцы исключительно интересного, нетелеологического применения категории «цель» к определенному рода процессам и отношениям объективной действительности, основоположники нашей философии не оставили (если не считать нескольких кратких замечаний) специального исследования этого познавательного приема, хотя и отдавали себе отчет в сложности проблемы.⁷

Иначе обстоит дело с вопросом сознательной цели. У классиков марксистско-ленинской философии имеется его глубокое решение, а также бесчисленные примеры рассмотрения различных целей, их взаимоотношений между собою и средствами, созданы основы теории этой категории в ее указанном значении.

Таким образом, в марксизме, как и в предшествующей философии, категория «цель» оказалась связанной с двумя основными кругами проблем.

Во-первых, это проблемы цели как закономерности познавательной и практической деятельности человека: вопросы соотношения причинной детерминации и цели деятельности, познавательного отражения и целеобразования, целенаправленной структуры процесса практики, диалектики цели и средства, иерархии целей различных уровней, цели и результата и т. д. Никому не приходит в наше время в голову сомневаться в реальности цели в этом непосредственном смысле и в содержательном характере указанных проблем.

Во-вторых, это проблемы цели, целесообразности, целенаправленности в объективных отношениях природы и общества, вне психики и независимо от сознательной деятельности человека. Здесь вопрос стоит в значительной мере по-иному. Обсуждению подлежит прежде всего сама применимость данной категории к этим сферам реального мира. В случае же допущения такого применения возникает вопрос об особом значении, которое при-

³ Там же, т. 30, с. 475.

⁴ Там же, т. 1, с. 229.

⁵ Там же, с. 231.

⁶ Там же, с. 312.

⁷ Там же, т. 20, с. 67.

обретает тогда это понятие. В каком отношении находится цель в данном значении к сознательной цели человека? Каково ее отношение к причинности? Ограничено ли такое ее применение лишь некоторыми сферами действительности, или оно распространяется на всю природу и материальную основу общества?

Дуализмом проблематики определяется и структура предлагаемой работы. Анализ понятия в применении к изучению объективных отношений социальных и экономических систем, в биологии и кибернетике, составляющему вторую часть книги, предпослано рассмотрение основных аспектов сознательной цели. Ведь проблема применимости исследуемого понятия к независимым от сознания людей «внечеловеческим» объектам связана с вопросом: не две ли это разных категории, лишь терминологически выражаемые словами-омонимами? Для ответа требуется разобраться в содержании понятия сознательной человеческой цели, чему и посвящена первая часть книги.

Признавая большую роль кибернетики и некоторых других направлений современной науки в изменениях строя мышления и в разработке некоторых категорий, понятия цели в особенности, автор исходит, однако, из того, что наиболее глубокие изменения в этой области были произведены задолго до кибернетики политической экономией и философией марксизма, уловившей общую тенденцию эволюции строя научного мышления. Поэтому второй раздел исследования открывается главой о цели в общественных системах. Подобная последовательность отвечает истории применения и развития данной категории в марксистском учении, связывая также предлагаемую работу с предыдущим трудом автора об эволюции понятия цели в философии до Маркса.⁸

Имеется и третий круг вопросов — вопросы борьбы с телеологией. Критика телеологического мышления осуществляется на протяжении всей работы, и, кроме того, ей специально посвящен последний раздел. Относительно большое место, отведенное современным телеологическим системам и концепциям, их эволюции и критике вызвано необходимостью более подробно ознакомить читателя с идеологическим явлением, опасность которого иногда, возможно, недооценивается.

Следует обратить особенное внимание на следующие три обстоятельства. Во-первых, телеология отнюдь не обязательно принимает крайние, анимистические и антропоморфные, формы. Не всегда выглядит она и как очевидный идеализм. Конфронтация ее с причинным пониманием явлений не столь четка и резка, как это имеет место в противоположности материализма и идеализма при решении основного вопроса философии. Можно встретить даже случаи, когда телеология не связана непосредственно с употреблением самого понятия цели и заключается в определенных

⁸ Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974.

особенностях категориального строя мышления того или иного автора.

Во-вторых, достижения кибернетики, а также выступления «общей теории систем» и близких к ней концепций создают кое у кого мнение о необходимости реабилитации учений о «конечных причинах», о якобы происходящей «революции» в строе научного мышления, которая делает беспредметным тысячелетний спор между «конечными» и «действующими» причинами в новой «системной эре». Действительно необходимый пересмотр телеологических учений прошлого в интересах уточнения и использования содержавшихся в них рациональных моментов (в связи с ростом значения проблем целесообразности, целенаправленности, управления) иногда истолковывается как восстановление этих доктрин, делаются попытки их синтеза с современным, марксистско-ленинским мировоззрением.

В-третьих, телеология сейчас используется как идеологическое оружие против социализма. Существует определенная связь между преуменьшением значения идей развития и причинности, с одной стороны, и давлением, оказываемым структуралистско-телеологическими концепциями на исторический материализм в целях искажения его принципов, — с другой. Факты говорят о том, что на отдельных этапах современной идеологической борьбы этим концепциям отводится основная роль в попытках «опровержения» или ревизии марксизма. Так, например, телеология выступила, по определению немецких товарищей, в качестве «основного ядра» развернувшейся в конце 50-х годов пропагандистской кампании против ГДР.⁹ Как отмечал журнал итальянских коммунистов «Ринашита», типичное для буржуазных и ревизионистских позиций приписывание доминирующей роли понятию целостности проникало на Западе в марксизм в 20-е и 60-е годы, нанеся ему серьезный идеологический ущерб.¹⁰

Сочетание борьбы против телеологии с признанием огромного значения проблемы объективной целесообразности в органической природе и обществе, с высокой оценкой рационального содержания некоторых телеологических учений, с поддержкой и использованием системного, структурального, функционального методов предполагает для избежания ошибок основательную философскую школу, как говорил Энгельс. Это делает необходимым,

⁹ Neues Deutschland, 1959, 21 März.

¹⁰ Z an a r d o A. La situazione del marxismo e la dialettica. — Rinascita, 1971, N 41, p. 19. Понятие целостности использовалось чехословацкими ревизионистами в борьбе против причинного понимания общества историческим материализмом. Интеграция структурализма с марксизмом должна была обосновать насаждавшуюся ими философию имманентного искусства (см.: Яворек З. «Критическая теория» на франкфуртской школе и чехословацкий ревизионизм през 60-те години. — Философска мисъл, 1974, № 6, с. 68; Новый этап социалистических литературных связей. На научной конференции «Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы». — Вопросы литературы, 1974, № 2, с. 42—43);

в частности, ознакомление с обширным материалом из области философской интерпретации и использования исследуемой нами категории в современных буржуазных теориях.

В настоящее время проблеме цели посвящены многие десятки работ советских и зарубежных философов-марксистов. В тех или иных аспектах она рассматривается во многих исследованиях по философским и теоретическим вопросам биологии, кибернетики, психологии, политической экономии. Важные соображения по относящимся к ней вопросам высказываются и в работах по теории организации и управления. Нет, однако, ничего удивительного в том, что в процессе этой разработки и обсуждения не сложилось еще единого мнения по ряду весьма существенных моментов. Автор также не всегда согласен с высказанными точками зрения. Однако предлагаемая книга не могла бы появиться без внимательного учета имеющихся в нашей литературе по данному вопросу материалов.

Глава I

Цель как форма отражения

Первым и основным применением понятия «цель», как в обыденном, так и научном мышлении и языке, служит обозначение предвосхищения в сознании некоторого результата, на достижение которого направлены или будут направлены действия субъекта, носителя этой цели. В качестве явления сознания она не может не быть формой отражения действительности, как идеальный «внутренний образ» предмета, «мысленно представляемый предмет».¹

В пределах сознания мы встречаемся с разными, с точки зрения познавательного отражения, уровнями и различными степенями осознанности цели.² Существует различие между целью в ее непосредственном реальном функционировании в качестве момента осуществляющейся деятельности и рефлексией о ней. Быть движимым и руководимым целью, переживать ее и воплощать в конкретных действиях и, с другой стороны, размышлять о ней — не одно и то же. Характеристика цели как чисто концептуальной формы отвечает скорее проявлению ее именно в рефлексии субъекта. В процессе непосредственного функционирования она выступает как гораздо более сложное психическое явление, далеко не сводящееся к понятию³ и не имеющее четко очерченных контуров.

Явление глубоко неоднородное, сознательная цель подчиняет себе различные формы деятельности на разных уровнях.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718—719. Понятием «цель» обозначают также тот внешний предмет, на который направлена деятельность, или некоторое объективное отношение между данным предметом и человеком (см.: Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972, с. 56).

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 713. На различные уровни цели указывают и современные буржуазные авторы. «„Телеологический импульс“, предвещающий действие и сохраняющийся в процессе его, может как оставаться затаенным в сумерках сознания, так и подниматься в виде ясно осознанной цели», — пишет, например, Мак-Айвер (Mac I ver R. M. Social causality. N. Y., 1964, p. 8).

³ «Цель, являясь сплавом понятийного и конструктивно-образного элементов человеческого сознания, включает в себя и эмоционально-волевые компоненты», — отмечает Михайлова (Михайлова И. Б. Чувственное отражение в современном научном познании. М., 1972, с. 80).

Конкретные формы цели в сознании, ее различные аспекты и связи с другими психическими явлениями, процессы целеобразования и целеполагания, роль цели как структурообразующего фактора деятельности изучаются психологической наукой. Для обозначения этих градаций, сторон и отношений цели в психике и деятельности психология использует целый ряд понятий и терминов, не приобретших, однако, пока еще достаточной однозначности и точности.⁴

Наряду с собственно понятием цели в его психологическом значении к ним относится в первую очередь понятие «мотив», применение которого имеет в свою очередь различные смысловые оттенки. Обычно оно выражает побудительный аспект цели человека. Цель, данная в конкретных условиях ее осуществления, определяется как «задача».⁵ Осознание значимости цели для человека или общества, отношение конкретной цели или задачи к общему мотиву деятельности называют «смыслом» действия. Применяются также выражения «намерение», «замысел», «проект», «притязание». Целенаправленность личности как целого, активизация ее сил, подготавливающая и поддерживающая деятельность для достижения определенной цели обозначается понятием «установка». В немецкой психологической литературе примерно это же значение имеет выразительный термин «предпринимание» (Vornahme).⁶

Для нас важно констатировать сам факт неравнозначности гносеологического понятия цели как применения общефилософской категории «цель» к сознанию и деятельности человека — с одной стороны, и цели как собственно психологического понятия — с другой. Философия, опираясь на данные психологии и других наук, выясняет отношение цели к материальному миру, связь ее как закономерности человеческой деятельности с законами природы и общественной жизни, роль целей определенных общественных сил в историческом развитии, устанавливает категориальную природу данного понятия.

Итак, развитая сознательная цель есть мысленный образ результата в его отношении к порождающим его действиям. Цель отражает, таким образом, то, что еще только может или должно возникнуть, выступая в некотором смысле как отражение будущего. В ней с особенной силой проявляется активная природа сознания.

Как известно, домарксистская философия была не в состоянии связать воедино отражательную деятельность сознания с его

⁴ О значительной неопределенности психологических терминов и существующих разногласиях в вопросах их применения см.: Платонов К. К. О системе психологии, с. 10—32.

⁵ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1959, с. 232; Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960, с. 92.

⁶ Birenbaum G. Das Vergessen einer Vornahme. — Psychologische Forschung, Bd 13, N 2—3, 1930.

творческой активностью. Представители метафизического материализма, справедливо в принципе сводя действия человека к причинной зависимости от окружающих условий, не могли учесть качественного своеобразия целеполагания внутри этой общей зависимости. Понимание отражательной природы сознания как исключаящей активную деятельность не позволило им осуществить и развернутое исследование категории цели.⁷ Попытки же отдельных материалистов, преодолевавших метафизическую ограниченность, развить идею активности сознания не были основаны на научном понимании общества.⁸ В противоположность старому материализму, идеализм подчеркивал активную сторону сознания. В связи с этим его видные представители немало внимания уделили проблеме цели сознательной деятельности, уловив ряд существенных моментов ее движения. Понимая, однако, активность как исключаящую отражение, идеализм превратил сознание в демиурга действительности. Цель человека была вырвана из общей причинной связи материального мира, противопоставлена ей как «первичная сила».⁹ Это служило и служит одним из главных источников телеологии.

Поэтому же, с точки зрения идеализма, цель человека, по крайней мере в своей основе, не может быть рассмотрена с позиции ее соответствия или несоответствия объективным потребностям и законам. Телеология тесным образом связана здесь с индетерминистским пониманием процесса постановки цели.

Дать общее материалистическое решение проблемы активности сознания смог только марксизм, открывший историческую, онтологическую и гносеологическую роль практики. Связав, благодаря материалистической концепции истории, познание с процессом развития материальной стороны общественной жизни, Маркс и Энгельс увидели в общественно-производственной деятельности основу психическо-познавательной активности человека. Деятельность мышления, творчески преобразующая представления и понятия, соответствует материальной активности, преобразующей предметы внешнего мира. Основные приемы мышления возникли как воспроизведение практических операций. В ходе творческого преобразования вещей выработались как его отражение и остальные характерные стороны и свойства человеческой психики. Сознание индивида опирается на опыт, накопленный человечеством. Активность познающего субъекта есть проявление потенций общества в индивидуальном сознании. Этим

⁷ См.: Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии, с. 91—92, 100—101, 120—121, 183.

⁸ Там же, с. 173, 179—181.

⁹ Там же, с. 51, 135, 139, 152. Отрицание детерминированного, отражательного характера цели типично для представителей новейшей буржуазной философии, в том числе и для выступающих с критикой телеологии (см.: Hartmann N. Das Problem des geistigen Seins, Berlin—Leipzig, 1933, S. 292).

объяснением Маркс и Энгельс положили конец монополии идеализма на трактовку «активных сил» сознания человека, в том числе целеполагания, сокрушив тем самым и одну из опор телеологии.

Противопоставлять творческую функцию сознания его отражательной природе, образам реального мира — проекты, планы, замыслы и другие модусы и аспекты цели как не являющиеся якобы видом отражения, значит отходить от существа марксистской философии. И в этом кроется не только теоретический смысл.

Противопоставление отражения как чисто пассивного отношения сознания к внешнему миру творческой активности как совершенно иному свойству сознания и практики является одной из наиболее характерных черт современного ревизионизма. Это направление в ревизионизме восходит к работам молодого Г. Лукача и К. Корша: из цели изымается отражательный момент, классовое же сознание сводится к целеполаганию.¹⁰ Творческий момент, вносимая субъектом «конструкция», не относится, согласно Р. Гароди, к отражению. Образ будущего, цель есть нечто постороннее по отношению к отражению, дополняющее его.¹¹ Отсюда делается вывод, что цели рабочего класса, его партии не могут быть научно обоснованы. Целеполагание противопоставляется научному знанию — цель в принципе не может быть «верной» или «ложной», ее можно лишь «исповедовать».¹² Нетрудно догадаться, что все эти утверждения направлены против самого существа теории научного коммунизма, против права марксистско-ленинских партий на научное руководство рабочим классом.

Современная наука, в частности психология, подтвердила принцип активности субъекта в формировании отражения внешнего мира, показала избирательный характер даже простейших актов познания. Способы преобразования субъектом избираемой им информации сами представляют собой опосредованные отражения. Формы преобразовательной деятельности мышления являются отражением, а отражение действительности включает и ее мысленное преобразование. Этим не снимается, конечно, различие между мыслью в познавательном процессе и мыслью как важнейшей стороной цели. Однако указанное различие существует всецело внутри отражения действительности.

Цель имеет сложную отражательную природу, проявляющуюся в двух основных отношениях. Во «внутреннем» плане цель есть опосредствованное промежуточными психическими звеньями отражение в конечном счете некоторых противоречий между человеком и внешними условиями. Она выступает в данном отно-

¹⁰ Lukács G. Geschichte und Klassenbewusstsein. Berlin, 1923, S. 71.

¹¹ Garaudy R. A propos du livre «De L'anathème au dialogue». — L'Humanité, 1966, 4 june.

¹² Weg und Ziel, 1967, N 9, S. 428.

шений как отражение психических же отражений зависимости человека, формой которых служит потребность. Потребность возникает и переживается как объективная и субъективная связь, тяготение к предмету потребности. Она определяет систему поведения и переживаний в связи с данным предметом. Внутреннее тяготение и побуждение являются отражением и состояния субъекта и субъективно-объективного отношения к указанному предмету.¹³ Будучи осознана, «понята», потребность приводит в качестве мотива к выработке цели — образа предмета, который должен возникнуть в результате предстоящих действий и удовлетворить потребность. В мотив уже входит в какой-то мере сознание отношения между потребностью и возможными результатами.¹⁴ В собственно целевом представлении отражение возможности выдвигается на первый план.

Разграничение понятий мотива и цели позволяет детализировать отношения сознательной целенаправленной деятельности. Мотив определяется как объект, отвечающий той или иной потребности, представляющий для субъекта ее «опредмечивание» и в той или иной мере отражающийся в его психике. Мотив выступает как побудитель и направляющий фактор определенной деятельности в целом. Цель же относится к составляющим эту деятельность отдельным действиям. Цель действия сохраняет относительную самостоятельность и может быть связана с различными мотивами. Отношение между целью действия и мотивом образует смысл данных цели и действия для человека. Мотивы, таким образом, играют побудительную, направляющую и смыслообразующую роль.¹⁵

В более общем плане сам мотив также является целью, выражаясь в соответствующей категории. В качестве побуждения к постановке цели и соответствующим действиям может выступать и внешнее принуждение. Возникают цели, чуждые или противоречащие потребностям самого субъекта, порождая конфликты во внутреннем мире человека. В условиях частной собственности и эксплуатации они неизбежны. Противоречие между смыслом деятельности, мотивом и целью раскрыто еще в ранних исследованиях Маркса.¹⁶ Конфликт между собственными волевыми побуждениями человека и целями рассматривал А. Грамши, характеризуя его как отражение социальных антагонизмов, в тиски которых зажата личность, не способная их преодолеть, «дабы обрести таким образом ясность духа и внутреннее спокойствие».¹⁷

¹³ Мясищев В. Н. Проблема потребностей в системе психологии. — Учен. зап. ЛГУ. Психология и педагогика, 1957, № 244, с. 4.

¹⁴ Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972, с. 454.

¹⁵ Леонтьев А. Н. 1) Проблема деятельности в психологии. — Вопросы философии, 1972, № 9; 2) Деятельность и сознание. — Там же, № 12; Платонов К. К. О системе психологии, с. 152.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 92—93.

¹⁷ Грамши А. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957, с. 200.

В социалистическом обществе коллизии такого рода утрачивают характер общей закономерности. Они могут иметь место как выражение «индивидуального антагонизма»¹⁸ в сфере личных отношений. Однако и при социализме в условиях не преодоленных еще различий и неравенства возникают известные противоречия между потребностями личности и целями общества.

Противоречия между мотивами и целями могут иметь также определенные гносеологические корни, возникая в силу искаженного отражения личностью своих потребностей, неправильного понимания ею своих реальных задач.¹⁹

Рассматриваемая сторона отношений цели к объективному миру является не только зависимостью отражения от отражаемого, но и зависимостью следствия от причины. «Представление о потребности как исходном и главенствующем факторе нервной деятельности позволяет расстаться с иллюзией нарушения причинно-следственных отношений при организации целенаправленного поведения. Цель всегда есть функция потребностей».²⁰ Мы имеем здесь дело с порождением, причинной детерминацией целей внешним миром. Эта зависимость опосредована промежуточными психическими звеньями, — познанием, личным и общественным опытом, — через которые цель отражает вызывающие ее условия. Характер цели как следствия в огромной степени зависит от внутренних условий сознания, через которые преломляется действие внешней причины. Накопленный человеком опыт определяет собою такое множество возможных вариантов цели как ответа на воздействие, различающихся и по содержанию и по форме, что создается иллюзия полной независимости выбора цели от внешнего мира. «На деле цели человека порождены объективным миром... Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)».²¹

Цель не только и не просто осознанная потребность. Она одновременно — сознательная установка на оптимальное решение конкретной задачи, определяемой некоторой потребностью или мотивом.²² Это предполагает познание и учет условий, причинных связей, реальных возможностей внешней действительности и субъекта, что составляет вторую сторону отражательной природы цели.

Отражая возможности,²³ связывая и противопоставляя отражения законов, причин и условий, оценивая их с точки зрения

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7—8.

¹⁹ Hampshire S. Reply to Walsh on thought and action. — The Journal of Philosophy, 1963, vol. 60, N 11, p. 413.

²⁰ Симонов П. В. Современное состояние рефлекторной теории и перспективы ее развития. — Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова, 1973, XXIII, вып. 2, с. 443.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

²² Перфильев М. Н. Общественные отношения. Л., 1974, с. 124.

²³ Буржуазные психологи, избегающие понятия «отражение», предпочитают говорить о цели лишь как критерии отбора из множества возмож-

нужного для человека, сознание строит образ, проект результата их использования в практическом действии. В этом смысле справедливо говорить о целях как об «отражении в мозгу связей объективного мира», «в первую очередь процесса собственной практики».²⁴

Цель — основная форма предвосхищающего отражения, которое охватывает и собственно познавательные (прогноз, предвидение), и проектирующие (мечты, наброски) антиципации. Специфическое отличие цели от неразрывно связанных с нею остальных видов мысленной антиципации — в отношении к потребности и действию, в ее волевой природе, качестве долженствования. В то же время развитая цель всегда включает в себя в отчетливой форме также и познавательную и проектирующую антиципации.²⁵ Основанное на познании объективных законов и возможностей предвосхищение будущего служит необходимым моментом целеобразования.

Создавая в цели образ будущего, мы, по выражению ряда авторов, вводим последнее в круг причин нашего поведения, осуществляем «детерминацию будущим».²⁶

Однако, по нашему мнению, выражение «детерминация будущим» допустимо исключительно лишь в смысле метафоры.

Во-первых, определение реальной возможности как «будущего в настоящем» отождествляет возможность с действительностью.

Во-вторых, идеальный образ будущего еще не есть само реальное будущее, предшествуя по времени действию, а не возникая вслед за ним. Объективное направление времени, порядок следования причин и следствий не нарушается при включении данного образа в причинно-следственную связь.

В-третьих, будущее и в идеальной форме своего существования в сознании не может быть поставлено в качестве детерминанты поведения рядом с отражениями прошлого и настоящего. Образ его вторичен, опосредован ими. Здесь проходит грань, отделяющая диалектико-материалистическую гносеологию от телеологии.

В-четвертых, надо учитывать характер идеологической борьбы. У ревизионистов тезис о «детерминации будущим» связан с упо-

ностей (Newbury E. Teleology and determinism in motivational concepts. — The Journal of General Psychology, 1965, vol. 72, half 1, p. 88).

²⁴ Селиванов В. И. К вопросу о так называемом произвольном поведении. — В кн.: Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии. М., 1952, с. 402.

²⁵ Бауэр А. Актуальные проблемы научного управления социальными процессами. — В кн.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972.

²⁶ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 243; Аскин Я. Ф. Философский детерминизм. Саратов, 1974, с. 58; Арсеньев А. С. Историзм и логика в марксистской теории. — В кн.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, с. 338—342.

минавшимися отрицанием принципа отражения и индетерминизмом. В ранних работах Г. Лукача основанием для этого выступало отождествление общественного бытия и сознания.²⁷ Р. Гароди сближает при помощи данного тезиса социализм Маркса с эсхатологией иудейско-христианских верований.²⁸ Используя подобные искажения, некоторые буржуазные авторы пытаются обвинять марксистов в противопоставлении цели теоретическому познанию.²⁹

На практике концепция «детерминации будущим» может вести только к иррациональным действиям, авантюризму. Так, например, сторонник этой концепции Сартр иллюстрировал ее в свое время приводившими его в восторг авантюристическими «гигантскими планами», которые, по его словам, являлись для их авторов «более истинными, чем настоящее».³⁰

Относительное различие между рассмотренными двумя аспектами отражения в цели объективной действительности учитывалось В. И. Лениным при оценке программ политических течений. Программы и цели необходимо рассматривать не только с точки зрения правильности отражения объективных законов, но и с точки зрения вызвавших их к жизни причин, потребностей, которые они отражают. В. И. Ленин ссылаясь при этом на высказанную Энгельсом в предисловии к «Нищете философии» мысль о том, что формально ошибочное может быть истинным во всемирно-историческом смысле.³¹

Ревизионисты дают противоположное, исходящее из отрицания отражательной природы цели, истолкование этому высказыванию Энгельса.

Так, Г. Лукач даже в иллюзорном сознании пролетариата, в его ошибках, усматривал «интенцию» на правильное. Преобразующее историю сознание рабочего класса возникает, согласно этой интерпретации, непосредственно из данной «интенции» в ходе практики, срывающей с нее «ложные оболочки». Цель пролетариата не есть, таким образом, результат научного познания, она — выявление того, что уже изначально дано в структуре классового сознания.³²

В реальных целях указанные две линии зависимости от объективного мира переплетаются между собою, выступая как неразрывное единство. Познавательный момент не только направляется потребностью, но и сам оказывает на нее активное преобразующее воздействие. В этом единстве осознается момент разли-

²⁷ Lukács G. Geschichte und Klassenbewusstsein, S. 222—224.

²⁸ Garaudy R. Come costruire la città degli uomini. — Il Contemporaneo, 1965, N 3; R. Garaudy spricht von Jesus. — Junge Kirche, 1970, N 2.

²⁹ Например, см.: Franchini R. Teoria della previsione. Napoli, 1964, p. 138.

³⁰ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960, p. 66.

³¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 22, с. 120; см. также т. 21, с. 384.

³² Lukács G. Geschichte und Klassenbewusstsein, S. 85.

чия между двумя сторонами, что находит отражение и в некоторых языках.³³ Первый аспект образует относительно устойчивую сторону целевого синтеза, определяемую некоторыми психологами в качестве «целевого стандарта».³⁴

В способности сочетать правильное понимание потребностей с познанием объективных законов и возможностей, с учетом собственных сил, с самооценкой при постановке целей,³⁵ в основном на этом противопоставлении поведения непосредственно воздействующей на него ситуации заключается свобода воли. Она не представляет собою, в материалистическом понимании, нарушения причинности, но состоит в исключительной сложности сцеплений прямых и опосредованных причинных зависимостей сознания, что образует новое качество детерминации.

Сцепления, столкновения причинных зависимостей в процессе становления цели в субъективном плане могут выступать как борьба мотивов, поскольку эти причины осознаются. В ходе такой борьбы человек отнюдь не является безвольным. Прочим мотивам он может противопоставить мотив, обладающий наибольшей личной и социальной значимостью, подавив противоречащие побуждения.

Цель от себя отводит человек,
Сменяя мысли каждое мгновенье:
Дав ход одной, другую он пресек.³⁶

Мотивы — не некие природные процессы, а психические отражения отношений человека к действительности, охватывающие как эмоциональную, так и интеллектуальную стороны его сознания. Предпочтение, сознательно отдаваемое одному мотиву перед другим, а не механическое перевешивание составляет суть борьбы мотивов разумно — свободно, — а не импульсивно действующей личности. Чем богаче и сложнее духовная жизнь, тем сложнее борьба мотивов, принимающая форму глубокого обсуждения. Принятая на основе решения цель приобретает качество намерения.

³³ В немецком языке — «Zweck» и «Ziel», в эстонском — «eesmärk» и «otstarve». «С представлением цели (Ziel) может быть... связано представление цели-надобности (Zweck) в более узком смысле слова, которое не обязательно должно покрываться первым представлением. Целью моего действия, если я беру стакан воды, чтобы пить, является взять стакан и пить (Ziel); целью-надобностью (Zweck), которую я хочу этим достигнуть, служит утоление жажды» (Meumann E. Intelligenz und Wille. Leipzig, 1913, S. 214). Понятие «Zweck» противопоставляется также в немецкой психологической литературе понятию «средства», а «Ziel» — понятию «пути» к желаемой цели (Höfler A. Psychologie. Wien—Prag, 1897, S. 504).

³⁴ Sivertsen D. Goalsetting, the level of aspiration and social norms. — Nordisk Psykologi, 1957, N 1.

³⁵ Гендин А. М. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970, с. 63.

³⁶ Данте Алигиери. Божественная Комедия. М., 1961, с. 250.

В процессе выработки цели происходит ее конкретизация. Общее движение мысли в ходе целеобразования идет от абстрактного к конкретному. Причины, осознанные потребности, средства, законы, общественные нормы и оценки все более четко связываются в ставящейся цели. Она возникает в итоге синтеза этих моментов как «деятельное понятие, как определенное внутри себя и определяющее всеобщее».³⁷ Чем глубже анализ, чем полнее осуществленный на его основе синтез, тем определеннее цель. Цель, которая не является особой, конкретной, «не есть цель, подобно тому как действие без цели есть бесцельное, бессмысленное действие»,³⁸ — говорил Маркс, связывая конкретность цели с неотделимостью ее от действия. Указанная черта цели соответствует характеру практики, объединяющей использование объективных законов с индивидуальностью материального процесса, и имеющей в силу этого «достоинство не только всеобщего, но и просто действительного».³⁹

Цель — мысленный образ, играющий в определенном отношении роль модели.⁴⁰ В этом — одно из гносеологических отличий ее от чисто познавательных отражений. К такому пониманию цели был близок еще Кант.⁴¹ О модельной роли цели, указывающей способ конструирования по ней целостного результата, говорил А. Бергсон.⁴² Можно отметить две модельные функции целевых образов. Во-первых, они служат для предварительной проверки средств и способов их применения в операциях, приближающихся по своей природе к мысленному эксперименту. Трубная схема подобного моделирования может быть воспроизведена искусственно. В автоматических устройствах на внутренней информационной модели испытываются предвидимые реакции среды на различные возможные действия и из последних отбираются те, которые приводят к желаемой реакции.⁴³ Во-вторых, целевые понятия и представления служат образцом, изоморфное отображение которого человек стремится воссоздать в продукте своей деятельности.

Рассматриваемая в этой своей функции, цель может быть отнесена в предлагаемой некоторыми авторами классификации к под-

³⁷ Гегель. Соч., т. I, с. 107.

³⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 258.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

⁴⁰ Модель можно рассматривать и как произвольно применяемое методическое средство познания и как естественно возникшую форму активности мышления (см.: Славин А. В. Мысленное (воображаемое) моделирование как эвристическая операция. — В кн.: Метод моделирования в познании. Тез. докл. и выступлений на симпозиуме. Тарту, 1966, в. 27).

⁴¹ Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии, в. 132—133.

⁴² Бергсон А. Собр. соч. Т. 1, СПб., 1913, с. 49, 82.

⁴³ Steinbuch K. Automat und Mensch. Über menschliche und maschinelle Intelligenz. Berlin—Göttingen—Heidelberg, 1961, S. 138.

группам моделей — образцов, ориентирующих действие, и нормативных ценностных моделей — регуляторов поведения,⁴⁴ а по другой классификации — к моделям, фиксирующим будущие состояния системы.⁴⁵

Конечно, характеристика цели как особого рода модели крайне узка и не охватывает всех сторон и функций этой формы сознания.

Постановка цели происходит на основе учета средств и способов их применения. Маркс отмечал, что человек вначале строит образ подлежащего созданию объекта у себя в голове и лишь затем строит этот объект в действительности. Процесс построения цели соответствует в мышлении процессу практической деятельности, являясь в общих чертах его идеальным образом так же, как сама цель является образом результата этой деятельности.

Постановка цели включает в себя тем самым в какой-то мере элемент планирования, предвидения способов выполнения действий.⁴⁶ Во многих случаях осознание цели включает в себя и осознание способа ее осуществления. Это происходит особенно часто тогда, когда данная цель ставилась уже раньше и простое действие, необходимое для ее реализации, хорошо знакомо. В более сложных формах деятельности данная сторона цели получает значительное развитие и выделяется в особую систему понятий и представлений — план.⁴⁷

Если цель — отражение предмета, существующего в виде возможности, то план представляет собою отражение превращения этой возможности в действительность действиями человека. Он является мысленным предвосхищением характера и способов деятельности, необходимой для осуществления цели. В плане устанавливается последовательность этапов реализации цели, определяются необходимые средства и методы, срок действий. Маркс указывал на необходимость отражения в плане времени действий и при планировании духовной деятельности. «В противном слу-

⁴⁴ Stachowiak H. Gedanken zu einer allgemeinen Theorie der Modelle. — Studium Generale, 1965, H. 7, S. 462.

⁴⁵ Wüstneck K. Methodologie der Modellmethode und Gesellschaftswissenschaften. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, Sonderheft, 1965, S. 279.

⁴⁶ «„Внутренняя модель“ действия и „внутренняя модель“ предмета, на который направлено действие, тождественны по меньшей мере на ранних генетических ступенях», — говорит Хибш (Hiebsch H. Über das Grundgesetz der Persönlichkeitsformung. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena, 1964, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, H. 2, S. 268).

⁴⁷ В более широком смысле под «планом» в психологической литературе понимается внутренняя модель, алгоритм самого поведения, «всякий иерархически построенный процесс в организме, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться какая-либо последовательность операций» (Миллер Д., Галлахер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965, с. 30),

чае, — иронически замечал он, — я рискую по меньшей мере тем, что мой, в идее существующий предмет никогда не превратится в предмет действительный...».⁴⁸

Понимание целей как отражения позволяет рассматривать их с точки зрения адекватности, степени соответствия потребностям и объективной действительности. В этой связи встает вопрос о применимости к целям понятий истинности и ложности. В современной марксистской литературе можно встретить как с наделением целей истинностью или ложностью,⁴⁹ так и с категорическим отрицанием допустимости этого.⁵⁰ Обе точки зрения нам представляются односторонними, поскольку они не учитывают всей сложности и многогранности цели и ее отношений к действительности. Вторая точка зрения сбрасывает со счета познавательный элемент, содержащийся в развитой сознательной цели. Первая же сводит цель только к этому познавательному отражению.

В цели содержится отражение возможностей, конкретных условий, общие знания, посредством которых она строится как модель, предвосхищение будущего.⁵¹ Все эти моменты обладают свойством истинности или ложности. Целеобразование связано с рядом оценочных суждений. Цель не просто отражает существующие возможности, но и выражает отношение субъекта к ним, оценку полезности их реализации. Известно, что вопрос истинности оценочных суждений чрезвычайно труден. Однако затруднения с применением к оценочным суждениям понятий истинности и ложности в той форме, в какой оперирует этими понятиями современная логика, не могут служить достаточным основанием для отрицания в оценочных суждениях истины в более широком смысле. В марксистской литературе уже неоднократно приводились доводы против такого отрицания.⁵² Указывалось также на принципиальную возможность разработки логического аппарата, который позволит дать выражение истинности оценок, норм и императивов.⁵³ Все это позволяет говорить об элементе истинности или ложности, свойственном стороне цели, отражающей и оценивающей объективные возможности. Свойство истинности или ложности не может, однако, быть распространено на

⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 54.

⁴⁹ Тихухин В. Н. О диалектике цели и средства в процессе труда. — Учен. зап. Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1958, вып. 37, с. 83; Подия В. Н. Цель как объективная истина. — В кн.: Теория познания и современная наука. М., 1967, с. 148—149.

⁵⁰ Багдасарян В. Х. Причина и цель. Автореф. канд. дис. Ереван, 1967, с. 14.

⁵¹ См. рассмотрение истинности высказываний о будущем в статье: Houdot M. Temps, nécessité et prédétermination. — Les études philosophiques, 1973, N 4.

⁵² Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960, с. 113; Мокроусов Н. Н. Об объективном критерии нравственности. — В кн.: Проблемы этики. М., 1964, с. 6; Loeser F. Deontik. Berlin, 1966, S. 102—106.

⁵³ Котарбинский Т. Избранные произведения. М., 1963, с. 771.

цель в целом, на момент стремления, мотиваций, что привело бы фактически к отказу от принципа объективности истины. По отношению к этому моменту можно, очевидно, говорить лишь об адекватности или неадекватности отражения в нем тех или иных внешних побудителей, а также о соответствии общему направлению развития действительности.

Активность сознания, проявляющаяся в целях человека, состоит не только в творческом процессе целеобразования. В еще большей мере она выражается в практической направленности целей. Цель играет роль перехода от сознания к действию, мостика, непосредственно связывающего теоретическую и практическую деятельность. Цель выступает в качестве непосредственного побудителя, направляющего и регулирующего фактора. По словам Маркса, — это «идеальный, внутренне побуждающий мотив» деятельности, «побуждение», создающее притягательную силу, направляющую действия человека.⁵⁴ Цель может играть роль побудителя в силу того, что она, как догадывались еще древнеиндийские философы, скрывает в себе противоречие. «Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его», — писал В. И. Ленин.⁵⁵ Противоречие между человеком и внешним миром, многократно отразившись и преломившись в его сознании, создает движущую силу цели.

Мы рассмотрели в основных чертах цель на ступени, которую Гегель называл «субъективной целью». Проведенный анализ позволяет перейти к исследованию уже давно вставшего перед нами вопроса об отношениях цели и практического действия.

Глава 2

Цель в процессе практического осуществления.

Некоторые функции и аспекты реализующейся цели

Не ставя перед собой задачи изложения всего материала, относящегося в марксистской философии к вопросу цели в ее связи с практикой, остановимся на некоторых связях, функциях и состояниях цели в процессе деятельности человека.

Во-первых, цель выступает в момент принятия решения в роли побудителя к началу действия, отправного пункта деятельности. Иногда в связи с этим ее называют непосредственной причиной сознательного действия («целевой причиной»). В том случае, если понятие «цель» употребляется в широком смысле мотива,

⁵⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 717—718.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

исполняющем и всю потребность как причину, определенную данную цель, то против такого обозначения не приходится возражать.¹ Когда же о цели говорится в значении собственно проекта будущего, то определение ее в качестве причины действия не может не вызвать возражений.² Рассматриваемая в этом аспекте, она выступает в качестве момента причины, близкого по своей функции к тому, который обозначается иногда термином «пусковая причина». Сообщаемый ею начальный импульс освобождает энергию психических и физических действий, причинно обусловленную потребностью во всем ее объеме, в конечном же счете, — материальными условиями. Труднейшим для понимания продолжает оставаться в данном случае вопрос свободы выбора и решения, входящей в целеобразование и целеполагание.

Во-вторых, цель не только «пускает действие», но и продолжает стимулировать духовные и физические усилия человека на протяжении всего процесса. Это побуждающее действие цели есть проявление выражающейся в ней потребности.

В-третьих, цель выполняет функцию направляющего и регулирующего ход действий начала, с которым соотносятся реальные операции, что позволяет вносить необходимые коррекции.

В-четвертых, цель как внутренний момент деятельности воплощается в строении последней. Деятельность человека, как и то, в частности, подчеркивается в психологической литературе, представляет собой систему, имеющую сложное строение.³ Ее архитектура, соотношение отдельных подцелей и операций, движений и способов применения средств, их координация и соподчиненность составляют структурный закон данного объективного процесса. Как писал Маркс, сознательная цель «как закон определяет способ и характер... действий».⁴ Таким образом, цель выступает в процессе практики как некоторая динамическая целостность.

Указанный аспект цели человека весьма ярко, но односторонне описывает Ж.-П. Сартр как «диалектический закон поведения». Превращение им затем «тотализации» в основной закон выражает телеологический и субъективно-идеалистический характер его диалектики. Сартр при этом, конечно, не оригинален. Теснейшая связь понятий цели и целостности пронизывает всю историю этих категорий. В новейшей буржуазной философии целостность цели личности выдвигалась на первый план персонализмом. Представители последнего полагают, что аналитическое рассмотрение

¹ См.: Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973, с. 413.

² Субъективная цель есть побуждение, писал Гегель, «она не сила, которая проявляет себя, и не субстанция и причина, обнаруживающая себя в акциденциях и действиях» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3. М., 1972, с. 193).

³ Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в психологии. — Вопросы философии, 1972, № 9.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

цели невозможно. Она — целое, план, который смотрит в будущее, «органическое целое, которое не может быть полностью описано путем какого-либо анализа его элементов... Цель выполняет функцию объединения и организации сложных деталей, ...принуждая каждую деталь служить конечной задаче. Цель есть реальный факт, который является также принципом тотальности...».⁵ Она — закон целостности духовного субъекта, неповторимого «чистого я» личности. Телеология в данном случае включает в целевой принцип идеи целостности, недетерминированности и абсолютной уникальности выпадающего из всех закономерностей внутрличностного мира.

Телеологическим концепциям целенаправленной целостности личности противостоит исходящая из марксистско-ленинской методологии теория установки. В ней целостно-личностное состояние, предшествующее и сопровождающее целеполагающую деятельность, рассматривается как детерминированное материальными условиями, как звено в процессе отражения бытия. Такая теория установки разрабатывается школой Д. Н. Узнадзе, в частности в связи с критикой постановки проблемы личности и целеполагания в персонализме.⁶

Степень подчинения отдельных действий поставленной цели, их организации в единое целое, устойчивости цели в процессе реализации выражается в понятии «целеустремленность».

В-пятых, цель играет роль содержания деятельности, сохраняясь на всем ее протяжении. Причиной возникновения результата является деятельность, практика, а не цель сама по себе. Так, в процессе труда рабочий «использует средство труда как проводника (Leiter) своего труда и предмет труда как материю, в которой его труд выражается. Именно благодаря этому он превращает средства производства в соответствующую данной цели форму продукта».⁷ Степень соответствия результата деятельности субъективным целям — показатель истинности, объективности познания, господства человека над природными, социальными и внутренними, психическими процессами. Поскольку мысль никогда не может стать тождественной отражаемой в ней материи, неисчерпаемой, бесконечной в своих связях, то и это соответствие не может быть абсолютным. Осуществленная цель, во-первых, содержит некоторый момент несовпадения с субъективной целью и, во-вторых, порождает множество причинно-следственных целей, всех отдаленных звеньев которых предвидеть невозможно.

Вопрос такого несоответствия был подробно рассмотрен в свое время В. Вундтом, который вывел на его основании так называемый закон гетерогонии целей. Отклонения объективной реали-

⁵ Brightman E. An Introduction to Philosophy. N. Y., 1951, p. 250, 253.

⁶ Прянгишвили А. С. Общепсихологическая теория установки. — В кн.: Психологическая наука в СССР. Т. II. М., 1960, с. 128—131.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 45.

зации от поставленных целей входят, согласно этому «закону», в новые ряды мотивов, изменяя прежние цели или добавляя к ним совершенно новые.⁸ Вундт сформулировал свой закон таким образом, что им допускается способность человека предвидеть в цели только наиболее близкие последствия своих действий. Конечные же цели «остаются для нас скрытыми».⁹ Тем самым обосновывается нереальность далеких конечных целей деятельности, что отвечает самой структуре буржуазной общественной психологии и идеологии. Пренебрежение к конечной цели выразил еще Гоббс на заре капитализма.¹⁰ Тем более такое отрицание конечной цели, идея исторической бесперспективности отвечают практике и духу современного империализма.

В настоящее время на несовпадении цели и результатов ее осуществления спекулируют, в частности, представители философской антропологии. Они полагают, что у человека не может быть ясного пути в грядущее. Он «никогда не приходит туда, куда он хочет».¹¹ Придавая новый смысл вундтовской «гетерогонии целей», представители этого направления утверждают, что человек не только не в состоянии избежать непредвиденных результатов, но даже не может различить, что отвечает в полученном итоге проектам, а что отклоняется от них. Они выдвигают принцип «антропологического соотношения неопределенностей», неотделимости центробежных и центростремительных векторов в целях человека.¹²

Все последствия реализации целей представляются неизбежным возрастанием беспорядка, бессмысленностью.¹³ Марксизм согласен в определенном смысле с безрадостной картиной, рисуемой буржуазными философами, но только относит ее не к человеческой природе вообще или к космосу в целом, а к конкретной, изжившей себя форме организации общественной жизни, — капитализму. В то же время было бы неправильно истолковывать оптимизм марксистского мировоззрения в духе наивной веры в то, что социализм автоматически снимает все трудности, связанные с проблемой контроля над отдаленными последствиями реализации целей общественного человека.¹⁴

⁸ Wundt W. *Naturwissenschaft und Psychologie*. Leipzig, 1903, S. 118; Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968, с. 123—130.

⁹ Wundt W. *Ethik. Eine Untersuchung der Tatsachen und Gesetze des sittlichen Lebens*. Stuttgart, 1886, S. 230—231.

¹⁰ См.: Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974, с. 92—93.

¹¹ Plessner H. *Die Stufen des Organischen und Mensch*. Berlin, 1928, S. 337.

¹² Wein H. *Realdialektik. Von hegelscher Dialektik zu dialektischer Anthropologie*. München, 1957, S. 164—168.

¹³ Sypher W. *Esistenza ed entropia*. — *Il Contemporaneo*, 1964, № 71—72.

¹⁴ Подобную нелепую претензию на полное снятие моментов несоответствия между целями и следствиями их реализации пытаются приписать

В-шестых, взаимоотношение цели с другими целями.

Практика — многосторонний и многоуровневый процесс с развитой, обладающей преемственностью структурой. Бесконечно сложная, противоречивая действительность не может не порождать у человека множества различных, часто противоречащих друг другу, целей. Последние различаются между собою (мы отвлекаемся здесь от их конкретного содержания) как цели различных областей деятельности, а также — внутри определенной области деятельности — как далекие, близкие и ближайшие (непосредственные), конечные и промежуточные, общие и частичные, существенные и несущественные. Взаимоотношение этих форм целей подчиняется диалектическим закономерностям отношения общего и единичного, части и целого, сущности и явления, случайности и необходимости, абстрактной и реальной возможностей.

Данные всеобщие взаимосвязи целей и их систем в макро-структуре практики не безразличны к их конкретному содержанию, к характеру направляемой ими деятельности. В особенности это проявляется в различном понимании конечной цели, отношения к ней остальных целей, чему соответствует различие в объективной структуре самой практики.

Мы уже говорили о принижении конечных целей в буржуазном сознании, об отсутствии в нем высоких идеалов.

Конечная цель — главный определяющий мотив, своего рода фокус, в котором сходятся стремления человека в основных областях деятельности. К ней ведет длинный и сложный ряд действий, направляемых промежуточными целями. Правильно поставленная конечная цель выражает сущность процесса развития, а не особенности или разновидности его протекания.¹⁵

Конечная цель, которая не только соответствует основным стремлениям человека, но и представляется ему содержащей полное совершенство, высшие ценности, отвечает его пониманию прекрасного, есть жизненный идеал. Идеал в качестве внутреннего, добровольно принимаемого долга определяет самое общее направление всех стремлений и всей деятельности человека, которые в отношении к нему приобретают свое значение и смысл. Постановка такого идеала входит в задачи мировоззрения, философии. Роль идеала в марксистской философии имеет два аспекта. Во-первых, выработанный ею идеал жизни представляет собою научное выражение итога объективного развития человечества и отвечает самым глубоким жизненным потребностям, интересам трудящихся. Во-вторых, философия марксизма впервые материалистически объясняет великую роль правильно поставленных идеалов, как формы отражения действительности,

марксизму некоторые зарубежные авторы, отождествляющие данное несовпадение в любом случае с отчуждением (см.: George F. Le marxisme de l'exterieur. — Les temps modernes, 1973, N 318, p. 1312.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 241—242.

формы цели. Указывая рабочему классу его идеал, марксистское учение зовет на борьбу за осуществление конечной цели. Благодаря методу диалектики оно правильно решает вопрос о соотношении конечной цели и целей промежуточных, идеала и целей повседневной работы, ставя их в связь на каждом этапе практической деятельности. Возвышенные идеалы, светлые мечты человечества становятся в марксизме научно сформулированной целью, которая вносится в повседневную практику. В ближайшей цели, на осуществление которой его направляет партия, сознательный борец за коммунизм видит отблески великой конечной цели. Его деятельность наполняется глубоким политическим и философским содержанием, приобретает особый смысл.

Утверждение марксистским мировоззрением конечной цели — построения коммунизма — оказывает влияние на структуру духовной жизни, общественной психологии. Трансформируясь в конкретные задачи, эта цель не перестает, однако, оставаться высшим выводом науки и философии. Будничные дела рядовых тружеников приобретают поэтому значение исторического подвига. Это создает основу смысла жизни, т. е. то, чего в принципе не может дать человеку буржуазное общество.

В-седьмых, важнейшей характеристикой реализации цели в ходе практической деятельности и возникающего в ее результате состояния человека служит свобода. Свобода — отношение к необходимым реальным мирам, заключающегося в подчинении объективных процессов сознательным целям. Она включает в себя соответствие между целями и достигнутыми результатами. Свобода предполагает завершение процесса, отвечая ступени осуществленной цели. Возникает она в результате достижения далеко не всякой цели. Характеризуя отношение человека к окружающему миру и к самому себе, свобода осуществляется в разных сферах, на уровнях различной глубины, проходя различные точки этих отношений. Степени, формы, длительность, цельность свободы соответствуют видам, особенностям целей и применяемых средств.

Элемент господства над внешней природой, рождающийся в целесодействующем акте и ограниченный узкими рамками данного действия, не составляет сам по себе свободы, хотя последняя и начинается реализоваться посредством подобных моментов. Преодоление препятствий в процессе труда для достижения цели Маркс называет осуществлением свободы, но еще не ее достижением. Успешное достижение цели, которая навязана извне принуждением, не может составить свободы. Внешнее принуждение, поскольку оно непосредственно детерминирует цели, подавляя и деформируя сложнейшие механизмы целобразования, выбора и целеполагания личности, порождает конфликты как в самих целях, между целями и средствами, так и между возникающим редуцированным элементом свободы и сохраняющейся или даже возрастающей несвободой.

Конфликты подобного рода, необходимо порождаемые буржуазной системой производства, с необычайной силой (хотя и при использовании неадекватного языка гегелевской и фейербаховской философии) были раскрыты молодым Марксом в анализе отчужденного труда. Категория отчуждения с ее экономическим, социальным, политическим, этическим, социально-психологическим содержанием также выражает объективное соотношение целей и средств, характерных для данной ступени развития общественного труда.

Трудоподобная деятельность животного есть выражение биологической потребности. Человек же производит и тогда, когда это не диктуется непосредственно его физической потребностью. Более того, истинно человеческой деятельностью является именно та, которая свободна от прямой детерминации. В условиях же капиталистической эксплуатации жизнедеятельность человека, участие в общественном производстве превращаются в средство поддержания жизни в биологическом смысле. В процессе деятельности происходит раздвоение цели. Объективно человек производит продукт, реализующий определенную цель. Но не она представляет собою то, к чему субъективно стремится производитель. Цель, объективирующаяся в предмете, чужда ему. Его собственная жизнь лежит вне трудовой жизнедеятельности. Отчуждение приближает структуру собственных целей человека к тому, что свойственно животному, у которого единственной целью является удовлетворение биологической потребности.¹⁶

Характер потребностей и уровень их удовлетворения у современного рабочего в развитых капиталистических странах несоизмеримы с потребностями пролетария сороковых годов прошлого века. Но античеловеческий характер отношений, показанный в «Экономическо-философских рукописях» Маркса, продолжает сохраняться в своих главных моментах и при относительно высокой заработной плате и развитых потребностях. Суть дела в самой архитектонике этих отношений, при которых единственной и высшей целью личности может быть только потребление. Буржуазное общество, делая из человека средство увеличения капитала, превращает творческую, специфически человеческую деятельность производителя исключительно в средство его жизни как потребителя. Внутреннее унижение человека определяется унижением человека в обществе. Только тогда, когда «внешние цели теряют видимость всего лишь внешней, природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой сам индивид», возникает «действительная свобода».¹⁷

Свобода — отношение к развивающемуся миру, порождающему у человека все новые потребности. Как определенное состояние практики она представляет собою длящийся процесс,

¹⁶ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 91—94.

¹⁷ Там же, т. 46, ч. II, с. 109—110.

а не единичный акт. Это означает, что, соответствуя ступени осуществленной цели, свобода в то же время подразумевает борьбу за реализацию последующих целей и выработку целей отдаленных будущих действий. Она охватывает движение цели на всех ступенях, требуя непрерывающейся деятельности.

Цель отражает объективные возможности. Существуют, как известно, возможности, реализация которых необходимо требуется законами развития. Отличны от них возможности временной задержки или обращения вспять процесса развития. Они не имеют основы в сущности самой действительности. Осуществление их означает временную приостановку реализации первых возможностей и не приводит к свободе. Дальнейший ход развития неизбежно сметает результаты реализации таких возможностей. Свобода, следовательно, — способность человека не просто достигать своей цели, но осуществлять систему конечных и промежуточных, ближайших и далеких целей, соответствующую не только возможностям преходящего момента, но и общему направлению развития. Господство человека над внешним миром подразумевает господство над самим собой, дисциплину, подчинение действий, желаний, чувств, мыслей, памяти¹⁸ борьбе за поставленную цель.

Внутренний аспект свободы включает устойчивость целей, целеустремленность. В. И. Ленин указывал на недостаточную выдержку в преследовании намеченной цели как на слабость характера и безволие.¹⁹

Это не означает, что сильная воля предполагает непрерывное действие для достижения одной поставленной задачи и не допускает вообще никаких отступлений от цели в ходе деятельности. Одним из колоссальных преимуществ человека по сравнению с искусственными кибернетическими устройствами является не то, что последние якобы не могут иметь, о чем мы будем еще говорить, целей в широком смысле, а то, что в известном отношении эти машины являются более «целевыми», чем человек.²⁰ Человек устает. Он откладывает решение одной задачи и принимается за другую. Ему свойственно наличие множества целей и мотивов, среди которых имеются и противоречащие друг другу. Человек способен отвлекаться от своей цели, переходить к действиям, бесцельным с точки зрения ее достижения. Это придает поведению гибкость, адаптивность. В идеалистической философии с характерным для нее противопоставлением средств и целей и непониманием отражательной природы последних можно встретить утверждения, что способность человека приспособлять свое поведение к изменяющейся природе вещей заключается только

¹⁸ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1959, с. 319—331.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 435.

²⁰ Neisser U. The imitation of man by machine. — Science, 1963, vol. 139, N 3551, p. 194.

в изменении средств, тогда как изменение цели означает не адаптацию, а прогресс.²¹ В действительности же приспособительное к условиям изменение свойственно и целям. Качественные ступени в прогрессивном развитии связаны с изменениями в конечных целях. Внешний мир неизмеримо сложнее разработанных целей и наиболее тщательно продуманных планов. Воля, не реагирующая на изменения условий, отнюдь не сильная воля. Сила воли предполагает способность видоизменять цели и планы, учитывать новую обстановку, новый опыт. Познание не прекращается и на ступени практики.

В процессе практики продолжается конкретизация, обогащение цели, уточнение планов, саморегуляции деятельности в целом. Гибкость и изменчивость в нижних ярусах системы целей служат условием устойчивости высших, конечных целей. Изменение промежуточных целей и соответствующих планов в ходе их осуществления позволяет сохранить неизменным содержание конечной цели на всем протяжении деятельности. Многогранное отношение свободы включает в себя момент свободы воли, выбора и решения. Этот момент состоит не в отсутствии причинной обусловленности ставящихся целей, а в особом качестве детерминированности. В силу того, что личность социально детерминирована, что она впитала в себя часть практически бесконечной информации, накопленной обществом, она может противостоять действию окружающей среды, принимать свободное решение. Указанная способность лежит в основе ответственности, моральной значимости целей и действий.

Цель, средство и ценность

Господство человека над миром возникает в результате применения средств. Можно напомнить слова Гегеля: «В своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей», отмеченные В. И. Лениным как зародыш идеи исторического материализма.¹ Только благодаря средству цель может стать силой, изменяющей действительность. В этом смысле средство «есть нечто более высокое» по сравнению с целью.²

Неотделимое от категории «цель» понятие средства подробно рассмотрено в нашей философской литературе,³ и здесь можно ограничиться лишь некоторыми общими положениями.

²¹ Marcozzi V. Australopithecine e utensili. — La civiltà cattolica vol. 111, 1965, N 13, p. 27.

¹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 172.

² Там же, с. 171.

³ См.: Типухин В. Н. О диалектике цели и средства в процессе труда. — Учен. зап. Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1958, вып. 37; Трубников Н. Н. О категории «цель», «средство», «результат». М., 1968.

В качестве средства выступают используемые человеком явления, а в широком смысле, как отмечал еще Аристотель, и все его собственные действия в соотношении с целями и объектами воздействия. Отношение между потребностью, целью, средствами, предметом и результатом является частным случаем причинной связи, несущей в себе момент циклической зависимости. Потребность, цель побуждают и направляют определенное движение средств. Средство становится причиной следствия, предвиденного в цели. Создается основа для иллюзии, что, используя выражение Гегеля, «цель через средство соединяется с объективностью и в последней с самой собой».⁴ В процессе целеобразования в сознании уже имеет место предварительное взаимодействие цели с представлением о средстве. Цели строятся в значительной степени как результат учета средств, последние же, в свою очередь, подбираются в соответствии с целью.

Средство как связь между субъективной целью и предметом не может не быть единством противоположностей: объективного существования и способности служить проводником цели. Взаимодействие средств с предметом, предвидимое и регулируемое человеком, и есть практическая деятельность. Средства, их свойства, играют роль орудий власти человека. Они не противостоят ему как самостоятельные силы, будучи частью его целесообразной деятельности и входя в функционирующую общественную систему.

Средство не отделено резкой границей от цели, с одной стороны, и от предмета, — с другой. Его единство с ними заключено прежде всего уже в самом субъекте. Человек использует в качестве средств собственные естественные силы. В практике цель становится средством, средство до овладения им само служит целью.

Предмет и средство в определенном отношении совпадают. Средство при овладении им выступает в роли предмета, предмет включается в понятие средства в широком смысле всех условий, без которых деятельность не может осуществляться в своем совершенном виде. Относительное различие между предметом и средством существует в пределах осуществляющегося процесса. Но оно стирается в рамках заверщенного процесса, где средство и предмет противопоставляются, с одной стороны — субъективной цели, а с другой — результату. В нем они выступают, в той или иной мере, в качестве проводников, через которые прошла, подчиняя их себе, осуществляющаяся цель. С усложнением предмета деятельности по мере овладения более глубокими законами природы сфера применения средств расширяется, различие между ними и предметом становится более относительным. Все очевиднее проявляется социальная природа средств производства,

⁴ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

выступающих уже как искусственные органы не отдельного индивида, а всего общества.

Между целью и средством могут иметь место противоречия разного порядка. Противоречие состоит уже в том, что отношение между ними есть единство противоположностей субъективного и объективного. В силу этого требуется волевое и физическое усилие, без чего цель не может привести внешние средства в действие. Противоречие другого порядка — возможное качественное и количественное несоответствие. Из-за ошибок люди нередко прибегают к средствам, не соответствующим цели. Так, представители утопического социализма стремились к революционным целям, но надеялись достичь их неревolutionными средствами. Поэтому, — отмечал Г. В. Плеханов, — «противоречие между целями и средствами является одной из самых слабых сторон утопического социализма».⁵ Исторический материализм исходит из вторичности целей по отношению к общественному бытию. На этом основан оптимизм марксистского мировоззрения. «Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления».⁶ Но из этого вытекает и неизбежность противоречия, когда условия, средства находятся только в процессе возникновения. Отличие научного социализма от утопического состоит в данном случае в том, что первый отражает уже созревшие средства и указывает реальные пути их применения. Действенный характер марксизма, органически сочетающего практику и теорию, определяет тенденцию к наибольшему сближению в нем цели и средств.⁷

Целеполагание включено в отношения общественной жизни, обладая той или иной социальной значимостью. Общество, вопроса саморегуляции материальных основ которого мы еще коснемся, вырабатывает также механизмы политической, правовой, моральной, эстетической, общественно-психологической регуляций поведения человека в сфере идеологических отношений. Сохранением этих регуляций являются цели класса или социальной группы. Формой проявления таких целей или критериев служат «ценности». Отражение «ценностей» в их аспекте целей регуляции издавна входило в содержание телеологических учений. В буржуазной философии разработка аксиологии, в свою очередь, приводит к утверждению общей телеологии.⁸

Ценностное отношение возникает на разных уровнях. В этой связи понятие «ценность» применяется в нескольких, близких друг другу значениях. В работах В. П. Тугаринова «ценности»

⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. 4, с. 249.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

⁷ Баянф А. Избранное. М., 1965, с. 12.

⁸ См.: K ü h n L. Autonomie der Werte. Berlin, 1926.

определяются в широком смысле, как «явления» природы и общества, которые полезны, нужны людям в качестве действительности, цели или идеала.⁹ Отражения их в психике, соответствуя потребностям и целям, направляют деятельность. В более узком смысле «ценность» выражает подкласс указанного класса явлений, составляемый продуктами культуры, подчеркивая их предметность, передачу от поколения к поколению, сохранение и приумножение.¹⁰ В еще более узком смысле ценности суть регуляторы духовной жизни, нравственного, художественного, социально-политического, религиозного сознания. Они являются понятийно-эмоциональными комплексами, связывающими идеи и чувственные образы и играющими роль «стандартов» отношения и поведения. Эти структуры пронизывают все уровни и формы общественного сознания. Особенность их функционирования — укоренение в личности в качестве своего рода параметров модели социального поведения. В отличие от норм (сами ценности могут как обладать, так и не обладать нормативным значением) ценности переживаются не просто как императивы, как то, что человек «должен», но прежде всего как желаемое, чтимое. Будучи индивидуальными по форме, ценности носят и определенно выраженный надличностный характер. Они выступают как некоторые инварианты в потоках и преобразованиях общественного сознания, фиксируют принципы отношения и поведения, необходимые для сохранения и развития общественной системы.¹¹ Надындивидуальная природа ценностей личности как интериоризация общественных оценок ясно ощущалась человеком на ранних ступенях развития цивилизации.¹² Вплоть до наших дней она дает пищу теориям, рассматривающим ценности в качестве идеальных субстанций. Ключом к решению вопроса может быть только понимание сущности человека как ансамбля общественных отношений, положение об общественной природе сознания. Ценности — результат исторического развития общества, и как отражение они могут быть поняты только в плане фиксации в них социального опыта. В личности они выступают как концентрированное выражение внутренних, духовных сил. Превращение выработанных обществом стандартов во внутренние ориентиры и

⁹ Тугаринов В. П. Духовные ценности человека. — Советская педагогика, 1966, № 1, с. 25.

¹⁰ Чагин Б. А. Проблема ценности и оценки в свете трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. — В кн.: Проблема ценности в философии. М.—Л., 1966, с. 7.

¹¹ Представление о ценности как об ограничении многообразия поведения, придающем последнему направление и служащем основой системы социального контроля, развиваемое в различных формах в современной буржуазной литературе, не лишено поэтому, как нам кажется, рационального момента (см.: Gurvitch G. Social control. — In: Twentieth century sociology. N. Y., 1945, p. 272—291; Berndt R. M. Excess and restraint. Social control among a New Guinea mountain people. Chicago, 1962, p. 11—12; Mattaglia F. I valori fra la metafisica e la storia. Bologna, 1957, p. 86—87.

¹² См.: Dodds E. R. The greeks and the irrational. Berkeley, 1959.

импульсы личности служит устойчивости общественной системы. Ценность — обычно регулятор более высокого уровня, чем конкретные цели действий, он менее четко выражен и менее отчетливо осознаваем. Ценности направляют функционирование самих целей. В то же время при определенных условиях могут иметь место взаимопереходы между основными целями деятельности и ценностями. Особенно близки между собой ценности (в соответствующей сфере деятельности) и конечные цели.

Целевая природа ценностей позволяет уяснить, почему не оправдывает себя понятие «антиценности».¹³ (Имеется в виду «ценность» в указанном смысле; при абстрактном значении этого понятия в теории информации применяется термин «отрицательная ценность»). Ценность, как и цель, содержит в себе момент направления, стремления к ней. Не имеет смысла говорить о «противоцелях» или «отрицательных целях». Конечно, некоторые антагонистические цели и ценности выступают в определенном отношении как «антиценности» или «противоцели», но это уже другой вопрос.

Эффективность системы ценностей повышается ее ступенчатой организацией, на вершине которой стоят определяющие конечные цели. Этот принцип широко использовался, в частности, католицизмом. На ценностно-системный, иерархический аспект его телеологической философии мы уже обращали внимание.¹⁴

«Понятие „цель-средство“ оказывается, — замечает Б. Данэм, — по крайней мере составной частью любой убедительной этической теории».¹⁵ Специальное рассмотрение этого вопроса не входит в задачи данной книги, тем более что в настоящее время он достаточно освещен в работах наших специалистов в области этики. Тем не менее мы не можем обойти эту тему, считая в принципе неправильным исключение из содержания диалектического материализма основ теории этики. Вопросы сущности добра и зла, их соотношения между собой, свободы и ответственности человека отстоят от ядра нашей философии ничуть не дальше, чем, скажем, актуальнейшие вопросы использования моделей в квантовой механике или построения «общей теории систем». Исследование категории цели в марксистской философии, даже не претендующее на полноту, не может, по нашему убеждению, совершенно обойти этический аспект отношения цели и средства.

Если дана цель, насколько мы ограничены в выборе средств? Ограничены ли мы только теми, которые наше моральное сознание одобрило бы независимо от характера цели? Может ли быть оправданным применение дурных средств, если они использу-

¹³ См.: Lazzarini R. *Tecnica, costume e iniziazione escatologica*. — In: *Tecnica e casistica. Archivi di filosofia*. Padova, 1964, p. 330.

¹⁴ Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974, с. 80—81, 85.

¹⁵ Данэм Б. Гигант в цепях. М., 1958, с. 214.

ются ради хорошей цели? Если да, то имеет ли применение подобных средств какие-либо границы? Приведенные вопросы обычно объединяются формулой: «оправдывает ли цель средства?». Этические системы дают различные ответы на эти вопросы и различно их обосновывают. В теоретической, идеологической борьбе, остро протекающей в области этических учений, решение данных вопросов является обычно объектом взаимных обвинений. В этих же вопросах марксистская этика подвергается едва ли не наиболее ожесточенным клеветническим нападкам со стороны идеологов буржуазии.

Существуют две крайние точки зрения. Формалистическое направление наделяет средства некоторыми неизменными, абсолютными ценностями, независимыми от целей и результатов. На практике подобные взгляды ведут или к расхождению между проповедуемой моралью и делами, или к бездействию. Таковы, в частности, попытки обоснования социал-демократами отказа от классовой борьбы. Согласно утверждениям некоторых идеологов западногерманской социал-демократии, допустимы лишь те средства, которые отвечают общечеловеческому интересу. Стачка, например, безнравственна, так как она направлена против интересов предпринимателя, а все средства, нарушающие интересы человека как такового, дурны.¹⁶ Но отказ от средств фактически есть отказ и от цели. Это становится все более очевидным в идеологии и действиях социал-демократов. «Общечеловеческие» ценности открыто предпочитают противопоставляемой им цели социализма. «Мы, — утверждали португальские правые социалисты, — не принесем ценностей общества как такового в жертву ценностям социализма».¹⁷

Формалистическое направление претендует на гуманность, на то, что оно высоко несет знамя общечеловеческих ценностей. Действительно, уважение к этим ценностям, отрицательное отношение к жестоким средствам могут в определенных условиях придать известную привлекательность данным теориям. Однако гуманны ли они в своей сущности? Если добиваться на деле торжества добра, любви, справедливости, то невозможно с любовью относиться к тем, кто приносит страдания большинству человечества. Одно исключает другое. Чтобы исключить применение жестоких средств, необходимо сломить сопротивление тех, кто навязывает людям их применение. Для этого жестоким средствам в принципе могут быть противопоставлены жестокие же средства. Это, конечно, гораздо труднее, чем ограничиваться абстрактной проповедью применения исключительно гуманных средств. Абстрактный гуманизм скрывает, между прочим, стремление к сохранению собственного душевного спокойствия, расчетливость и

¹⁶ Söder G. Studie zur rechtssozialistischen Ideologie. Berlin, 1957, № 48—50.

¹⁷ L'Humanite, 1975, 1 juillet.

эгоистическую черствость. Ведь важно лишь сохранить свою моральную чистоту, как христианину — попасть в царствие небесное. Напротив, путь реальной борьбы за благо людей не может иметь ведущим мотивом сохранение абстрактной доброты и видимости собственной моральной чистоты.¹⁸

Другой крайностью является принцип «цель оправдывает средства». Содержанием его является не мысль о том, что моральная ценность средства находится в зависимости от цели. Главное в этом принципе — заранее дающееся оправдание всяким средствам вообще и прямое требование использовать любые из них, не ограничивая себя никакими моральными нормами. Его метафизический характер состоит в абсолютизации зависимости моральной ценности средств от ценности цели, тогда как метафизичность первого направления заключается в абсолютизации момента относительной самостоятельности средств. Моралист иезуитов писал в XVII в.: «Так как цель позволена, то и средства дозволяются». Система иезуитов исходит из представления о надчеловеческой, божественной цели, воплощенной в руководстве церкви и ордена. По отношению к ней земная жизнь человека, общественные отношения и обязанности — только средства. Сам же член ордена с его совестью, разумом, чувствами есть „мертвое тело“ ... которое можно повернуть в любом направлении, или же палка старика, которая служит тому, кто ее держит в руке, в любом месте и для любого употребления».¹⁹ Попирая общечеловеческие ценности, оскорбляя нравственные чувства людей, иезуиты сделались объектом всеобщей ненависти и презрения. Одно только указание на то, что этическая теория ведет к выводам, совпадающим с положениями иезуитов, рассматривается уже как обвинение. По существу же иезуитский принцип поправления моральных норм ради достижения цели не только сохранился, но и принял более жестокий и утонченный характер в практике империализма.

В то же время буржуазные теоретики пытаются обвинять марксизм в том, что он якобы оправдывает любые средства в борьбе за достижение своих целей. Не останавливаясь на подобных измышлениях представителей грубого антикоммунизма, следует сказать о более тонких вариантах такой «критики». В них гуманный характер коммунизма и утверждение им моральных норм, ограничивающих выбор средств, не оспариваются, но утверждается, что это не соответствует самим принципам марксистской философии. Так, видный представитель неотомизма Маритен, сохраняя видимость объективности, воздерживается от гру-

¹⁸ Анализ такой ситуации имеется в письмах выдающегося руководителя эстонского рабочего класса Я. Анвельда. Человек высокой нравственной чистоты, он ради организации побега революционера из ссылки готов был пожертвовать важным для себя моральным принципом (см.: Väljavõtteid Jaan Anveldi kirjadest. — Looming, 1964, N 4).

¹⁹ Цит. по: Тонди А. Иезуиты. М., 1955, с. 146.

бой клеветы. Он согласен, что К. Маркс отвергал принцип «цель оправдывает средства», и подтверждает, что марксистские авторы решительно отвергают этот принцип, утверждая безусловные моральные нормы и ценности. Но для Маритена признание устойчивости в явлениях есть признание сверхъестественной духовной сущности; в данном случае признание стабильности норм может быть, по его мнению, лишь признанием вечных, божественных ценностей, не связанных с историческим развитием. Поэтому, согласно Маритену, марксисты, опасаясь попасть в одну компанию с иезуитами, допускают непоследовательность, так как в их работах звучит «эхо абсолютных этических ценностей».²⁰ Последовательное же проведение логики марксизма требует, утверждает неотомист, полностью релятивизированной этики. По его мнению, марксизм превращает жизнь человека в простой инструмент прогресса, не оставляет места общечеловеческим ценностям, признает только полезность — не индивидуальную пользу отдельной личности, а пользу коллектива. Критерием нравственности для марксизма, продолжает Маритен, выступает не просто успех, но лишь успех, отвечающий закономерному ходу истории, поскольку-де нравственно лишь то, что способствует конечной цели исторического развития — коммунизму.²¹ Маритен здесь использует старый аргумент критиков марксизма: противопоставление положения об объективной необходимости исторического развития идее моральной ответственности человека.

Обвинение в иезуитизме представляет собою одно из средств борьбы против политики коммунистических партий, возбуждения недоверия к усилиям КПСС добиться прочной разрядки международной напряженности. Эти усилия объявляются «тактической вуалью, уловкой» в борьбе за власть. Марксизм-ленинизм называют «инструментализмом», «историческим прагматизмом», оправдывающим любые полезные ему в данный момент средства.²² При этом, как уже отмечалось, идеологи империализма не всегда отрицают высокие моральные качества советских людей, нравственность многих коммунистов собственных стран. Главное для них — доказать, что якобы из самой сущности марксистской философии вытекает применение бесчеловечных средств. В связи с этим существенным для опровержения домыслов буржуазных идеологов является не столько приведение фактов и примеров, сколько анализ соответствующих теоретических положений марксизма.

В этической теории марксизм не отрицает подчинения морального значения средств ценности поставленной цели. Моральной оценке подлежит реальное действие как единое целое, моментами которого являются цель, средства и полученный результат. В за-

²⁰ Maritain J. La philosophie morale. Paris, 1960, p. 318.

²¹ Ibid., p. 322.

²² Natta A. La via dell'incontro. — Rinascita, 1966, N 7, p. 3.

висимости от того, для достижения какой цели применяются данные средства, может изменяться и их значение. Вопрос в том, какую цель считать нравственной и какую — безнравственной. Марксизм видит нравственные критерии в борьбе за коммунизм, за интересы рабочего класса, которые являются одновременно и высшим моральным законом. «Наша нравственность, — говорил В. И. Ленин, — подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата».²³

Не означает ли это, что марксизм, беря в качестве критерия свою собственную цель и оправдывая средства, способствующие ее достижению, исходит тем самым из принципа «цель оправдывает средства»?²⁴ Анализ положений марксистской философии, относящихся к данному вопросу,²⁵ показывает, что марксистская этика отвергает безразличие при выборе средств по крайней мере на следующих основаниях.

Во-первых, в силу самой природы цели. Связь средства и цели, средства и результата есть форма связи между причиной и следствием. Общей чертой причинной связи является адекватность следствий причинам. Это должно означать, что моральному характеру целей в общем соответствует моральный характер ведущих к ним средств. «Цель, — писал К. Маркс, — для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель».²⁶

Конечной целью марксистов является коммунистическое общество. Коммунизм — не только категория экономической и исторической науки, но одновременно — и высший этический идеал. В нем реализуются нравственные требования народов. Он — конечная цель постольку, поскольку утверждает высшие ценности: счастье, мир, свободный труд, равенство и братство людей. В этом отношении его можно рассматривать как средство достижения счастья народов. Поэтому борьбе за коммунизм не может не противоречить применение бесчеловечных средств. Борьба за коммунистическое общество есть высшее проявление борьбы за благо человечества. Применение средств, связанных с жертвами и лишениями, оправдано только в тех случаях, когда спасает народные массы от гораздо больших страданий.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309.

²⁴ Эта формула употребляется здесь только в ее исторически сложившемся значении. Попытка применить ее в ином смысле к марксистской этике не дала бы ничего, кроме путаницы. Последнее в известной мере имело место у И. Диггена, принимавшего данную формулировку для выражения диалектики взаимосвязи средства и цели (см.: Дигген И. Избранные сочинения. М.—Л., 1931, с. 80—91).

²⁵ Проблема отношения средств к цели в этике марксизма специально рассматривается в кн.: Шишкин А. Ф. Основы марксистской этики. М., 1961; Титаренко А. И. Прагматистский лжемарксизм — философия антикоммунизма. М., 1964; Селсам Г. Философия революции. М., 1963; Sève L. Sur la conception de la responsabilité. — La pensée, 1962, N 11; Selsam H. Ethics and progress. New values in a revolutionary world. N. Y., 1965.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 65.

Оно не вытекает из самой цели, а всегда навязано действием реакционных сил. Империализм, создававший смертельную угрозу для нашего народа, является главным виновником того, что строительство социализма в СССР было связано с применением средств, связанных с серьезными лишениями.

Во-вторых, подчинение морали конечной цели рабочего класса не означает отрицания устойчивых норм, ограничивающих выбор средств. Содержанием моральных норм является в данном случае обобщенное отражение отношения действия к закономерному процессу движения к коммунизму. Нормы фиксируют наиболее существенное в нравственном опыте класса. Высший моральный критерий применяется, будучи опосредован этим опытом, нормами, что исключает произвол и субъективизм при различении полезного и вредного с точки зрения данной цели. Нормы отвечают высшей цели и ценностям, конкретные же действия оцениваются с точки зрения этих норм. Поступать, руководствуясь конечной целью, целесообразностью, означает поступать в согласии с нормами. Поэтому следование требованиям коммунистической морали способствует достижению рабочим классом его целей.

Коммунистическая мораль подчинена практике, но не практике личности или даже класса в данной конкретной, переходящей ситуации, а борьбе за освобождение в целом. Эта борьба выражает объективную закономерность истории. Содержание коммунистической морали в свою очередь объективно, поскольку отражает в конечном счете общие моменты отношения действия к этой закономерности. Мораль служит интересам класса постольку, поскольку его воля выражает ту же объективную закономерность, опосредствованным отражением которой является мораль.

Совпадая в целом с основными интересами и целями рабочего класса, мораль обладает в то же время относительной самостоятельностью. Ее нормы поднимаются над текущей практикой, выступая по отношению к ней в роли объективного критерия. Нормы создают определенные границы подвижному многообразию средств. Выбор может осуществляться только внутри этих границ. Марксизм отказывается от средств, применение которых хотя и могло бы дать некоторый временный эффект, но нарушает нормы коммунистической морали.²⁷

Гносеологический анализ показывает несводимость средств к цели, своеобразно преломляющуюся в области моральных отношений. Признание этого момента служит третьим основанием исключения принципа «цель оправдывает средства».

Средство не обладает абсолютно независимой моральной ценностью, приобретая последнюю в отношении к цели. Данная относительность носит диалектический характер, в соответствии

²⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 376; т. 38, с. 32; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 20.

с положением В. И. Ленина: «В (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное».²⁸ Относительное моральное значение средства содержит в себе момент абсолютного, не растворяющийся в ценности действия как целого. Средство сохраняет тем самым элемент самостоятельности.

В этом вопросе имеется, очевидно, различие между материалистической диалектикой и диалектикой Гегеля. Великий диалектик-идеалист отрицал наличие у средства даже относительной самостоятельной ценности: «Средство именно и есть то, что ничего собою не представляет само по себе, а есть лишь ради другого и в этом другом имеет свое определение и свою ценность».²⁹ Такое отрицание определяется, видимо, сведением в идеалистической философии средств к понятиям, что означает утрату различия между природой средств и целей.

Момент относительной самостоятельности средств³⁰ позволяет проводить различие между нравственно допустимыми, но в разной степени желательными средствами.

Относительная самостоятельность средств означает не только то, что в нравственном действии средства могут сохранять отрицательный момент, но и то, что хорошие сами по себе средства, применяемые для дурной цели, не утрачивают полностью своего отличия от дурных средств, используемых в том же действии. Отрицать это значило бы придерживаться принципа «цель оправдывает средства», вывернув его наизнанку: если хорошая цель делает хорошими преступные средства, то и дурная цель делает дурными любые средства. Учет относительной самостоятельности означает возможность использования нравственных средств и качеств для совершения дурных поступков. Наличие таких элементов не делает эти действия лучше. Скорее наоборот, если эти моменты и не делают указанные действия хуже в моральном отношении, то обычно они делают их более опасными. Использование каких-то нравственно положительных средств способно иногда ввести в заблуждение относительно истинного значения целей и результатов реакционной деятельности. Необходимо лишать противника возможности использовать эти сильные моменты, показывать противоречие между средствами такого рода и объективно реакционной деятельностью в целом, целями, в которых они используются.

²⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 317.

²⁹ Гегель. Соч., т. VII, с. 167.

³⁰ Относительная ценностная самостоятельность средств признается некоторыми буржуазными исследователями. «Просто неверно, что цели служат объектом оценок и что средства оцениваются только в их инструментальном отношении к целям. Во всяком человеческом действии средства обладают, дополнительно к их инструментальному значению, независимыми ценностями как таковыми», — пишет Мюрдаль (Myrdal G. Value in Social Theory. London, 1958, p. 49).

Рассмотрение цели как формы сознания ставит перед философией ряд проблем.

Возникает вопрос об отношении целеполагания к закономерностям природы, к свойствам живой материи, на основе которых развилась данная особенность человека. Могучее воздействие сознательной цели на материальные процессы требует поиска того физиологического механизма, который делает возможным подобное влияние. Нуждаются в ответе и вопросы, касающиеся связи способности целеполагания с процессами развития общества. Цели человека включены в систему общественных отношений и понимание их движения предполагает также объяснение функционирования этой системы. Рассмотрение указанных вопросов призвано, в частности, установить смысл применения категории цели к сферам природы и объективных социальных процессов. До настоящего времени эта проблематика служит питательной почвой телеологических воззрений.

Признание действенной силы цели как момента особой формы причинных отношений связано воедино с идеей отражательной природы сознания. Цель в ее значении формы субъективного мира человека рассматривается в качестве структурной закономерности особого типа объективного процесса — целеполагающей деятельности, процесса, являющегося продуктом и содержанием истории общества.

Материальное единство накладывает ограничения на многообразие объективного мира и расхождение свойственных ему противоположностей. Не абсолютна, вне рамок гносеологического отношения образа и его предмета, противоположность между сознанием и материей. История общества лишь в некоторых пределах может быть противопоставлена развитию природы. Не может быть и абсолютного разделения материй на лишенную черт целесообразности и целенаправленности и на обладающую этими свойствами. Как в самом фундаменте материи заложены возможности зарождения психики, так и в живом веществе существуют предпосылки формирования целеполагания. Цель как закономерность действия человека не могла бы возникнуть без предшествующей длительной эволюции низших форм цели в психике животных. В противном случае появление ее было бы нарушением единства материального мира. Именно абсолютное противопоставление целевого строя сознания каузальной структуре природы служило одним из источников телеологии. В этой связи утверждения об органических основах сознательной цели, о целевых структурах нервных процессов и поведения живых организмов опровергаются опровержением телеологических форм идеализма и дуализма. Это доказывает правомерность и смысл применения понятия цели к объективным зависимостям органической природы и социальной жизни, не определяемым сознательной целью. Здесь мы переходим в область отношений, обозначаемых обычно понятием объективной целесообразности.

Глава 1

Категория «цель» и телеология в понимании общественной жизни

В развитии понимания и применения категории «цель» Марксом и Энгельсом вопросы целесообразности и целенаправленности общественных систем играют особую роль.

Актуальнейшей задачей остается и критика в этих вопросах телеологии, поскольку именно здесь непосредственно проявляется ее подлинная идеологическая роль. Гносеологические истоки телеологических концепций в данной области состоят в одностороннем подходе, абсолютизации или извращенном истолковании:

подчинения общественной деятельности людей объективным законам, определяющим направление исторического процесса; саморегуляции общественных, в первую очередь экономических, систем;

социального приспособления, адаптации общественных образований, их функционального аспекта; общественного прогресса.

Телеология и детерминизм в проблеме объективных законов общественного развития

В истории категории цели в целом проблема применимости ее к общественным явлениям занимает иное место, чем аналогичная проблема в познании органической природы.

Безраздельное господство идеализма в исторической науке лишало здесь борьбу телеологии и детерминизма ее остроты. Поскольку общественная жизнь есть совокупность деятельности людей, руководствующихся целями, постольку проявляющаяся в ней целесообразность представлялась обычно легко объяснимой как прямое проявление этих целей.¹ Целеполагающий субъект рассматривается как отправной пункт исследования, сводящегося к малосодержательной субъективной телеологии. Последняя ка-

¹ Поскольку все события в обществе содержат действия людей, постольку «социальные изменения в определенном смысле телеологичны», — пишет Гинсберг (Ginsberg M. Factors in social change. — Transactions of the Third World Congress of Sociology. Vol. 1. Amsterdam, 1956, p. 18).

ются в этом случае отвечающей требованиям научного мышления и противостоящей мистической концепции «конечных причин» как некоторого надличностного начала.

«Эти две телеологии, — писал когда-то Н. К. Михайловский, — не только не имеют между собою ничего общего, но находятся в постоянном, и не случайном, а необходимом антагонизме».² Ближкую по существу точку зрения проводит Ж.-П. Сартр, поддвигая антителеологизм в науке о природе, но объявляя отрицание антропоморфизма, «конечных причин» абсурдным в изучении человека. Признание цели в качестве реальной структуры человеческих дел означает, по Сартру, утверждение телеологии в понимании общества.³

Пытаясь представить историческое движение совокупности взаимодействий людей в качестве непосредственного продолжения действий личности, подобный подход обнаруживает свою несостоятельность при первом же соприкосновении с фактами существования объективных общественных отношений и закономерностей. В этой ситуации становится логически неизбежным превращение надличностного в надчеловеческое. Объективное отношение принимает вид внеисторического отчуждения, некоего мистического, по существу, начала.

Объяснение историческим материализмом природы объективных законов общественной жизни, снявшее противоречие между их необходимостью и свободной деятельностью людей, сыграло решающую роль в утверждении социально-исторического детерминизма и опровержении телеологии.

Распространение материализма на познание общественных явлений было одновременно и применением к ним диалектики. Фетишизацией законов было покончено. Был вскрыт их противоречивый характер, показаны взаимопревращения общего и отдельного, случайного и необходимого, а также значение целостности и системности в их материалистическом понимании. Получило глубокую разработку понимание причинности.

Отход от диалектики в вопросе взаимоотношения законов общества и деятельности людей как творцов истории связан с неизбежным переходом с позиций детерминизма к субъективизму или к объективно-идеалистической телеологии. Известно, например, что трактовка детерминации общественных процессов экономическими причинами в духе механицизма придает этим причинам видимость некой внечеловеческой силы. Люди представляются при этом «в виде марионеток, приводимых в движение уже не провидением, а экономическими категориями».⁴

В нашей литературе обстоятельно доказано, что исторический материализм исключает подобное противопоставление объектив-

² Михайловский Н. К. Соч., т. 1. СПб., 1906, с. 144.

³ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960, p. 98—102.

⁴ Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960, с. 180.

ных законов исторической деятельности людей и ведущую к телеологии фетишизацию законов. В частности, подчеркивается значение исследования осуществления общих законов истории, складывающихся на их основе конкретных закономерностей исторического процесса.⁵ Против искажений исторического материализма в духе фатализма направлена разработка вопроса об исторических возможностях, альтернативах реальному ходу событий, например, в интересной статье М. А. Кисселя.⁶ Мы не можем, однако, согласиться с содержащимся в последней утверждением, что марксистское историческое объяснение является одновременно и причинным и телеологическим, синтезирующим оба эти аспекта.⁷ Вопреки этому исторический материализм является именно безраздельно причинным, иначе он не был бы материализмом. Диалектико-материалистическая концепция причинности не только не синтезирует в себе каузальность и телеологию, но и является, если употребить выражение указанного автора, еще более «чистой», чем механическая, в том смысле, что она не содержит в себе односторонностей, ведущих к уступкам телеологии. Освоение же материалистической философией рациональных моментов телеологии не есть, как известно, синтез материализма и идеализма. В истории целесообразная деятельность лиц не «накладывается» извне, как пишет М. А. Киссель, на сетку каузальной детерминации, а сама образует эту сеть, выступая то как следствие, то как причина.

Рассмотрение Энгельсом соотношения сознательных целей людей и исторической необходимости отнюдь не сводится к положению о параллелограммах сил и ходе истории как результате столкновений множества отдельных волей. Ограничиваться этим положением значило бы не видеть качественного различия между Энгельсом и Кантом,⁸ представлять необходимую закономерность как только внешнее ограничение целенаправленной деятельности личностей. Историческая закономерность, причинность может сочетаться при таком понимании с абсолютной свободой воли, недетерминированностью целей отдельного человека. В случае недетерминированной природы личных волей, автономности телеологического фактора в целях не содержалось бы того общего, которое определяло бы направленность результирующей параллелограммов сил. Необходимость, возникающая на основе столкновения целей, не была бы закономерностью развития. Общественная система вечно совершала бы непрерывные колебания вокруг не-

⁵ Федосеев П. Н., Францев Ю. П. О разработке методологических вопросов истории. — Вопросы истории, 1964, № 3; Гуревич А. Я. Об исторической закономерности. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

⁶ Киссель М. А. Карл Маркс и методология исторического объяснения. — Вестник ЛГУ, № 11. Экономика, философия, право, 1972, вып. 2.

⁷ Там же, с. 79.

⁸ См.: Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974, с. 135—136.

которой нулевой точки. Разумеется, при этом была бы исключена объективная классовая тенденция в действиях составляющих общество лиц. В этой связи Энгельс дополнял свою модель параллелограммов сил напоминанием о физической и, в конечном счете, экономической детерминированности воли и целей человека, говоря, что, когда речь идет о движущих силах истории, о ее законах, надо иметь в виду причины, которые приводят в движение целые классы.⁹ Существование же общих моментов в интересах индивидов, входящих в данный класс, возможно только « силу детерминированного характера их воли. Исторический материализм несовместим с индетерминистским пониманием целей отдельного человека. Целесообразная деятельность людей несет в себе момент реализации закона, служит ее проводником. Противопоставление же недетерминированных целей человека исторической необходимости как отчуждению его сил характерно для антропологических, экзистенциалистских концепций.

Марксистскую концепцию исторической возможности следует противопоставлять злоупотреблению этим понятием в экзистенциалистском ревизионизме, где возможность превращается в нечто совершенно независимое и даже первичное по отношению к причинам, закону.¹⁰ Абсолютизация категории возможности в экзистенциализме, персонализме и в некоторых формах ревизионизма имеет телеологический смысл. Возможность, противопоставляемая действительности с ее причинными связями, оказывается творением цели, воплощением проекта. «Некоторое событие становится возможным, — пишет персоналист Рикёр, — ... потому что я его проектирую». ¹¹ Философская антропология прикрывает свой отход от детерминизма шумной критикой «механистической причинности». Законы истории, причинность, согласно этой точке зрения, — лишь внешняя рамка творчества личности, свободного от обусловленности экономикой и классовыми интересами. Любая организация вообще, руководство партии, опирающейся на познание объективных причин и законов в особенности, выступает якобы как тормоз личной инициативы, как « принципе враждебная личности сила. Именно с позиций такого понимания цели критикует марксистский детерминизм Сартр, обвиняя его в отрицании роли целей, в «телеологическом дальтонизме».¹²

У некоторых ревизионистов фактический отход от принципа детерминизма прикрывается использованием понятия «закон —

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 395—396. См. также обстоятельный анализ диалектики объективных условий и субъективного фактора в общественном развитии в кн.: Чагин Б. А. Субъективный фактор. Структура и закономерности. М., 1968.

¹⁰ См.: Фойтик Я. Актуальность идей Ф. Энгельса об историческом материализме. — Проблемы мира и социализма, 1970, № 9.

¹¹ Ricoeur P. Philosophie de la volonté. Paris, 1949, p. 53.

¹² Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 99.

тенденция». Эластичность последнего трактуется в смысле подчинения целям людей, якобы создающих исторические законы и возможности по своему произволу.¹³

Субъективистская телеология ревизионистов находит поддержку со стороны представителей религиозно-клерикальной философии, использующих ее для утверждения веры. Заявляется, например, что только вера может придать единство возможностям, составляющим «структуру человека», воплощая это единство в цели исторического процесса. Тем самым вера создает цель истории.¹⁴

Следует отметить, что увлечение некоторых марксистов развитием положения об относительной самостоятельности надстроек, духовной культуры, преувеличения в критике «экономического детерминизма» весьма резко столкнулись с демонстрацией определяющей роли экономики в виде кризиса 1974—1975 гг. Эти увлечения, как отмечалось в западноевропейской коммунистической печати, ослабили в ряде случаев готовность марксистской мысли к оперативному анализу разразившегося экономического кризиса и его возможных последствий.¹⁵

О цели в экономике

Материалистическая переработка и совершенствование диалектики Марксом и Энгельсом были осуществлены в первую очередь на материале политической экономики. Это потребовало, в частности, развития того аспекта диалектики, который связан с отношениями организации, регуляции сложных систем, управления. Такое развитие отвечало природе диалектического метода, у самых истоков которого лежало неясное еще отражение отношений управления и регулирования, часто придававшее диалектике телеологический характер.¹⁶ Целесообразность и целенаправленность не могли не получить выражения и в категориальном аппарате марксистских экономических исследований. В этом Маркс имел предшественников в самой экономической науке, поставившей к этому времени проблему объективной целесообразности, цели регуляции капиталистического способа производства.

В основе механизмов саморегуляции капиталистической экономики лежит закон стоимости. Имеет место циклическая зависимость, выражаемая в наше время понятием отрицательной

¹³ Vranicki P. Determinismo storico e libertà dell'uomo.— Mondo operaio, 1966, N 8.

¹⁴ Garlato F. Finalità unitaria e dinamismo della storia.— Idea, 1969, N 7—8.

¹⁵ Ferrari M. Crisi economica e ricerca teorica.— L'Unita, 1975, 14 febbraio.

¹⁶ См.: Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии, с. 13, 19, 25—26, 38, 43, 55, 71.

обратной связи: слишком много продукции—снижение цены—уменьшение выпуска продукции, слишком мало продукции—повышение цены—рост выпуска продукции. Денежная цена, указывал А. Смит, выступает в качестве регулятора.¹⁷ Движение цен автоматически регулирует деятельность не только отдельных предприятий, но и распределение и перераспределение капитала между отраслями производства, пропорции между ними. «Таким путем без всякого вмешательства закона, — писал А. Смит, — частные интересы и стремления людей, естественно, заставляют их делить и распределять капитал... среди различных занятий, существующих в нем, по возможности в точном соответствии с тем, что наиболее совпадает с интересами всего общества в целом».¹⁸ Целесообразно и соответствие между капиталистическими регуляциями, определяемыми прибылью как внутренней целью, критерием работы экономического механизма, с одной стороны, и потреблением общества, потребностями его развития, — с другой.¹⁹ Эта целесообразность, представляющая собой у А. Смита идеализацию относительного соответствия капиталистических производственных отношений производительным силам и исторически прогрессивной роли капиталистического способа производства, получает телеологический вид. Преследующий лишь собственную выгоду капиталист «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения».²⁰

К. Маркс подтвердил и развил выводы классической буржуазной политической экономии о саморегуляции капиталистического хозяйства, включив, между прочим, понятие цели в определение организации, закона развития этого способа производства.

То, что понятие цели входит у Маркса в формулировку закона производства, породило трудности методологического порядка. Они отчетливо проявились в нашей философской и экономической литературе 50-х годов в связи с обсуждением выдвинутых И. В. Сталиным определений основных экономических законов капитализма и социализма. Следуя за Марксом, он подчеркнул необходимость введения в эти определения «цели производства».²¹ В том, что И. В. Сталин понимал в данном случае цель как некоторое объективное отношение материальной действительности, вряд ли может быть сомнение, особенно если иметь в виду, что он здесь же делал акцент на объективном характере экономических законов.

Ряд участников развернувшейся дискуссии стали в категорической форме настаивать на объективном, от воли человека не

¹⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 43.

¹⁸ Там же, с. 457.

¹⁹ Там же, с. 478.

²⁰ Там же, с. 332.

²¹ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 76.

зависящем характере цели производства,²² не сделав, однако, попыток уточнить категориальную природу данного понятия. В связи с этим стали появляться отдельные утверждения, носившие явно телеологический привкус, а немецкий философ-марксист А. Баумгартен прямо писал, ссылаясь на И. В. Сталина, что законы истории носят телеологический характер.²³ Состояние вопроса и неразработанность категории цели в нашей литературе этого периода хорошо выразил в ходе дискуссии И. С. Кон: «Не выяснена гносеологическая природа такого понятия, как цель производства. Одни говорят, что цель производства — это нечто объективное, существующее вне сознания людей. Но ведь цель всегда предполагает субъект, иначе мы скатимся на позиции телеологии... Но как субъективная цель может определять содержание объективного закона?». ²⁴

В основе трудностей лежало, таким образом, узкое понимание категории «цель» как исключительно лишь характеристики сознания, неприменимой к объективным отношениям. Некоторую роль играла и недооценка проблемы саморегуляций в экономике, их направленности на поддержание устойчивости основных отношений. Признание же саморегуляции требует установления состояния, сохранение которого ею обеспечивается. Именно оно и выражается у Маркса понятием цели в его широком значении, что отвечает традиции и логике развития данной категории в истории философии. Так как понимаемая в этом смысле цель фиксируется в организации, структуре причинных цепей, то она, естественно, не может не входить в основной закон, этот организационный принцип экономической системы.²⁵ «Цель производства» выражает внутреннюю определенность капиталистической системы хозяйства, направленность, реализующуюся в способе расходования денежных сумм, на возрастание прибыли. В сознании капиталиста это объективное отношение выступает как субъективная цель. Последняя является элементом циклической причинной цепи, в котором происходит оценка обратной информации. Своей деятельностью, говорил Маркс, капиталист опосредует кругооборот капитала.²⁶ Его сознание играет роль измерительного устройства, параметры работы которого заданы условиями функционирования целого. Тип цели определен однозначно. Капиталист не имеет в этом смысле выбора, вынужден поступать лишь

²² См.: Румянцев А. М. Открытие и обоснование т. Сталиным основного экономического закона социализма. — Вопросы философии, 1953, № 1, с. 8; Краткий обзор статей об основном экономическом законе феодализма. — Вопросы истории, 1955, № 2, с. 87.

²³ Baumgarten A. Bemerkungen zur Erkenntnistheorie des dialektischen Materialismus. Berlin, 1957, S. 119.

²⁴ Обсуждение вопроса об основном экономическом законе феодализма. — Вопросы истории, 1954, № 4, с. 87.

²⁵ См.: Lange O. Entwicklungstendenzen der modernen Wirtschaft und Gesellschaft. Wien, 1964, S. 23.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 121.

определенным образом (поскольку, конечно, он остается капиталистом).²⁷ Искусство его состоит, по признанию самих буржуазных экономистов, в оптимальном (в смысле получения наибольшей прибыли) приспособлении предприятия к существующей, а также ожидаемой ситуации, как на входе, так и на выходе предприятия.²⁸ Средняя величина предвидения капиталиста при организации производственного процесса может быть учтена как некоторый физический фактор.²⁹ Сознательное целеполагание его есть действие «общественного механизма, в котором он является только одним из колесиков». ³⁰

Поскольку объективная цель способа производства и субъективная цель капиталиста выражаются одним понятием и имеют общее содержание, то не во всех случаях можно различить, в каком смысле употреблена Марксом данная категория. Но в некоторых случаях разница проведена достаточно четко: «Денежная сумма есть капитал, т. е. по своему назначению, только по тому, что она должна применяться, расходоваться таким способом, который имеет целью ее увеличение, потому что она расходуется с целью ее увеличения. Если это по отношению к наличной сумме стоимости или денежной сумме проявляется как ее назначение, ее внутренняя движущая сила, тенденция, то по отношению к капиталисту, т. е. владельцу этой денежной суммы, в руках которого она должна выполнить эту функцию, — как намерение, цель». ³¹

Стремление капиталиста к возрастающей прибыли подстегивается и контролируется конкуренцией. Цикл же регуляции системы в целом замыкается не в «измерительных устройствах» ее элементов, а на уровне подвижного равновесия, возникающего в стихийных столкновениях массы этих элементов.

Категория «цель» в объективном значении «цели производства» применяется Марксом к регуляции системы. Цель здесь — исходный и конечный пункт, точка замыкания цикла.³² Она определяет пределы, в которых данная система может функционировать,³³ служит «направляющим моментом» саморегулирующегося

²⁷ Там же, т. 26, ч. II, с. 559.

²⁸ W e n k e K. Matrizenmodelle in der Grossindustrie. — In: Anwendungen der Matrizenrechnung auf wirtschaftliche und statistische Probleme. Würzburg, 1963, S. 112.

²⁹ Так, в сталелитейной промышленности величина 6,27 выражает влияние возрастания цены на спрос в направлении изменения самой этой цены. Покупатели, заметив повышение цен, учитывая темпы ускорения этого повышения, покупают больше стали, чем это им требуется для производства. Если цена падает, то они, наоборот, воздерживаются от покупок, чтобы купить сталь позднее, когда она еще больше подешевеет (Л а н г е О. Введение в эконометрику. М., 1964, с. 120).

³⁰ М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 23, с. 606.

³¹ Там же, т. 49, с. 32.

³² Там же, т. 46, I, с. 147.

³³ Там же, т. 25, ч. I, с. 274; т. 26, ч. II, с. 587.

целого.³⁴ Целенаправленность способа производства предполагает его устойчивость и независимость от случайности.³⁵ Сцепление причин и следствий образует механизм, который «сам устраняет те преходящие препятствия, которые он создает».³⁶ В его циклической структуре одни и те же факторы выступают попеременно то как следствие, то как причина.³⁷ Одновременно цель — получение прибыли — остается выражением детерминированной материальными отношениями потребности, выступая в этом своем аспекте как мотив деятельности каждого капиталиста в отдельности и всего класса в целом.

Развив рациональное содержание идей А. Смита, относившихся к регуляции капиталистической экономики, Маркс освободил их от телеологии. Объективная цель способа производства входит без остатка в диалектическое сцепление причин и следствий, в полном соответствии с каузально-детерминистическим мировоззрением. Решающее значение здесь принадлежит раскрытию механизма получения прибавочной стоимости, образующего связь между начальной причиной — трудом — и всеми процессами движения богатства. Марксистский анализ вскрыл и исторические причины возникновения капиталистических отношений как целостной системы.³⁸ Раскрытие детерминирующей роли производительных сил создает в свою очередь основу причинного понимания целесообразности в сфере экономических отношений. В то же время причинный подход Маркса показал относительность целесообразности капиталистической системы, антагонистический и преходящий характер ее саморегуляции.

Применение Марксом понятия цели к организации производства не ограничивается экономикой капитализма. У него имеются высказывания о цели докапиталистических форм производства и цели коммунистической формации. Это подтверждает, что Маркс придавал данному понятию общее категориальное значение, хотя конкретно раскрыть его смысл смог только при анализе капиталистического способа производства.

Исторический материализм не просто освободил понимание общества от тривиальной субъективистской телеологии, но и дал объяснение тому аспекту общественной жизни, на который обращалось внимание в концепциях цели истории Канта, Гегеля, А. Смита. Ведь если исторический процесс не зависит от воли, намерений, целей людей и в то же время происходит путем раз-

³⁴ Там же, т. 26, ч. II, с. 559.

³⁵ Там же, т. 25, ч. II, с. 356.

³⁶ Там же, т. 23, с. 633.

³⁷ Там же, т. 23, с. 649.

³⁸ Нельзя согласиться с попытками выражения раскрытых Марксом регуляций капиталистической экономики в терминах гегелевской телеологии, хотя рациональные моменты последней учитывались создателем научного социализма при исследовании и понятийном выражении самоорганизующейся общественной системы (см.: P a r a P. *Questioni di teoria per il comunismo*. — *Critica marxista*, 1974, N 5).

вития и смены определенных целостностей, обладающих саморегуляцией, которая поддерживает воспроизведение некоторых отношений, то постановка вопроса об объективной целенаправленности системы является логически неизбежной. Принцип материалистического понимания истории и экономическое учение Маркса раскрыли лежащие в основе этих механизмов материальные причины и, показав независимость данной целенаправленности от сознания людей, усилили вес «телеологической», в традиционном философском понимании, проблематики. Опровержение телеологии было в то же время развитием ее рационального смысла.

Социальное приспособление и функционализм

Относительная согласованность, взаимная прилаженность различных сфер общественной жизни, целесообразность тех или иных форм с точки зрения выполняемых ими задач — эмпирически воспринимаемый факт, обращавший на себя внимание еще древних политических деятелей и философов. Признается он и марксизмом, применяющим для его выражения целый ряд понятий. В значении «нужности для сохранения или развития» (а не только как противоположность случайности) употребляется иногда понятие «необходимость».³⁹ Этот же смысл передает термин «соответствие» (например, производственных отношений — производительным силам, надстроек — экономическому строю и т. д.). Еще полнее его выражают понятия «целесообразность»,⁴⁰ «полезность»,⁴¹ «социальное приспособление» или «адаптация». На последнем мы остановимся несколько ниже.

Стихийно сложившаяся целесообразность социальных институтов, аккумулируя вековой опыт, может превосходить способности данного поколения сознательно рационализировать свою деятельность. Так, например, мудрость обычаев австралийских аборигенов настолько хорошо позволяла им существовать в суровых условиях и превосходила уровень их знаний, что некоторые ученые высказывали даже предположение о предшествовавших, гораздо более цивилизованных племенах, которые выработали и передали эти обычаи сменившему их населению.⁴² В подобных случаях может осознаваться только формальная цель деятельности (исполнение «воли богов», «спасение души», выпол-

³⁹ Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956, с. 105.

⁴⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 376; Плеханов Г. В. Соч., т. VII. М., 1925, с. 196.

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 296. Некоторые авторы считают, что термин «полезность» применим скорее к отдельным общественным явлениям, частным структурам (см.: Ślasiak H. Pojeciazwianno z terminem «funkcja» w socjologii. — Studia socjologiczne, 1964, N 2).

⁴² Homan G. C. English villagers of the thirteenth century. N. Y., 1900, p. 404.

нение завета и т. п.), объективный же ее смысл остается неосознанным.

Для выражения роли, которую играет некоторый элемент в данной социальной системе в целом или по отношению к отдельным явлениям, используется термин «функция». Он весьма неоднозначен,⁴³ но все его смысловые оттенки обычно так или иначе содержат указание на эту роль (позитивную или негативную).

В буржуазной социологии приоритет применения понятия функции к общественной жизни приписывается Э. Дюркгейму.⁴⁴ На самом же деле его использовал в этой области еще Гегель.⁴⁵ У Маркса применение этого понятия можно встретить, начиная по меньшей мере с 1843 года.⁴⁶ Но функциональный подход (например, при рассмотрении капитала, классов, государства) никогда не превращался основоположниками марксизма-ленинизма в основной и, конечно, не противопоставлялся причинному.

Надо отдать должное Э. Дюркгейму. Понимая под «функцией» соответствие между общественным институтом и потребностями социального организма, он стремился избежать телеологии. В связи с этим французский социолог противопоставлял это понятие понятию цели, а также предупреждал против придания ему смысла причины. Показать, чему служит тот или иной «социальный факт», его функцию, не значит объяснить возникновение этого факта.⁴⁷ Дюркгейм делал попытки согласовать функциональный подход с причинным объяснением на основе довольно туманно выраженной идеи способности следствий поддерживать существование собственных причин.⁴⁸

Ведущий представитель современной теории структурного функционализма Т. Парсонс уже не стесняется признать телеологическое существо данного направления.⁴⁹ В качестве модификации телеологии функционализм определяют и другие буржуазные социологи и логики.⁵⁰

Основная проблема этой теории — интеграция социальной системы. Связи структурных единиц рассматриваются с точки зрения их значения для сохранения, эффективности или развития

⁴³ Нагель Э. Функционализм в общественных науках. — В кн.: Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968, вып. 1, с. 373—379; Lipiec J. Podstawy ontologii społeczeństwa. Warszawa, 1972, s. 210—252.

⁴⁴ Radcliffe-Brown A. R. Structure and function in primitive society. London. 1959, p. 178.

⁴⁵ Гегель К. Соч., т. VII, с. 300—302, 313.

⁴⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 242.

⁴⁷ Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris, 1947, p. 93, 97.

⁴⁸ Ibid., p. 96.

⁴⁹ Структурно-функциональный анализ в современной социологии, вып. 1, с. 8.

⁵⁰ Там же, статьи А. Фрэнка, А. Мартиндейла, Дж. Рекса; Hempel C. The logic of functional analysis. — In: Symposium on sociological Theory. N. Y., 1959, p. 278.

целого. Попытки некоторых функционалистов освободиться от слишком явной телеологии связаны с манипуляциями понятием «функция», его смысловыми оттенками, вводятся понятия «латентная функция», «дисфункция» и т. д.

Противоречащий строю научного мышления, телеологический смысл структурного функционализма состоит не в описании функциональных зависимостей и адаптаций социальных явлений. Он — в первую очередь — в отрыве данных отношений от причин развития, в подмене причинной связи связью функциональной. Цело не меняется и тогда, когда функциональную зависимость пытаются противопоставить целевой, а также заменяют понятие цели понятием целостности.⁵¹ Подобная замена известна из истории категории «цель» как своего рода закономерность развития телеологических концепций. Целостность, которой придается роль причины, приобретает смысл телеологического фактора. Ничего не меняется и при замене терминов «целое», «целостность» словом «система», что отвечает происходящему сейчас переходу структурного функционализма на позиции «теории систем».⁵² Поскольку система «понимается как причина всего остального, постольку все другие социальные явления исключаются из сферы анализа или искажаются подгонкой под априорный принцип, что все социальные явления обусловлены системой».⁵³

Абсолютизация системных и функциональных отношений позволяет отвлечься от деления на общественное бытие и общественное сознание, базис и надстройку, рассматривать в качестве определяющих регуляторов нормы и ценности. Злоупотребляя кибернетической фразеологией, Парсонс утверждает, что в обществе системы с большим содержанием информации, но слабые в энергетическом отношении, регулируют другие, которые выше в энергетическом, но ниже в информационном отношениях.⁵⁴ Чем длиннее временная перспектива, тем больше значение культурных факторов, прежде всего религии, как ценности, направляющей все развитие.⁵⁵ Структурные функционалисты порицают Маркса за якобы недостаточный уровень научной абстракции. Это не позволило, по их словам, Марксу подняться выше «дуализма» материального и нематериального, свести как базис, так и надстройку к функциям комбинаций неких единых, более общих переменных.⁵⁶

⁵¹ Radcliffe-Brown A. R. A nature science of society. Glencoe, 1957, p. 154.

⁵² Американская социология. М., 1972, с. 19.

⁵³ Мартиндейл А. Границы функционализма в социологии и его альтернативы. — В кн.: Структурно-функциональный анализ в современной социологии, вып. 1, с. 343.

⁵⁴ Parsons T. Societies. Evolutionary and comparative perspectives. N. Y., 1966, p. 9.

⁵⁵ Ibid., p. 113—114.

⁵⁶ Parsons T. Sociological theory and modern society. N. Y., 1967, p. 115—116.

Но именно создатель исторического материализма показал бесплодность абстракций типа «функции вообще», «системы вообще», «организма вообще» при попытках дедуцировать из них содержательное знание о специфических, различающихся между собою объектах. Абстракция подобного рода выходит за рамки разумного предела, и анализ реальных причин, противоречий, развития подменяется упражнениями с этими абстракциями. Создается лишь видимость действительного познания.⁵⁷

Подвижность связи социальной функции со структурой, их лабильность, зависимость от условий находят выражение в социальном приспособлении или адаптации. В отличие от аналогичного понятия в биологии социальное приспособление не относится к числу фундаментальных категорий науки об обществе, играя лишь сугубо вспомогательную роль. Это объясняется тем, что оно не выражает существенных причинных зависимостей, а также может обозначать глубоко различные и даже противоположные процессы.⁵⁸ Сюда относятся: адаптация устаревшей формы к антагонистичным ей новым условиям при сохранении ею своей основной природы; подчинение старой формы новым задачам, придание ей совершенно новых функций; выправление функционирования некоторых структур в силу действия механизмов регуляции; приспособление личности к социальным условиям и т. д. В марксистской литературе делались попытки введения также термина «неадаптированность» для характеристики, например, положения некоторых социальных групп (люмпен-пролетариата), а также личности.⁵⁹

Как уже было сказано, злоупотребление понятием социального приспособления позволяет функционалистам отвлекаться от основного членения общества. Выдвигается, например, положение об объективном характере всех социальных структур вообще (общественно-психологических, религиозных, политических, экономических, семейных, производственных), что должно лишить значения противопоставление общественного сознания бытию.⁶⁰ Делаются попытки использовать положения Энгельса и Ленина о приспособляемости капитализма для того, чтобы обвинить марксизм в противоречии, когда тот настаивает на ограниченных возможностях адаптации этого строя к современной обстановке.⁶¹ Поскольку социальная адаптация, согласно функционализму, зависит только от сознания, то революционное свержение капитализма не имеет смысла.⁶²

⁵⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 229—230; т. 46, ч. II, с. 458.

⁵⁸ Неопределенность термина «адаптация» в социологии признается и некоторыми современными буржуазными авторами (см.: Н o m a n s G. C. The human group. N. Y., 1950, p. 90).

⁵⁹ Muri G. Notes sur l'inadaptation. — La nouvelle critique. 1966, N 175.

⁶⁰ Nikolaï A. Comportement économique et sociale. Paris, 1963, p. 22—35.

⁶¹ Ibid., p. 137.

⁶² Ibid., p. 20.

Функционализм направлен также против теории отражения: общественное сознание приспосабливается к вкусам и интересам, а не отражает социальные условия. Поэтому противоположные по содержанию политические и экономические доктрины могут в одинаковой мере адаптироваться и удовлетворять запросам общества.⁶³

Существование попыток функционалистской ревизии марксизма показывает вред определения Маркса в качестве представителя функционализма, как это делают некоторые буржуазные социологи,⁶⁴ или разговоров о «марксистском структурализме». В теоретическом же плане такая ревизия означает смещение исторического материализма с телеологией буржуазных социальных учений.

В наши дни стремительного развития идея приспособительного изменения все шире используется буржуазными идеологами, стремящимися представить капитализм способным безгранично адаптироваться к новым условиям. Социология структурно-функционального анализа призвана служить этой задаче. На функционализм возлагают надежды и открытые проповедники антикоммунизма, рассчитывающие с помощью этой теории «преодолеть» «старый онтологический, материалистический способ мышления» марксистского учения.⁶⁵

О применении понятия цели к общественному прогрессу

Проблема применения категории «цель» к развитию общественных явлений возникает и в вопросе направленности исторического процесса в целом. Реакционная роль телеологии выступает здесь особенно отчетливо. В свою очередь многие буржуазные и ревизионистские теоретики пытаются представить марксистскую концепцию прогресса в виде телеологического учения.

Марксистское понимание общественного прогресса хорошо известно, и нет необходимости еще раз подчеркивать его последовательно детерминистический характер. В рамках данной работы следует, очевидно, лишь противопоставить историко-материалистическую теорию прогресса некоторым телеологическим концепциям и в этой связи уточнить некоторые моменты ее выражения.

⁶³ Galbraith J. K. The affluent society. N. Y. 1958, p. 17—18.

⁶⁴ Структурно-функциональный анализ в современной социологии, вып. 1, с. 320; Janne H. Fonction et finalité en sociologie. — Cahiers internationaux de sociologie, vol. XVI, 1954, N 1, p. 54.

⁶⁵ Виноградов В., Игрицкий Ю., Шкаренков Л. Инерция предубежденности. По страницам восьмитомной энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество». — Проблемы мира и социализма, 1975, № 9, с. 89.

В отличие от циклических процессов экономических систем процесс поступательного развития общества в целом не может быть охарактеризован при помощи понятия цели в ее объективном смысле.⁶⁶ Результат развития не может оказывать воздействия на настоящее (если не понимать под этим воздействия сознательных целей, предвосхищающих будущее).

Телеологическая фальсификация взглядов марксизма приписывает ему концепцию линейной, жесткой последовательности ряда способов производства, как якобы изначально запрограммированной. При этом используются встречающиеся иногда в нашей литературе неточности. История представляет собой, согласно указанной вымышленной концепции, реализацию предустановленного порядка, направленную к изначально заложенной цели. Закон прогресса отрывается от причин развития, превращается в некий самодовлеющий, надпричинный фактор.

Тенденция к определенной последовательности смены форм общественного процесса, т. е. к некоторой общей линии развития, является фактом. Однако марксизм никогда не утверждал, что уже в первобытном обществе была заложена необходимость повсеместного прохождения именно данных ступеней. История общества не есть преформированное развитие. Она идет не прямолинейно, а, как подчеркивал В. И. Ленин, зигзагами и кружными путями. Громадный материал истории и этнографии показывает, что ни в самом человеке, ни в производительных силах как таковых не содержится какого-либо причинно обусловленного, фатального стремления к совершенствованию. В каждом отдельном случае прогрессивное развитие имеет свои причины. Единственным всеобщим стремлением людей является потребность поддерживать свое существование. Для этого они вынуждены производить, объединяясь в системах материальных отношений. Структуры систем причинно обусловлены характером производственной деятельности, производительными силами и складываются в антагонистическом обществе в ходе столкновения классов. В зависимости в первую очередь от организации внутренних причинно-следственных связей, а также от внешних воздействий докапиталистические формы могут как довольно бурно развиваться, так и принимать вид застойных систем. Классики марксизма-ленинизма указывали, что всеохватывающим и унифицирующим прогресс становится только с переходом к капитализму — системе с совершенно новым принципом экономической регуляции. Еще более глубоким качественным изменением, скачком к совершенно новым принципам организации и развития является переход к социализму и коммунизму.

⁶⁶ Подобную ошибку, по нашему мнению, допустил талантливый философ из ГДР Г. Клаус (Klaus G., Schulze H. *Sinn, Gesetz und Fortschritt in der Geschichte*. Berlin, 1967, S. 163—166).

Понятное чувство оптимизма, величие исторических преобразований порождают у некоторых авторов не соответствующие духу материализма формулировки. Неизбежность коммунистического общества выводится иногда из присущего якобы не только обществу как таковому, а всей материи стремления развиваться к высшему, более совершенному. Человек же изображается в виде выразителя чуть ли не провиденциальной силы. Утверждается, например, что строительство коммунизма, распространение людей в космосе, вызывается «интересами всего эволюционного ряда», является «делом всей материи». ⁶⁷ Очевидно, авторы подобных декламаций забывают о том, что нашим идеологическим противникам очень нужны такие нескладные фразы, позволяющие подкрепить версию о телеологической природе марксизма. В нашей литературе на недопустимость подобного рода характеристик прогресса аргументированно указывает А. А. Макаровский. ⁶⁸ Против формулировок, которые могут быть истолкованы в телеологическом духе, возражают и зарубежные марксисты. ⁶⁹ В действительности концепция прогресса в историческом материализме носит причинный, а не финалистский характер, что обстоятельно показано, в частности, советскими философами. Закономерность прогресса подчинена основному закону истории — определяющей роли производства. Это позволяет ставить вопрос о причинном обосновании проявлений прогресса в каждом отдельном случае. ⁷⁰

Телеологические искажения марксистской концепции прогресса часто связаны с антропологической трактовкой соответствия коммунистического строя общей природе человека. Слова Лигельса о том, что коммунизм есть переход человека в условия действительно человеческие — не просто стилистический оборот. Человек освобождается от всех остатков отчуждения, от деформаций его психофизической и духовной сторон. Именно такое соответствие нового общества не только производительным силам, но и сложившимся в течение десятков тысячелетий антропологическим характеристикам и тенденциям развития человека предполагается марксистской теорией. Порочность антропологической формы ревизионизма заключается не в указании на данное соответствие, а в подмене последним причинной зависимости социализма от развития классовой борьбы, так же как и в пре-

⁶⁷ Фаддеев Е. Т. Некоторые философские проблемы освоения космоса. — В кн.: Дialeктический материализм и вопросы естествознания. М., 1964, с. 195.

⁶⁸ Макаровский А. А. Общественный прогресс. М., 1970, с. 223—227, 233.

⁶⁹ Suret-Canale J. A propos de la conception marxiste de l'histoire. — L'Humanité, 1966, 2 août; Simon M. Progrès, raison et histoire. — La nouvelle critique, 1966, N 176, p. 70; Zannardo A. Un saggio sovietico sulla libertà. — L'Unità, 1966, 20 dicembre.

⁷⁰ Коммунизм и социальный прогресс. Л., 1973, с. 46—48.

вращении антропологических свойств в сущность человека. Коммунистический строй рассматривается в качестве запрограммированного изначально в человеческой природе, а история представляется реализацией этой природы — цели всего процесса. Телеологическую сущность подобного антропологизма выразил последователь Тейяра де Шардена П. Шопар, который утверждал, что все возможности человека были заложены в нем, как только сформировался его мозг. Все развитие общества было их реализацией. Поэтому высшая ступень культуры якобы в человеческом обществе присутствует с самого начала, подобно тому, как взрослый организм — в яйце, его биохимических структурах.⁷¹ В конце 50-х годов в ГДР подверглись критике взгляды философа Э. Блоха. Согласно последнему, поступательность развития немыслима без целевого отношения. Понимание прогресса включает в себя ответы на вопросы «куда» и «ради чего», понятия «цель» и «смысл».⁷² Целевые отношения определяют структуру времени. Пытаясь применить к истории теорию относительности, Блох настаивал на различных метриках пространства — времени, зависящих будто бы от скрывающихся в глубине общественного процесса целей. Конечная цель — не коммунизм, а терпимость, человечность.⁷³ Она заложена в природе человека, представляя собой принцип «надежды». Телеология приводит здесь к подмене научного социализма абстрактным «человечным социализмом», борьбы, основывающейся на анализе объективных законов, — туманной надеждой на фатальный ход целенаправленного прогресса. Философия Блоха явилась выражением недовольства известной части старой интеллигенции режимом диктатуры пролетариата, руководящей ролью партии.⁷⁴ В своих истоках она примыкала, в частности, к поздним вариантам телеологии Шеллинга, выступала как попытка «ошеллингианивания» марксизма.⁷⁵

Еще одним вариантом телеологического антропологизма является попытка ревизионистов изобразить социализм в качестве осуществления изначально заданного предназначения — развития «цельного человека».⁷⁶ Враждебный коммунизму смысл подобных мудрствований об осуществлении человеческой сущности как якобы конечной цели всемирной истории был достаточно убедительным.

⁷¹ Какое будущее ожидает человечество? Ппара, 1964, с. 275—284.

⁷² Bloch E. Differenzierungen im Begriff Fortschritt. — Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, 1955, N 5, S. 40.

⁷³ Ibid., S. 24.

⁷⁴ B e m m a n A. Vom Kampf gegen philosophischen Revisionismus. — Neues Deutschland, 1957, 19 Mai; S c h w a r t z e H. Die Illusion vom Dritten Weg. — Neues Deutschland, 1957, 15 Oktober.

⁷⁵ Förster W. Rezeptionslinien der Philosophie Schellings. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1975, N 2, S. 305.

⁷⁶ K o s i n g A. Ernst Fischer — ein modernen Marxist? Berlin, 1970, S. 57—62.

только раскрыт Марксом и Энгельсом еще на заре научного социализма.⁷⁷

В марксистской литературе можно встретить применение категории цели и входящих в ее поле понятий в особом значении для выражения направления исторического процесса. В качестве цели выступает при этом завершающая ступень. Предыдущие этапы оцениваются ретроспективно с точки зрения роли в подготовке данного итога, и им условно придается значение средства достижения его как «цели». На первый план здесь выступает момент завершения, конца движения. Установить результат, к которому ведет процесс, и под его углом определить место и роль предшествующих явлений в процессе в целом не может не иметь ценности для познания. В таком подходе находит свое выражение аналитическое отыскание причин по следствию, частей по целому. Логический аспект данного приема был рассмотрен, в частности, близким к неокантианству Зигвартом, отстаивавшим на этом основании приоритет телеологии в науке.⁷⁸

В условном смысле Маркс говорил об историческом призвании, исторической задаче, имманентной цели капитала, заключающихся в развитии производительных сил и подготовке перехода к высшей ступени — социализму. Ленин, анализируя кризис в физике, указывал в этом же смысле, что современная наука бессознательно идет в своем развитии к философии диалектического материализма как к своей конечной цели.

Гносеологическая сущность подобного условно-целевого приема познания была освещена Марксом и Энгельсом в ходе критики телеологического понимания истории. «На самом же деле то, что обозначают словами „назначение“, „цель“, „зародыш“, „идея“ прежней истории, есть не что иное, как ... абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую».⁷⁹ «Цель» в таком ее употреблении есть «в лучшем случае риторическая форма, один из многих способов многословного пересказывания фактов».⁸⁰ «Цель» выступает здесь как абстракция от причинной связи развития, как превращенная форма отражения этой связи. Предшествующая история рассматривается с точки зрения ее значения для возникновения последующей. Указанный прием реализует принцип единства исторического и логического. Не только предшествующее развитие дает возможность лучше познать конечный результат, но и знание результата позволяет глубже понять прошлое. Это справедливо не только в отношении познания общества, но и природы. Степень приближения к высшей форме, — чело-

⁷⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 473, 494; т. 4, с. 451—453.

⁷⁸ Sigwart C. Der Kampf gegen Zweck Schriften. Bd II, Freiburg—Tübingen, 1881, S. 42.

⁷⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45.

⁸⁰ Там же, т. 4, с. 141.

веку — в эволюции органического мира, к коммунистическому обществу — в общественном развитии, служит масштабом прогресса, помогающим вскрыть основное направление развития. Познание итога позволяет выделить существенное в предшествовавших формах, тенденции, возможности низших ступеней. «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития».⁸¹ Так, знание феодального общества помогает оценить значение колоната в рабовладельческом Риме, как «зародыша» феодальных отношений. Учет закономерностей возникновения и развития социализма освещает историческую роль капитала, его «цель», «историческое призвание». «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.».⁸² Сходная мысль, искаженная в телеологическом духе, имеется у Гегеля: «Для понимания низших ступеней необходимо знакомство с высшим организмом, ибо он является масштабом и первообразом для менее развитых; так как в нем все дошло до своей развернутой деятельности, то ясно, что лишь из него можно познать неразвитое».⁸³ Здесь телеология (высший организм — «первообраз» менее развитых) означает отождествление цели в ее функции условного приема с объективным отношением действительности, что отвечает онтологизации логического процесса.

Эвристическое значение данного приема ограничено. Он оправдывает себя на первых этапах познания смежных ступеней. Распространение его на отдаленные стадии вступает в противоречие с реальными качественными отличиями, с разветвлением развития на расходящиеся, сходящиеся и параллельные линии. Так, если методологический антропоцентризм и антропоморфизм в свое время помогали пониманию морфологии позвоночных (основные категории позвоночных установлены на основе изучения анатомии человека), то применительно к беспозвоночным они тормозили познание на всех этапах.⁸⁴

Условное применение понятия цели в марксистской литературе⁸⁵ отличается от использования данной категории в рассмот-

⁸¹ Там же, т. 23, с. 85.

⁸² Там же, т. 12, с. 731.

⁸³ Гегель. Соч., т. II, с. 518.

⁸⁴ Гиляров М. С. Некоторые общие задачи эволюционной морфологии беспозвоночных. — Успехи современной биологии, т. LXIX, 1960, вып. 2, с. 218.

⁸⁵ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 284, 485; т. 46, ч. I, с. 280.

ронном выше значении момента циклической структуры причинно-следственных целей («цель производства»). На гносеологическую близость условного применения понятия цели в марксистском учении об обществе к описанной Кантом эвристической телеологии указывал А. Грамши. Он критиковал бухаринский механицизм за нигилистический подход к телеологии, при котором последняя отождествляется с ее наиболее примитивными формами. То, что было оправдано у Вольтера, недопустимо для представителя марксистской диалектики. Недифференцированный подход к телеологии и ее вульгарная критика приводят, как показал руководитель итальянских коммунистов, к тому, что такой автор не замечает, как сам становится фактически то на позиции телеологии в ее идеалистическом смысле (бухаринская трактовка отношения природы и общества), то использует родственный кантовскому условный прием, когда, например, говорит об исторической «миссии рабочего класса». Марксисты вправе, считал А. Грамши, говорить о миссии пролетариата, но для правильной гносеологической оценки этого необходимо знать основные формы и историю телеологии.⁸⁶

Указанному условному значению «цели» отвечает также входящее в поле этой категории понятие «смысл истории», смысл тех или иных ступеней развития, исторических событий, действий.

В отличие от «цели истории» как условного приема исследования, оно содержит в себе аксиологический элемент. «Смысл истории» выражает ценность того или иного этапа исторического процесса для человечества. В этом понятии дается оценка прошлой или настоящей истории, деятельности людей с точки зрения результатов, имеющих значение для прогресса. «Исторический смысл» событий обозначает степень выражения в них общего поступательного процесса в направлении определяемой законами этого развития ступени, отвечающей в то же время стремлениям и идеалам передовых сил общества.

* * *

Марксистское понимание общественной жизни противоположно всем вариантам телеологизма, реакционность которого усиливается в условиях современной идеологической борьбы. Важнейшим положением остается принцип, согласно которому развитие в обществе, как и в природе, есть «причинная связь того поступательного движения, которое сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему».⁸⁷ Никакие, прикрытые видимостью критики односторонностей «экономического детерминизма», нападки

⁸⁶ Gramsci A. Opere. 2. Torino, 1952, p. 164—165.

⁸⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 301.

на этот принцип не могут поколебать последовательно причинный характер исторического материализма. Стремление буржуазных и ревизионистских теоретиков исключить из науки принцип причинности или существенно ограничить его значение, в частности, подменяя или дополняя телеологией, является не только результатом методологической ограниченности, но и выражением стремления сохранить «устойчивость» капиталистической системы.⁸⁸

Вместе с тем именно в историческом материализме и марксистской политической экономии был сделан решающий шаг в применении категории цели для выражения аспекта саморегулирующейся системы. Раскрытие закономерностей капиталистической экономики было не только глубочайшим преобразованием самой экономической науки, но и, что представляет особую важность для нашего исследования, выходило далеко за пределы типичного категориального строя научного мышления того времени вообще. Полностью оценить эти категориальные сдвиги мы можем только в свете современного развития науки и философии.

Применительно к познанию истории марксизмом был показан и смысл условного употребления категории.

Отбрасывая все виды телеологии, исторический материализм обосновал огромную роль сознательных целей, раскрыл их отношение к исторической необходимости.

Глава 2

Категория «цель» и проблема органической целесообразности

Проблема целесообразности устройства живых существ относится к числу вопросов, без ответа на которые невозможно сколько-нибудь развитое мировоззрение. Начиная с Эмпедокла и Сократа, с ее различным пониманием связана борьба детерминизма и телеологии. Именно здесь встает вопрос: возможно ли говорить о цели в природе, применять эту категорию к внечеловеческим объектам?

Современная эпоха в понимании данной проблемы начинается созданием учения Дарвина. Аналогия между этим учением и марксистской теорией исторического процесса состоит в том, что они дают причинное объяснение целесообразности, одно — в природе, другая — в мире социально-экономических отношений. Дальнейшее развитие категории цели в марксистской философии и борьба против телеологии опираются в немалой степени на выводы развивающего дарвинистские принципы эволюционного учения.

⁸⁸ Черненко А. К. Категория причинности и ее специфическое содержание в истории. — В кн.: Философские проблемы общественного развития. М., 1971, с. 19.

С проблемой целесообразности, применения категории цели в биологии мы встречаемся на четырех основных уровнях, где этот вопрос стоит в известной степени по-разному.

Во-первых, целесообразность как универсальное свойство живого вещества, возникающее одновременно с жизнью. Ее иногда называют «первичная» или «элементарная» целесообразность. Именно к этому свойству относятся слова Энгельса о том, что «планомерный образ действий существует в зародыше уже везде, где протоплазма, живой белок существует и реагирует»,¹ и что, в связи с этим, «органическое тело обладает самостоятельной силой реагирования».² Универсальная, первичная планомерность заключается в специфической молекулярной организации, определяющей самосохранение, самовосстановление, репродукцию.³ Именно на этом уровне химические, ферментативные, аллостерические реакции взаимодействия и взаимоотражения стереоспецифических молекулярных структур приобретают характер информационных процессов. Саморегуляция становится выражением внутренней активности, направленной на сохранение и экспансию во внешней среде. Биологическая активность, пронизывающая все остальные биологические свойства и уровни целесообразности, включает в себя зарождение элементарной оценочной избирательности.⁴ И у неорганических природных тел встречаются состояния, повышающие устойчивость определенной структуры. Но отношение приспособления, пользы или вреда, характерно только для живого. Биологи уже давно отмечали, что понятие приспособления связано с оценкой, а последняя предполагает отношение к жизни.⁵ Поэтому химия живого является низшей границей применимости понятия цели. Оно может указывать здесь на значение тех или иных реакций для жизнедеятельности организма. С моментом целевого подхода мы встречаемся в развитии теории регуляции активности энзимов. В ее основу легла гипотеза индуцированного приспособления энзима, исходящая из представления о нацеленности перемещения отдельных деятельных фрагментов на оптимальную связь с субстратом. В своей первоначальной формулировке эта теория исходит из рас-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 495.

² Там же, с. 610.

³ Peter K. Die Zweckmässigkeit in der Entwicklungsgeschichte. Berlin, 1920, S. 36; Bock W., Wahlert G. V. Adaptation and the form-function complex. — Evolution, vol. 19, 1965, N 3, p. 283; Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.—Л., 1940, с. 132; Jacob F. La logique du vivant. Paris, 1970, p. 325—326; Анохин П. К. Опережающее отражение действительности. — Вопросы философии, 1962, № 7; Вигнер Е. Природа симметрии. М., 1971, с. 160—168.

⁴ Цонев В. А. Необходимость и случайность в переходе от нежива к живому материя. София, 1973, с. 50—60.

⁵ Plate L. Die Abstammungslehre. Jena. 1925, S. 103. На этом основании некоторые идеалисты определяют живой организм как «единство значений» (см.: Der Nervenarzt, 1963, N 3, S. 104).

смотрения конечного состояния комплекса «энзим—субстрат как цели, на которую направлен самый сложный механизм элементарных реакций и структурных изменений».⁶

Проблема происхождения целесообразности данного уровня совпадает по существу с проблемой возникновения жизни. Мы не имеем возможности рассматривать здесь существующие гипотезы, несмотря на всю их принципиальную важность.

Во-вторых, приспособленность и приспособляемость организмов к внешней среде, целесообразность их строения, соответствие органов функциям, направленность на сохранение вида и т. д. Все это достигается дарвиновским естественным отбором, составляя «вторичную» (по отношению к первой), или «эволюционную» адаптацию.

В-третьих, целенаправленность индивидуального развития многоклеточного организма, процессов морфогенеза и регенерации.

В-четвертых, деятельность высшей нервной системы, становящаяся в ходе эволюции основой психической регуляции высших форм поведения и, наконец, формирования сознательной цели.

В данной работе не может содержаться попыток «философского решения» биологической проблемы целесообразности. Опыт подтвердил недопустимость превращения диалектического материализма в некую «марксистскую натурфилософию». Мы попытаемся лишь в самых общих чертах проследить движение категории цели и понятия целесообразности в развитии биологической науки. Как и в самой философии, эволюция этих понятий в биологических теориях осуществлялась, преодолевая телеологические концепции. Последние, будучи по преимуществу тормозом в самом биологическом исследовании, связаны в то же время с положительной разработкой отдельных аспектов понятий. Роль телеологических теорий в развитии категории непропорциональна их естественнонаучному значению. Поэтому им мы уделим больше внимания, чем они заслуживают с точки зрения истории самого естествознания. Закономерности и тенденции развития категорий, изучаемых диалектикой, должны проявляться в различных областях познания. Понимание целесообразности в биологической науке будет рассмотрено под этим углом зрения.

О диалектике понимания органической целесообразности в эволюционном учении

Пока органические виды считались неизменными в биологии господствовала тенденция рассматривать целесообразность организмов как некий факт, данный вместе с жизнью

⁶ Kirschner K. Strukturelle Flexibilität und Enzymfunktion. — *Die Naturwissenschaften*, 1969, H. 5; Perutz M. X-ray analysis, structure and function of enzymes. — *European Journal of Biochemistry*, vol. 8, 1969, N 4.

неотделимый от нее, который можно описывать, но не объяснять. С этим, в частности, было связано распространение в XVII—начале XVIII в. различных «зоотеологий» («теология рыб», «теология пчел», «теология птиц» и т. п.), посвященных телеологическому описанию устройства организмов.⁷ Однако поставить вопрос о причинах целесообразности могли лишь эволюционные учения. Представление об историческом изменении видов логически требовало объяснения происхождения и эволюции их приспособленности.

Неспособность дать это объяснение служила причиной слабости ранних эволюционистских взглядов. Так, указанная проблема по существу выпала у Э. Жоффруа Сент-Илера. Отстаивая причинность, он рассматривал строение организма как результат непосредственного воздействия внешней среды. Единство среды и организма сводилось им к механическому равновесию, вопроса же целесообразности их соответствия он касался лишь очень бегло.⁸

Его противник Кювье, опираясь на факт органической целесообразности, обосновывал представление о типе организации животного как о целостной системе. Своего рода «системный подход» становится у него оплотом «конечных причин» и креационизма. «Принцип конечных причин, согласованности частей, их координации для той роли, которую животное должно играть в природе, — вот тот истинный философский принцип, из которого возникают возможности определяемых сходств и невозможности некоторых других», — утверждал Кювье.⁹ Всякое значительное изменение в окружающей среде или в функции органа должно привести к расстройству всей согласованной системы, к гибели организма. Телеология не допускала и существования переходных форм между видами, что означало бы смешение «разумных» целей.

В отличие от Жоффруа Сент-Илера, Ламарк понимал значение проблемы целесообразности и сделал попытку дать ее решение. В исходных положениях он выступил против религиозной, антропоцентрической телеологии и витализма.¹⁰ Объяснение целесообразности организмов он ищет в действии материальных причин. Пища, климат, враги изменяют организм приспособительно к себе. Эта приспособительность в свою очередь требовала объяснения, и Ламарк прибегает к помощи представления об особо тонкой материи — «флюидах», обладающих формообразовательными свойствами. Проникая в организм из внешней среды, они движутся в нем, создают органы и видоизменяют их

⁷ Buddenbrock W. V. Biologische Grundprobleme und ihre Meister. Berlin, 1954, S. 83.

⁸ Амлинский И. Е. Жоффруа Сент-Илер и его борьба против Кювье. М., 1955, с. 329.

⁹ Там же, с. 386.

¹⁰ Ламарк Ж.-Б. Избранные произведения, т. 1. М., 1955, с. 540.

соответственно своей природе, укрепляя «за счет веществ, ... часть которых ассимилируется и присоединяется к органам, в то время как другая выделяется наружу».¹¹ У растений и низкоорганизованных животных приспособление осуществляется прямым действием флюидов, у животных же с нервной системой эта внешняя сила переносится внутрь.

В результате «сотрясения» нервный флюид приходит в состояние «внутреннего чувства». Оно направляет поток флюидов, производя движения тела. У высших животных «внутреннее чувство» переходит в сознательную волевую деятельность. Целе-направленная воля становится причиной значительной части действий, а тем самым и изменений, наступающих в результате упражнения.

Выдвинутый Ламарком принцип наследования приобретенных свойств сам по себе не объясняет возникновения целесообразности. Если употребление развивает орган, то орган должен к этому времени уже существовать. Новообразование же форм и органов требует в теории Ламарка допущения вмешательства упомянутых особых факторов («флюидов», «внутреннего чувства» или «воли»)¹².

Возникает также вопрос, почему прямое воздействие внешних условий или упражнение развивают и увеличивают органы только до определенного предела. Ведь они должны были бы непрерывно увеличивать орган, вызывая гипертрофию, нецелесообразность.¹³ Если же этого не происходит, то приходится опять-таки заключить, что организму присуща способность изменяться соответственно скрытой цели.

К телеологии толкала Ламарка также и неспособность объяснить явления прогресса. Приспособление организмов к среде отрывалось им от истории развития организации. Для объяснения последнего он создал учение о «градации», имеющей цель «достичь такого плана организации, который допускал бы высшую степень совершенства».¹⁴ Действия же среды, вызывающие приспособления, создают только внешнюю дифференциацию. Идея «градации», как и телеология, в вопросе приспособления вытекает из попытки объяснить эволюцию без естественного отбора.

Таким образом, Ламарк вопреки своей исходной детерминистской позиции с логической неизбежностью пришел к утверждению имманентной телеологии, родственной учению Шеллинга и Гегеля о внутренней цели, о бессознательном «понимании» животным условий среды.¹⁵

¹¹ Там же, с. 41.

¹² Там же, с. 341.

¹³ Guenter K. Der Darwinismus und die Probleme des Lebens. Freiburg, 1905, S. 335.

¹⁴ Ламарк Ж.-Б. Избр. произв., т. 1, с. 296.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 524.

Ламарк не принадлежал к вполне сознательным сторонникам идеалистической телеологии, как пытались утверждать некоторые представители идеализма.¹⁶ К телеологии его подводила попытка вывести целесообразность из прямого воздействия условий. Отметим также, что в конце XVIII—начале XIX в. идея целесообразности, гармоничности действия причин не противопоставлялась еще столь резко естественному течению процессов, подчиняющихся действию исключительно материальных, механических причин. Это показывает, в частности, использование понятия целесообразности Гольбахом и принятие идеи прямого приспособления Дидро. Неверно было бы также приписывать Ламарку понимание телеологии, относящееся ко второй половине XIX в., когда противопоставление учению Дарвина придало концепции прямого приспособления открыто антиматериалистический характер.

Несостоятельность объяснения приспособления — одна из важнейших причин того, что учение Ламарка не смогло дать научной теории развития, став лишь пророчеством будущих открытий.¹⁷

Научная теория развития живой природы должна была содержать в принципе разгадку целесообразности. Если для понимания диалектики развития было необходимо решение проблемы целесообразности, то последняя могла быть в свою очередь разрешена только в диалектической теории эволюции. Эту задачу выполнил Дарвин, создав теорию естественного отбора. Маркс указал на диалектический характер отрицания телеологии Дарвином, не отбросившим ее содержания, ее проблем, выяснившем ее рациональный смысл. Великий преобразователь биологии понимал принципиальное значение вопроса целесообразности, которая для него — реальный факт, требующий объяснения. Любое учение о происхождении видов будет неудовлетворительным, пока оно не покажет, «почему бесчисленные виды, населяющие этот мир, изменялись таким именно образом, что получилось то совершенство строения и приспособления, которое справедливо вызывает наше изумление».¹⁸

Дарвин перенес проблему из сферы натурфилософского умозрения в область исследования, опирающегося на наблюдение и эксперимент, дав причинное объяснение происхождения приспособлений. Это было революцией в самом способе научного мышления.

Борьба, разгоревшаяся вокруг идей «Происхождения видов» сразу же после появления книги (и не прекращающаяся до на-

¹⁶ Еще Кювье, излагая взгляды Ламарка, подменил термин «потребность» (*besoin*) в учении последнего термином «желание» (*désir*) (Rothmann, W. J. Lamarck. — In: Arbeitstagung zu Fragen der Evolution zum Gedächtnis an Lamarck—Darwin—Haeckel, Jena, 1960, S. 37).

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 74.

¹⁸ Дарвин Ч. Происхождение видов. М., 1952, с. 86.

шего времени), с самого начала была борьбой детерминизма против телеологического мировоззрения. Отражением этого процесса, оказывавшим в свою очередь влияние на развитие собственно биологических теорий, не в малой мере становится обсуждение проблемы категории цели в философии.

Первые десятилетия развития дарвинизма были в основном годами утверждения самой идеи эволюции, направленной против теории сотворения видов. В результате уже в конце семидесятых годов Т. Гексли мог заявить, что эволюция «уже более не гипотеза, но исторический факт». Телеология креационизма утратила значение в науке, оставшись достойным лишь религиозно-философских систем. Роль главного противника детерминизма перешла к телеологии, признающей эволюцию. Центр борьбы переместился внутрь эволюционистских учений. На первый план выдвинулись новые вопросы, относящиеся к пониманию природы эволюции и значения тех или иных ее факторов.

Известно, что Дарвин с самого начала развивал свою теорию как противоположность учению Ламарка. Однако безоговорочно он отбрасывал только идею «градации». В отношении же приспособительной изменчивости и наследования приобретенных признаков Дарвин допускал колебания, связанные с незнанием им причин и законов изменчивости. После победы эволюционизма главный водораздел между детерминизмом и телеологией стал проходить именно в вопросе наследования приобретенных признаков. Ламаркизм сделался знаменем идеалистической реакции в биологии.

Идея целесообразного характера следствий в истории философии становится отчетливо идеалистической каждый раз, когда она противопоставляется причинному истолкованию. Ламарк констатировал факт приспособительных изменений. Данное им объяснение не было подлинным объяснением, являясь по существу лишь повторением этой констатации. Однако подчеркивание факта приспособительных новообразований было направлено на доказательство исторического развития. У неоламаркистов же это положение целиком (а не только мысль о роли психического фактора) стало направленным против причинного объяснения, т. е. идеалистически-телеологическим.

Знакомство с многообразием неоламаркистских доктрин поучительно тем, что оно демонстрирует различные уровни и варианты телеологии. Она может сводиться к особенностям категориального строя (механоламаркизм, ортоламаркизм), при отказе от нее на уровне философской рефлексии (Т. Эймер), доходящем иногда до прямой телеофобии (М. Кассовиц). Этот отказ в ряде случаев связан с отождествлением законов развития организмов с физико-химическими и системными закономерностями роста кристаллов. Такое положение К. М. Завадский характеризует как «боязнь телеологии и движение в ее сторону, связанное с са-

мой логикой развиваемой теории».¹⁹ Можно сказать, что психоломаркисты были более логичными, последовательными в философском отношении, поскольку телеология охватывает все этажи их теоретических построений и они именно в ней видели основу неоламаркизма, будучи совершенно правы в данном отношении.

Дискуссия между ламаркизмом и дарвинизмом, признавал психоломаркист А. Вагнер, это спор не просто между двумя естественнонаучными теориями, но «одновременно борьба за принципы обоснованного естествознанием мировоззрения» против «догмы» «механической» (т. е. материалистической) причинности.²⁰ Психоломаркист О. Гертвиг говорил, что речь идет о том, «на чью сторону встать в борьбе двух мировоззрений, материалистического и идеалистического, которые столь же древни, как и история философии».²¹ А. Вагнер признавал, что его труд «написан, всецело исходя из духа Шопенгауэра».²² Психоломаркист Р. Франсэ в качестве «защитника ламаркизма» указывал на Г. Гартмана.²³ В то же время в сфере самой философии ламаркизм поддерживается почти всеми реакционными течениями. Отрицая связанную с принципом причинности идею вещественных носителей наследственности, неоламаркисты искали опоры у Маха, отрицавшего объективность атома. Невозможность содания причинной, физико-химической модели ламаркистской наследственности привела некоторых из них к попыткам ее психологического истолкования. Это было поддержано Махом, увидевшим в неоламаркизме «подтверждение» своей философии. Из махистских положений о совпадении психического и физического исходил, в частности, Р. Семон в учении о клеточной памяти — «мнем».²⁴ Последняя является у него совокупностью «энграмм» — сохраняющихся образов ощущений, определяющих характер индивидуальных и видовых реакций.

Несмотря на то что, по признанию самих неоламаркистов, категория цели находится в центре их теории,²⁵ они не сделали попыток серьезного анализа данного понятия. Некоторый интерес представляет, как нам кажется, лишь рассмотрение ими понятия «направление». В неоламаркистских и ортогенетических теориях оно выступает в качестве одной из основных, ни к чему не сводимых категорий. «Направление» представляет собой, согласно их точке зрения, внешнюю сторону действия цели. То, что при рассмотрении изнутри выступает как цель, проявляется снаружи

¹⁹ Завадский К. М. Развитие эволюционной теории после Дарвина. М., 1973, с. 203.

²⁰ Wagner A. Geschichte des Lamarckismus. Stuttgart, 1908, S. 12.

²¹ Hertwig O. Das Werden der Organismen. Zur Widerlegung von Darwin's Zufallstheorie durch das Gesetz in der Entwicklung. Jena, 1922, S. 111.

²² Wagner A. Geschichte des Lamarckismus, S. 93.

²³ Франсэ Р. Философия естествознания. СПб., 1908, с. 55.

²⁴ Semon R. Die mnemischen Empfindungen. Leipzig, 1909, S. 6.

²⁵ Wagner A. Geschichte des Lamarckismus, S. 154.

как направление. Целесообразность же есть нечто производное, как стремление к определенному направлению. Категория «направление» родственна категории качества, выражая качество телеологически понимаемого движения. Показывая определенный порядок следования причин и их действий, она снимает у неоламаркистов противоположность цели и причины. Причинность приобретает в связи с этим обращенный в будущее, перспективный характер. Согласно ламаркистам, это понятие объединяет причину с целью не путем сведения цели к причинам, но, наоборот, относит причинность к целевым отношениям.²⁶

Уточнение понятия направления необходимо для того, чтобы разобраться в комплексе проблем, связанных с телеологией. Во-первых, направление выражает в достаточной мере продолжительное течение любого закономерного процесса вообще, выступает как сторона действия закона. Во-вторых, это понятие используется для выражения аспекта лишь некоторого класса закономерностей развития сложных объектов, как тенденции, допускающей те или иные отклонения и модификации в частности (направление исторического прогресса в обществе; в органическом мире — направленность филогенетических рядов эволюции). Ортоламаркизм, в частности, обратил внимание на то, что в процессе эволюции возникают ограничения, исключающие возможность развития по многим направлениям. Эти ограничения детерминированы предшествующей историей развития,²⁷ а также, как указывал еще Вейсман, химическими, гравитационными, геофизическими параметрами и, вероятно, некоторыми весьма общими принципами организации. В силу этого поток жизни оказывается на некоторых участках весьма жестко канализованным. В-третьих, направление может выражать целенаправленность, когда будущий (целесообразный!) результат задан изначально в некоторой программе. Направленность в этом смысле применима, в частности, к индивидуальному развитию организма. В отличие от собственно категории цели понятие направления в данном его значении указывает не только на конечное состояние, но и на путь процесса в целом, на его траекторию.

Телеологические выводы становятся неизбежными, когда эти три смысловых значения направления, направленности отождествляются. Это может быть или архаичная телеология целенаправленного характера законов вообще, цели в физических процессах, характерная для неотомистов, а в естествознании XVII—XVIII вв. — для Мопертюи (удивительно, но находятся сторонники этой точки зрения и в нашей литературе), или телеология, сводящая целесообразность организмов к действию законов кристаллообразования или термодинамики, или, наконец, телеология,

²⁶ Ibid., S. 260, 275.

²⁷ Завадский К. М. Развитие эволюционной теории после Дарвина, с. 15, 202—205.

отождествляющая эволюционный процесс с индивидуальным развитием.

Борьба за причинное понимание эволюции требовала раскрытия законов наследственности, критической проверки исходного положения ламаркизма о наследовании приобретенных признаков. Защищая дарвинизм, Вейсман сосредоточил внимание именно на этих вопросах. Он привел веские доводы против ламаркизма. При этом, несмотря на отдельные уступки телеологическому мировоззрению,²⁸ в сфере собственно научного исследования Вейсман последовательно исходил из детерминизма.²⁹ Естественный отбор, писал он, «указывает нам принцип, который не является целеполагающим и, однако, все-таки порождает целесообразное. Тем самым мы впервые оказываемся в состоянии понять в определенной степени столь изумительную целесообразность, не прибегая к вмешательству внеприродной силы...».³⁰

Опираясь на закон причинности, Вейсман развивал мысль о том, что наследуемые признаки определяются специфическими пощественными носителями. Эти носители весьма устойчивы, чем определяется наблюдаемая константность органических форм. Их изменения, необходимые с точки зрения развития, полностью подчиняются законам физики и химии, независимо от того, будут ли вызванные ими свойства полезны или нет. Целесообразность может быть результатом только отбора. «Естественный отбор есть саморегуляция вида в смысле его сохранения; его результатом является непрерывное приспособление к условиям жизни».³¹

Логика развития эволюционной теории, борьбы с телеологией способствовала, наряду с успехами в области цитологических исследований, переоткрытию законов Менделя, уяснению их принципиального значения. Менделевское понимание наследственности основано на причинном подходе: наследственные признаки рассматриваются в их зависимости от материальных дискретных носителей. Подобно тому, как Дарвин создал нетелеологическую эволюционную теорию, Мендель заложил основу развития свободной от телеологии генетики. Его открытие не только изгоняло телеологию из сферы самой генетики, но и давало важнейшее подтверждение эволюционному учению Дарвина.

Однако на первых этапах происходит как бы раздвоение единого причинного понимания живой природы. Генетика, возникшая как ответ на поставленные эволюционной теорией вопросы, начинает противопоставляться дарвинизму. Крупнейшие представители генетики так или иначе приходят к выводу, что она

²⁸ Gebhardt K. Zum philosophischen Gehalt des biotheoretischen Werkes A. Weismanns. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1965, H. 10, 11.

²⁹ Weismann A. Neue Gedanken zur Vererbungsfrage. Jena, 1895, S. 71.

³⁰ Weismann A. Vorträge über Descendenztheorie. Jena, 1904, Bd 1, S. 47.

³¹ Ibid.

почти сводит на нет роль естественного отбора. К отождествлению мутаций с эволюционным процессом и, в этой связи, к принижению значения отбора склонялся, в частности, такой выдающийся исследователь, как Т. Г. Морган, с именем которого связано обоснование хромосомной теории наследственности. Он исходил из убеждения в том, что процессы в живой природе носят причинный характер, что «процесс развития происходит строго в соответствии с причинными законами».³² Но причинная связь понималась им в данном случае в виде прямой зависимости эволюционных изменений от изменения генов. Последние оказывались наделенными необычайными свойствами определять высокоприспособленную организацию живых существ без всякого предварительного контакта их предков с соответствующими этой организации условиями. Возникнув как противопоставление телеологическим доктринам, генетика стала давать известные возможности для телеологических спекуляций, несмотря на причинную сущность хромосомной теории.

Такая ограниченность была прежде всего результатом сосредоточения внимания на генетических изменениях у индивидуальных организмов. Переоценивая значение этих изменений, генетики раннего периода игнорировали или недооценивали проблему эволюции адаптаций.³³ В философском плане это было недооценкой категории цели, чему способствовали в какой-то степени и неясность ее смысла в применении к биологическим явлениям, и распространенные среди естествоиспытателей предубеждения. Недоверие ко всему, связанному с телеологией, было слишком сильным, оборачивалось отрицанием или игнорированием проблемы.

Развитие естествознания потребовало рассмотрения самого понятия целесообразности, логического анализа категории. Дарвин решал проблему на ее конкретном, естественнонаучном уровне. Осуществив глубокий смысловой сдвиг на объективном категориальном уровне мышления, он не уточнял специально применявшегося им понятия на уровне логического и теоретико-познавательного анализа. Выражением возникшей потребности осмысления понятий, происшедших в них изменений явились высказывания по этому поводу К. А. Тимирязева. Он подчеркивал, что целесообразность представляет собою объективный факт. Она состоит в согласованности и направленности происходящих в организме процессов,³⁴ в круговом сцеплении причин и следствий.³⁵ Сводясь к некоторой организации физико-химических процессов как результату действия исторических причин, целесообразность не может рассматриваться в качестве первичного и

³² Морган Т. Г. Теория гена. Л., 1927, с. 259.

³³ См.: Завадский К. М. 1) Учение о виде. Л., 1961, с. 59; 2) Развитие эволюционной теории после Дарвина, с. 270—287.

³⁴ Тимирязев К. А. Избр. соч., т. II, М., 1948, с. 345.

³⁵ Там же, с. 389.

неразложимого свойства жизни.³⁶ Теория естественного отбора показывает, что в историческом развитии целесообразность выступает также в качестве действующей причины развития, условия дальнейшего совершенствования. Это означает, что «Дарвин не отверг конечных причин, он сделал лучше — он их завоевал, переместив их на их законное место. Причина вместо того, чтобы следовать за своим следствием, стала ему предшествовать, т. е. перулась на указанное ей логикой место».³⁷

Глубокое проникновение в логику дарвиновской теории позволило К. А. Тимирязеву понять принципиальное для ее обоснования значение менделистской генетики (несмотря на то, что при оценке открытия Менделя он в некоторых других отношениях допустил ошибки). Однако реальное воссоединение дарвиновской эволюционной теории и теоретической генетики осуществилось лишь в последние десятилетия. Одним из важных этапов на пути к нему явилась работа С. С. Четверикова, в которой на основе исследования генетики популяции доказывалось, что «дарвинизм, поскольку естественный отбор и борьба за существование являются характернейшими его чертами, получил в лице менделизма совершенно неожиданного и мощного союзника».³⁸ Воссоединение генетики и дарвинизма в синтетической теории эволюции означало новую ступень в понимании процесса образования и поддержания органической целесообразности путем естественного отбора.

Огромный пройденный путь отделяет современную науку от Дарвина. Но весь накопленный опыт подтверждает основной принцип дарвиновского учения: без признания решающей роли естественного отбора не может быть научной эволюционной теории. На этом пути происходило неуклонное вытеснение телеологии, развитие причинных объяснений в направлении все более полного охвата ими ее проблематики. В то же время выявлялись previously ранее аспекты и формы органической целесообразности, ставившие новые задачи перед исследованием. Проблема целесообразности не только не оказалась снятой, но ее значение еще больше возрастало.

Прогресс в понимании органической целесообразности происходил как преодоление метафизической ограниченности в применении важнейших категорий.

Приспособленность выступает как результат и момент борьбы взаимосвязанных противоположностей: взаимодействий организмов с окружающей средой, конкуренции как внутри популяции и вида, так и между различными видами.

³⁶ Там же, т. III, с. 405.

³⁷ Там же, т. IV, с. 337.

³⁸ Четвериков С. С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики. — Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии, 1965, № 4, с. 57.

Борьба слепых сил, образующая движение, исключает действие цели или плана. Приспособленность относительна, она — ответ только на определенный круг условий, соответствуя силе давления отбора. Отбор допускает даже, особенно в малочисленных популяциях, закрепление особенностей, не являющихся полезными.³⁹ Эволюция происходит не в том направлении, которое наиболее перспективно с точки зрения более отдаленного будущего, а в том, которое дает эффект в ближайший период, хотя для дальнейшего развития это может быть менее благоприятно или даже губительно. Отбор близорук и оппортунистичен, как любят говорить биологи. Достигнутая в борьбе за существование приспособленность продолжает поддерживаться стабилизирующим отбором, происходящим на основе того селекционного преимущества, которое она собой представляет как норма. Элементы категориального аппарата при исследовании приспособленности всегда являются понятия случайности и необходимости. Это естественно, поскольку органическая целесообразность, выступая в определенном отношении как особое сочетание действий законов механики, физики, химии, направленное на сохранение жизни, из необходимости самих этих законов не вытекает, являясь по отношению к ним чем-то случайным. В этом смысле целесообразность является «закономерностью случайности», как говорил Кант.

С манипуляциями указанной парой категорий связана, как правило, борьба телеологических концепций против причинности. Материалистический подход к познанию жизни объявляется «догмой случая», приводящей к отказу от закономерностей. Эти обвинения столь же древни, как и сама борьба «линий Платона и Демокрита» в философии. В действительности же, несмотря на затруднения, с которыми в вопросе соотношения случайности и необходимости встречался домарксовский материализм, он всегда отстаивал идею закономерного развития природы. Крайнее утверждение, согласно которому целесообразное устройство организма есть лишь случайная комбинация частиц, не имело широкого распространения даже в метафизическом материализме. Гольбах, в частности, сделал попытку выйти в этом вопросе за пределы механицизма. В истории философии такие доктрины случайности имели место, быть может, лишь в учениях древнеиндийской философии да в «зоогонии» Эмпедокла. В биологии дарвиновского периода в качестве такого же редкого исключения можно назвать гейдельбергского зоолога О. Бюкли, отстаивавшего точку зрения, приписываемую телеологией всем материалистам,

³⁹ Сам отбор может рассматриваться в определенном отношении как диалектическое единство противоположностей избирательной и неизбирательной элиминации (см.: Егоров Ю. Е. Стабилизирующий эффект случайной элиминации. — Журнал общей биологии, т. XXXVI, 1975, № 2).

по которой закономерные явления в надмеханических формах движения объявлялись чистой случайностью.⁴⁰

Представляя собой, по известному выражению Энгельса, практическое доказательство концепции Гегеля о внутренней связи между необходимостью и случайностью, теория эволюции показывает в то же время дифференцированность случайности. Внутренняя разнородность этой категории возрастает на современном этапе развития биологии. Можно назвать случайности на разных уровнях организации живого (причем каждому уровню отвечают и свою очередь случайности разных порядков): внутренняя и внешняя случайность, случайность поведения элемента в массовом явлении и случайность флуктуации как отклонения от некоторого среднего значения, случайность по отношению к необходимости некоторых физических и химических связей и биологических норм и случайность по отношению к биологической полезности, ценности и т. д.⁴¹

Дарвин, по выражению Энгельса, «исходит из самой широкой, покоящейся на случайности, фактической основы»,⁴² т. е. неопределенной изменчивости. Она случайна в значении разноразличности, отсутствия однозначной зависимости от воздействующих на организм факторов, в смысле разброса изменений продолжительности жизни внутри одной популяции, в отношении приспособительного значения изменения. Раскрывая сложность и многообразие мутационного процесса, составляющего содержание изменчивости, биология подтверждает и развивает указанное исходное положение Дарвина. Если приспособительный характер первичных изменений случаен, то исключается возможность существования каких-либо целенаправленно действующих факторов внутри организма. Антителеологический смысл принципа неопределенности наследственных изменений был хорошо понят сторонниками идеализма, увидевшими в нем угрозу своим концепциям. Положение о случайности изменчивости подверглось наиболее ожесточенным нападениям тех, кто, пользуясь выражением современного французского биолога, «убив случайность, надеялся воскресить бога».⁴³

С логикой, в силу которой идея направленности изменчивости организмов по определенному (приспособительному) пути ведет

⁴⁰ Бючли О. Биомеханизм и витализм. — В кн.: Сущность жизни. СПб., 1903, с. 197—199.

⁴¹ На гетерогенность и многообразие функций случайности в биологии обращают внимание В. Г. Борзенков и В. И. Купцов в статье «Методологические принципы разработки проблемы случайного в биологии» (Вопросы философии, 1972, № 1). Во французской марксистской литературе для обозначения различных типов случайности употребляются различные термины (см.: G a z e l l e R. Le concept de hasard et la catégorie de la contingence. — La nouvelle critique, 1971, N 42).

⁴² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 535.

⁴³ R o s t a n d J. Inquiétudes d'un biologiste. Paris, 1967, p. 78.

к необходимости телеологических выводов, мы уже встретились в ламаркистских и ортогенетических концепциях. При этом теории, телеологические как непосредственно, так и в тенденции отнюдь не отрицают существования и даже известного значения случайности. Направление на приспособление, «адекватность» «тематическая заданность» и т. д. процесса изменчивости окутаны у них облаком случайных отклонений. Даже неотомисты говорят сейчас, что законы «божественного Разума» проявляются при формировании организмов как «сверхчастота» упорядоченных структур.⁴⁴ Отрицается же переход случайности в необходимость. Естественный отбор, представляющий собой механизм этого превращения, осуществляется как закономерность массовых явлений. Действуя на уровне популяции на протяжении длинного ряда поколений, он создает из материала изменчивости многообразие приспособленных форм. Будучи статистической закономерностью, отбор обладает в то же время той или иной направленностью, определяя ход эволюции в сторону приспособления к определенным условиям (ортоселекция) или сохраняя устойчивость достигнутой формы (стабилизирующий отбор). Обычно различные формы отбора действуют одновременно, определяемые ими направления эволюции сталкиваются и перекрещиваются, что вносит дополнительный элемент случайности в процесс стихийной выработки целесообразности.

Еще на ранних стадиях в истории философии категория цели ставилась в связь с возможностью и ее превращением в действительность. Возникновение органической целесообразности включает в себя реализацию одной из ряда возможностей, лежащей на высших ступенях развития в основе ситуации выбора. Выступая как ограничение многообразия структур и движений, целесообразность проявляется как особая форма направленности процессов и отношений.

Дарвинизм впервые позволил объединить в единой теории причинное понимание жизни с признанием реальности и активной роли целесообразности, в частности благодаря тому, что он преодолел узкое понимание причины, распространенное в естествознании того времени. Причина выступает в эволюционном учении не только в качестве действия вещественного агента, передающего явлению—следствию какое-то количество массы и энергии и непосредственно определяющего его структуру.⁴⁵ Именно

⁴⁴ Blondino G. Caso e non-caso nella formazione degli organismi viventi. — *La civiltà cattolica*, vol. I, 1967, N 2799, p. 228, 237.

⁴⁵ Историю философского понимания причинности с точки зрения противоречия и смены представлений о причине как субстанции и как отношений рассматривает Ив. Апостолова (см.: Развитие на схватывания за причинности. — *Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факт*, кн. 2, 1961). Диалектико-материалистическое понимание причинности представляется при этом как отрицание отрицания, синтез указанных концепций. Подобный подход к истории данной категории представляется узким, отвечающим только одному из моментов этой истории.

из такого понимания причины исходили механоламаркисты, подгававшие, что они защищают точку зрения детерминизма.

Целесообразность организмов в ее взаимоотношении с категориями причины и следствия может быть охарактеризована в различных аспектах. Она выступает как следствие естественного отбора. Именно отбор — сложная совокупность взаимодействий в исторической смене поколений популяций и видов, — а не «условия среды» является причиной целесообразности. Целесообразность в фенотипическом смысле может рассматриваться также как следствие непосредственных причин, реализующих в процессе индивидуального развития накопленную и сбалансированную отбором генетическую информацию. Один из моментов этой причинной зависимости, лежащей уже на другом уровне, — действие среды. Целесообразность фенотипа сама является в определенном отношении причиной закрепления возникшего изменения, а также необходимым условием дальнейшего накопления изменений в том же направлении. Существующая в данный момент целесообразность организмов есть результат отбора, в ходе которого она включается в качестве звена в причинно-следственную цепь, выступая то как следствие, то как причина, посредством которой осуществляется отбор.⁴⁶ Таким образом, приспособленность — не только пассивное следствие. Она оказывает активное воздействие на эволюцию, но не в форме цели, а как материальное условие отбора. Целесообразность высших органических форм представляет собой в определенном отношении следствие полезных свойств более низких промежуточных форм.

Целесообразность, наконец, есть некоторое свойство организации, структуры причинных рядов, лежащих в основе жизненных процессов. Она в этом смысле — не частный случай причинности как связи причины и следствия, а взаимоотношение, взаимодействие и корреляция между множеством сопряженных, однопроменных и последовательных причинных цепей. Это четко выражено еще Кантом и Шеллингом. В указании на эту природу целесообразности заключается сильная сторона органицистских концепций. Например, утрехтский физиолог Х. Йордан утверждал с этих позиций, что «целесообразность организмов есть данное в организме отношение причинных факторов друг к другу, ... отношение не между причиной и следствием, но... отношение между причинами».⁴⁷ Однако в духе органицизма он делал вывод, что организация является самостоятельным, причинно не объяснимым фактором, накладывающимся на ряды причинных связей.⁴⁸

Характер причинности у Дарвина соответствует выходу марксистской философии за рамки чисто субстанционального понимания причины.

⁴⁶ Дарвин Ч. Происхождение видов, с. 187.

⁴⁷ Jordan H. Allgemeine vergleichende Physiologie der Tiere. Berlin—Leipzig, 1929, S. 342.

⁴⁸ Ibid.

Диалектика категории целого оказывается, таким образом, важнейшим моментом понятийного выражения органической целесообразности. Эта категория выступает здесь преимущественно через близкие к ней и конкретизирующие ее понятия системы и организации.⁴⁹ Они представляются наиболее адекватными задаче отражения данной стороны живого, в частности потому, что являются понятиями группы целого, ближе всего находящимися к категории причины. В самом по себе подчеркивании значения системности, организованности определенных объектов действительности нет ничего нового. В биологии раскрытие значения организации началось еще в конце XVIII в., отразившись в телеологических концепциях классической философии.⁵⁰ В социологии и экономической науке организационный подход как сторона общего диалектического метода был блестяще применен Марксом.

Новым является переход познания к выяснению глубочайшего уровня организованности живого, его клеточной и субклеточной, молекулярной основы. Наследственность предстает как «структурно-биохимическое воспроизведение интегрированных типов обмена веществ на базе передачи структурной и регуляторной генетической информации».⁵¹ Раскрывается поразительная сложность регуляций генетического аппарата, его репрессорных, активирующих, репарационных, считывающих механизмов. Начинается исследование принципов «узнавания» молекулами нуклеиновых кислот друг друга в процессах взаимной фиксации реагентов в строго координированном положении.⁵²

К особенностям указанного уровня в иерархии органической интеграции относится то, что структурные связи принимают здесь одновременно характер информационных отношений. Структуры соответствующих макромолекул, порядки их трансформаций выступают в общей связи превращений как биологическая информация, «сообщение», закодированная программа. Она не образует «целевой причины», химического аналога аристотелевского телоса или «конечной причины», а представляет собою систему биохимических, каталитических регуляторов, включающих то одни, то другие реакции.

Структуры этого уровня, в силу их информационных свойств, обладают значением для организма как целого. Строение целого отвечает информационным взаимодействиям элементов. Воздействие же целого на элементы получает причинное обос-

⁴⁹ Сётров М. И. 1) Организация биосистем. Л., 1971, с. 6—8; 2) Основы функциональной теории организации. Л., 1972, с. 14—20.

⁵⁰ Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии, с. 123—124, 129—130, 146—150.

⁵¹ Дубинин Н. Проблемы современной генетики. — Коммунист, 1973, № 8, с. 111.

⁵² Мосевичкий М. И. Механизмы узнавания молекулами нуклеиновых кислот друг друга. — Успехи современной биологии, 1975, т. 79, вып. 2.

пование, в частности, в раскрытии роли аллостерических ферментов, благодаря которым биологический отбор накладывает на химические взаимодействия сеть организующих их информационных отношений.⁵³

Невозможность отделить структуру от ее значения заставляет прибегать к целевому подходу, к выяснению смысла, целенаправленности биологических систем и подсистем.⁵⁴

Здесь мы подходим к пределам возможностей теории естественного отбора на ее современном уровне развития. С одной стороны, это фундаментальная, «первичная» целесообразность живого вообще (репродуктивность, наследственность), на основании которой только и может осуществляться дарвиновский отбор. Проблема ее возникновения ведет в область гипотез происхождения жизни. С другой стороны, это проблема реализации генетической информации в онтогенезе, труднейший для биологии вопрос индивидуального развития, остающийся до наших дней почвой произрастания телеологических теорий.

Вопросы индивидуального развития и телеология целостности

Начало телеологического понимания процессов морфогенеза было положено во второй половине прошлого столетия К. Бэр, опиравшимся на идею имманентной цели классической немецкой философии. Отвергая, как и Шеллинг, витализм, он развивал представление о бессознательной «целестремительности» живого, как законе, определяющем рост сложности и гармоничности организма. Телеологию, описывавшую онтогенез, который не поддавался выражению с помощью каузальных моделей, Бэр переносил на филогенетическое развитие, показав неизбежность телеологического преформизма при отождествлении целенаправленности эмбрионального процесса с направленностью эволюции.⁵⁵

В конце прошлого—начале нынешнего столетия на особенностях индивидуального развития спекулировал неовитализм и близкие ему телеологические концепции. Крупнейшим представителем этого направления был Г. Дриш, с именем которого связана целая страница в истории телеологических воззрений. Его учение возникло как попытка интерпретации известных опытов с гастронами морских ежей и регенерацией гидродного полина и асцидий. После дришевых экспериментов представление

⁵³ Моно Ж., Шанже Ж., Жакоб Ф. Аллостерические белки и клеточные системы регуляции. — Успехи современной биологии, 1964, т. 57, вып. 3; Жакоб Ф. Генетика бактериальной клетки. — Генетика, 1965, № 6; Monod J. Le hasard et la nécessité. Paris, 1970, p. 91.

⁵⁴ Jacob F. La logique du vivant. Paris, 1970, p. 321.

⁵⁵ Завадский К. М. Развитие эволюционной теории после Дарвина, с. 207; Вальт М. Х. Бэр и дарвинизм (анализ некоторых аспектов дискуссии между К. Бэром и представителями раннего дарвинизма). Автореф. канд. дис., М., 1974.

о том, что у многих организмов и на многих стадиях эмбрионального развития судьба клетки или клеточного комплекса определяется их положением в структуре целого, возникшее первоначально в ботанике в конце XIX в., приобрело общебиологическую значимость.⁵⁶ Обнаружилась непригодность причинных моделей зародышевого развития, предложенных Вейсманом и разработанных В. Ру. Выделение различных клеточных групп рассматривалось в них как результат наследственно неравного деления, как бы рассортировки исходных наследственных задатков по разным клеткам.⁵⁷ Дриш же показал, что различные части зародыша могут обладать равными наследственными возможностями, из которых под влиянием соотношения с целым реализуются лишь определенные тенденции. Это выявило противоположность между равнонаследственностью делений и специфической дифференцировкой, ставшую важнейшим противоречием в современной эмбриологии.⁵⁸ Была отчетливо показана новая форма целесообразности — способность отдельных частей, взятых из различных участков зародыша, восстанавливать весь организм в целом. Особенностью такой системы является то, что конечный результат достигается при любых начальных условиях и различными путями («эквивинальность»). Эквивалентность не только различных частей друг другу, но и каждой части в отдельности — целому и эквивинальность представлялись необъяснимыми с позиции причинности. Непригодность механистических моделей Дриш воспринял как недостаточность причинного подхода. Позднее от кантовской методологической телеологии он переходит к неовитализму, поскольку Кант, говорил Дриш, не знал целостности как категории, включал ее в общее малоопределенное понятие «целесообразность» или «телеология».⁵⁹

К идее дополнить причинность целевым фактором Дриш пришел не просто из-за несводимости целого к его частям. Устойчивость целого в смене частей принималась и в домарксистской материалистической философии. Кант указывал уже на нечто большее, когда подчеркивал, что в организме от устройства каждой из частей зависит устройство остальных и существование их всех определяется целым.⁶⁰ Кант выразил это при помощи условной телеологии, которая вела к пониманию целостности как чего-то субъективного. Отношение же эквипотенциальности про-

⁵⁶ Белоусов Л. В. Истоки, развитие и перспективы теории биологического поля. — В кн.: Физические и химические основы жизненных явлений. М., 1963, с. 61.

⁵⁷ См. разбор понимания причинности в механике развития в кн.: Югай Г. А. Проблема целостности организма. М., 1962, с. 67—68.

⁵⁸ Токин Б. П. О «шпеманновской школе» в эмбриологии. — Вестник ЛГУ, 1949, № 4, с. 8.

⁵⁹ Driesch H. Ordnungslehre. Ein System des nichtmetaphysischen Teiles der Philosophie. Jena, 1923, S. 294.

⁶⁰ См.: Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии, с. 128.

тиворечило подобному пониманию. Казалось, что целостность уже заранее включена в каждую часть и поэтому столь же объективна, как и последняя. Дриш присоединяется к критике кантовской телеологии Э. Гартманом, утверждавшим, что «финальность» не просто условный прием познания, а категория,⁶¹ обладающая, как и целостность, «конститутивным» характером, выражаясь языком Канта.⁶²

Отметим, что Дриш, рассматривая причинность механистически, признавал все же возможность существования нетелеологической гармонии причинных рядов.⁶³ Он указывал на существование целесообразности в технических устройствах. Особенность этой («статичной») целесообразности в том, что она покоится на специфическом расположении частей. Каждый процесс в машине целесообразен постольку, поскольку осуществляется как элемент целого более высокого порядка.⁶⁴ Специфика органической природы не в том, что ей присуща целесообразность, но в особом качестве последней. Поэтому телеология сама по себе — еще не обязательно витализм, она нейтральна в его споре с механизмом (с которым Дриш отождествлял материализм). Виталистический характер неизбежно принимает только «динамическая» телеология организма как гармонически-эквипотенциальной системы, поскольку, по Дришу, невозможно создать ее причинную модель. Дриш считал возможным по его словам два пути машинного объяснения динамической целесообразности. Первый рассматривает организм как очень сложную машину. Но в таком случае каждая часть его должна была бы содержать в себе такую же машину. Такие же машины должны заключаться в перекрывающих друг друга и в содержащих друг друга делениях. Следовательно, каждая часть должна содержать в себе бесконечное количество сложных машин, что является абсурдом. Второй вид этого объяснения рассматривает в качестве машин ядерные устройства клеток. Если принять такое материалистическое, причинное объяснение, живое предстанет якобы в виде совокупности однородных микромашин, вместо многоступенчатой, дифференцированной организации.⁶⁵ Дриш упускал из виду возможность существования материальных регуляторов подобных «машин», включающих ядерные механизмы шаг за шагом в процессе роста организма. Единственный выход для него — в принятии непространственного, неделимого фактора — «энтелехии». Энтелехия действует не на сами части целого, а на их взаимоотношения. Она объясняет приспособительный характер реакций организма как целого, возрастание внутреннего многообразия, эквипотенциальную соотнесенность частей с целым. Энтелехия

⁶¹ Driesch H. *Naturbegriffe und Naturteile*. Leipzig, 1904, S. 238.

⁶² Driesch H. *Ordnungslehre*, S. 293.

⁶³ Driesch H. *Naturbegriffe und Naturteile*, S. 241.

⁶⁴ Driesch H. *Geschichte des Vitalismus*. Leipzig, 1922, S. 4.

⁶⁵ Driesch H. *Philosophie des Organischen*. Leipzig, 1928, S. 119—121.

осуществляет выбор возможностей развития, подчиняя движение как бы некоторой модели.⁶⁶ Энтелехия, по Дришу, не только не противоречит причинности, но предполагается ею. Причинность для него — однозначная связь: следствие всегда равно своей причине. Энтелехия же, воздействуя на распределение причинных отношений, увеличивает разнообразие и вызывает несоответствие совокупности следствий сумме причин. Природа энтелехии получает у неовиталиста только отрицательные определения: «энтелехия — не энергия, не сила, не интенсивность и не константа, но — энтелехия».⁶⁷ Не является она и структурой, будучи лишь фактором, вызывающим усложнение последней.⁶⁸

Несмотря на телеологию, Дриш оставался верным принципу объективности исследования. Принятие им фактора энтелехии было в некотором отношении выражением на языке идеалистической философии реального аспекта действительности. Он отвергал психоламаркизм и утверждал, что энтелехия не может накапливать знаний. Стремясь избежать антропоморфизма, Дриш отказался от самих терминов «целесообразность» и «телеология», заменив их понятиями отношений целостности: «для нас телеологический, — писал он, — соотносенный с целостностью».⁶⁹ Некоторые последователи Дриша пошли дальше, потребовав окончательно изгнать термины «цель» и «целесообразность» из описания специфики живых организмов, заменив их понятием целого.⁷⁰

В своей телеологии Дриш обратил внимание на явления, механизм которых был неясен (и во многих отношениях продолжает таковым оставаться до настоящего времени), разработал ряд понятий, выражающих специфику органических регуляций («эквипотенциальность», «перспективная потенция», «перспективное значение», «многоступенчатость организации» и т. д.). «Без понятий целостность, интеграция, — отмечал Б. П. Токин, — нельзя сделать ни одного серьезного построения в науках об эволюции и об онтогенезе. Поэтому даже термины, созданные виталистами, уродливо отражающие явления природы, вошли в обиход научной мысли».⁷¹

Пример Дриша показывает, что и после создания марксистской философии и открытия Дарвина еще продолжают суще-

⁶⁶ Driesch H. Der Begriff der organischen Form. Berlin, 1919, S. 58.

⁶⁷ Driesch H. Philosophie des Organischen, S. 310.

⁶⁸ В этом отличие энтелехии Дриша от соответствующего же понятия у Аристотеля, выражающего форму, структуру вещей в ее активном, определяющем их реализацию аспекте.

⁶⁹ Driesch H. Ordnungslehre, S. 294.

⁷⁰ Ungerer E. Die Teleologie Kants und ihre Bedeutung für die Logik der Biologie. — Abhandlungen zur theoretischen Biologie. 1922, H. 14, S. 88.

⁷¹ Токин В. П. Регенерация и соматический эмбриогенез. Л., 1959, с. 32. Рассматривая историю биологии с точки зрения логики развития ее понятий, лауреат Нобелевской премии Ф. Жакоб, считавший, что витализм никогда ничего не дал, пришел к выводу, что это телеологическое течение «сыграло важную роль в развитии биологии» (Entretien avec F. Jacob, — La nouvelle critique, 1971, N 47, p. 47).

ствовать отдельные области, где на каком-то этапе телеология может оказаться рациональной по своему содержанию.

Дриш оказал значительное влияние на новейшую буржуазную философию. Взгляд на организм как на телеологически ориентированную целостность стал ведущим для многих ее натурфилософских теорий (критический реализм, неогегельянство, холизм, организмизм, эмерджентизм). Понятие «потенций» развития используется неотомизмом как подтверждение томистской концепции возможности и актуальности. Дришевская телеология повлияла также и на психологию, социологию, искусствознание, теорию литературы, этику.⁷²

В защиту «конечных причин» выступает целый ряд неовиталистов, близких по воззрениям Дришу. Некоторые из них превращают телеологию в прямое идеологическое оружие реакции.⁷³ В их концепциях не поднимаются вопросы, связанные с какими-нибудь новыми открытиями. Сам Дриш заметил в отношении одного из неовиталистов (Рейнке), что тот подходит к телеологии «скорее с позиций техники понятий, чем по-деловому обосновывая».⁷⁴

Но и эти неовиталисты в мистифицированной форме заостряли внимание на некоторых аспектах жизнедеятельности организма. Так, ими указывалось на значение регуляции. На этой проблеме сосредоточил свои усилия ботаник-теист И. Рейнке. В его взглядах, разрабатывавшихся под влиянием идей Г. Лотце и Э. Гартмана, центральное место принадлежит понятию доминанты. Доминанта — планомерно действующий фактор, ведущий процессы к цели, не нарушая причинных законов природы. По будучи энергией, доминанты регулируют распределение последней, открывая для нее выход в том или ином направлении. Возможность этого воздействия на энергетические процессы Рейнке видит в «освобождающей» («пусковой») форме причинности, отличающейся несоизмеримостью причины и следствия.

В 1876 г. Р. Майер, с именем которого связано открытие закона сохранения и превращения энергии, обратил внимание на особую форму причинности, которую он назвал «освобождающей» или «пусковой» (*die auslösende Ursache*). Ничтожные в энергетическом отношении воздействия могут освобождать значительные количества энергии или вызывать превращения вещества, как например в явлениях катализа в биологических процессах. Р. Майер отмечал, что если при открытии закона сохранения он исходил из принципа «*causa aequat effectum*» (причина равна следствию), то при действии «освобождающей» причины всякое количественное соотношение между энергетиче-

⁷² Х ю б ш е р А. Мыслители нашего времени. М., 1962, с. 228.

⁷³ Мосек R. Zum Lebenswerk von H. Driesch. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1964, H. 10, S. 1203.

⁷⁴ Driesch H. Geschichte des Vitalismus, S. 177.

скими выражениями причины и следствия исчезает. Подобные отношения лежат, по его мнению, вне границ точной науки, математически невыразимы.⁷⁵

Указание на этот род связей, играющий решающую роль в процессах биологической регуляции, поставило проблему о причинных отношениях, значение которых несоизмеримо со связанным с ними переносом энергии. На первом этапе это было использовано представителями неовитализма. Они стремились представить ограниченность энергетического описания, в рамках которого антинаучность понятия «жизненной силы» была очевидной, в качестве указания на необходимость возвращения к виталистским факторам, но уже на уровне регуляционных отношений, «освобождающей» причинности. Именно на этом строилась телеология Рейнке.

Определяя упорядоченность процессов, доминанты вызывают к жизни те или иные формы и обеспечивают их наследственность. Они — «кормчие энергии».⁷⁶ Рейнке подходил к пониманию необходимости выделения отношений регуляции, структуры и передачи сообщений и выражения их в единых абстрактных понятиях, но придавал этим абстракциям характер духовных начал. Его доминанта выражала потребность в исследовании тех сторон организованных систем, научный аппарат для изучения которых был создан позднее в теории информации и кибернетике. Попытки разобраться в них в то время, когда еще не созрели условия для их изучения методами точного анализа, с необходимостью принимали, как подтверждает история категории цели, форму телеологии. Еще в 20-х годах регулирование могло определяться как одно из «основных понятий телеологии».⁷⁷ Доминанты Рейнке имеют исключительно качественный характер в противоположность энтропии с ее не только качественной, но и количественной определенностью.⁷⁸ Это, по его мнению, в принципе ограничивает применимость количественных методов в биологии. Примерно в том же духе Э. Блейлер связывал «психойд» как некий принцип жизни с циркуляцией в организме сообщений, закодированных на входе и декодируемых на выходе.⁷⁹ Сообщения, связывающие части тела в одно целое, противопоставляются химическим и нервным процессам в качестве самостоятельных духовных сущностей, обладающих чисто качественным характером.⁸⁰

⁷⁵ Mayer R. Über Auslösung. — In: Mittasch A. Lebensproblem und Katalyse. Ulm, 1947, S. 82—83.

⁷⁶ Рейнке И. Сущность жизни. — В кн.: Сущность жизни, с. 117.

⁷⁷ Ungerer E. Die Regulationen der Pflanzen. Ein System der teleologischen Begriffe in der Botanik. Berlin, 1919, S. 56.

⁷⁸ Reinke J. Über die in den Organismen wirksamen Kräfte. — Biologisches Zentralblatt, 1901, N 19.

⁷⁹ Bleuler E. Die Psychoide als Prinzip der organischen Entwicklung. Berlin, 1925, S. 42.

⁸⁰ Ibid., S. 30—31.

Ни циркуляция сообщений Блейлера, ни «диафизика» (т. е. аналогичное физике учение о действиях доминант) Рейнке — не могли служить ни прообразом теории информации, ни путем к ней.

Неовитализм подчеркивал еще один момент — избирательную активность живого. Я. Иксюлю указывал на структурное соответствие между телом животного и условиями среды, как на «функциональный цикл». Внешнее воздействие вызывает в организме цепь процессов, которая приводит к погашению эффекта самого данного действия. Функциональный цикл, содержащий уже признаки обратной связи,⁸¹ не мог, согласно Иксюлю, получить объяснение в материалистической теории. Обратная связь, выражающая активность организма, интерпретировалась им в идеалистической концепции, которую можно охарактеризовать как биоцентрический субъективизм. Организм в силу своей активности сам создает свою среду. Она для него — носитель признаков, сигналов и объект активных реакций. Каждое животное имеет, поэтому, особый собственный мир приложения своих сил. Объективная же действительность, независимая от творщей целевой активности, есть фикция.⁸²

Момент целенаправленности был в центре внимания и философа-идеалиста Э. Риньяно, во взглядах которого сочетались представления в духе старого витализма с общей позитивистской установкой физикализма. По Риньяно, развитие на неорганическом уровне, его энергетические законы полностью ателеологичны. Переход к жизни представляет собой все возрастающую трансформацию неорганической энергии в витальную, противостоящую росту энтропии, с чем связано прогрессирующее распространение психического, разума.⁸³ Критерием телеологизма, объективным и неантропоморфичным, является эквифинальность процессов.⁸⁴ Аккумуляции жизненной энергии отвечает усиление финального принципа, достигающее высшей точки в человеческом разуме.⁸⁵ Заметим, что система Риньяно служит одним из подтверждений терпимости позитивистской философии по отношению к телеологии. Разделяющий взгляды этой философии, Риньяно не может принять метафизические принципы вроде «онтелехии».⁸⁶ Констатируя факты целенаправленности в живой

⁸¹ Fuchs-Kittowski K. Bemerkungen zu philosophischen Problemen biologischer Regelung. — In: Natur und Erkenntnis. Berlin, 1964, S. 170.

⁸² Uexküll J. V. Definition des Lebens und des Organismus. — In: Handbuch der normalen und pathologischen Physiologie. Bd 1. Berlin, 1927, H. 9—10, 21.

⁸³ Richet Ch. Le problème des causes finales. — Scientia, vol. XLVII, 1930.

⁸⁴ Gagnebin E. La raisonnement finaliste en biologie. — Scientia, vol. XLVIII, 1930.

⁸⁵ Rignano E. Das Leben in finaler Auffassung. In: Abhandlungen zur theoretischen Biologie. Berlin, 1927, H. 26, S. 30.

⁸⁶ Ibid., S. 40.

природе, он стремится выразить их в терминах физики (энергия) и по существу переходит к наиболее архаичной форме витализма с его телеологией.

* * *

В связи с проблемой целестремительности индивидуального развития следует указать на три важных для нас момента.

Во-первых, телеология не только продолжает сохранять здесь серьезные гносеологические основания, но и может в некоторых случаях иметь определенную познавательную ценность. На нынешнем этапе познания, когда предполагаемый сложный генетический аппарат, управляющий интегрированными генетическими процессами в онтогенезе многоклеточного организма, совершенно не раскрыт, приобретает важное значение выведение феноменологических закономерностей относительно больших отрезков развития. В совокупности они составляют некоторое распределение ориентирующих сил целого, обозначаемое как «морфогенетическое поле». От координат положения в нем элементов, обладающих равными возможностями приобретения одного из ряда значений, зависит, какое конкретное значение получит каждый из данных элементов. Поле определяет конечное состояние, не детерминируя жестко, а «нормируя» в некоторых пределах поведение элементов.⁸⁷ При этом ориентация клеточных процессов включает момент антиципации будущей стадии развития (например, ориентация оси клеток в нейральных зачатках позвоночных, на что обратил внимание А. Г. Гурвич).⁸⁸ Формализованное выражение векторного поля в абстракции от неизвестных причинных механизмов скрывает в себе момент целевого рассмотрения (с точки зрения конечного состояния целого). Этот момент может принять телеологическую окраску (в значении не только условной, но и онтологической телеологии), что имело место, в частности, в первых вариантах разработки теории морфогенетического поля Гурвичем («динамически преформированная морфа»)⁸⁹ На это же опирается склоняющийся к философии неофинализма эмбриолог Э. Вольф,⁹⁰ утверждающий, что развитие зародыша к определенной форме осуществляется силой внутреннего стремления к совершенству, описанного Платоном в диалоге «Пир».⁹¹ В то же время делается очевидной ограниченность эвристической пользы телеологических моделей. Путь к более глубокой сущности лежит в раскрытии указанного гене-

⁸⁷ Белоусов Л. В. Истоки, развитие и перспективы теории биологического поля, с. 82.

⁸⁸ Белоусов Л. В. Проблема эмбрионального формообразования. М., 1971, с. 27.

⁸⁹ Там же, с. 152.

⁹⁰ Wolff E. Les chemins de la vie. Paris, 1963, p. 25.

⁹¹ Wolff E. Vie et finalité. L'intelligence organique. — Revue philosophique de la France et de l'étranger, 1965, N 3, p. 346.

тического механизма, физико-химической природы и причинных основ морфогенетического (биологического) поля.⁹²

Момент телеологического подхода в концепциях морфогенетического поля отвечает внутренним взаимозависимостям целого, механизм которых неясен, но которые ориентируют формирование функционально и структурно законченных единиц данного целого из недифференцированных клеток (пространственно-временная структура совокупности факторов, осуществляющих направленную подачу энергии, управляющих процессами митоза, клеточных движений, изменения величины и формы клеток, пространственного упорядочения клеточных процессов и т. д.). Он исключает телеологию преформизма, представляющую процесс в виде разворачивания изначально присутствующей в хромосомном аппарате модели организма, его прообраза, аналогичного цели в сознании. Современные представления о наследственном коде не допускают существования в генетическом аппарате моделей органов или организма в целом.⁹³ Действие генов благодаря их тонкой саморегуляции согласовано силой отбора с множеством взаимодействующих систем обратных связей более высокого порядка, включающих на определенных этапах в качестве одного из факторов также те или иные условия среды.⁹⁴ Процесс «считывания» наследственной информации представляется в виде многоступенчатого процесса, определяемого теми или иными «инструкциями»,⁹⁵ обращение к которым зависит и от взаимодействий отдельных тканей и зачатков образующихся органов.⁹⁶

Во-вторых, как конкретные данные современной биологии, так и опыт борьбы за причинную теорию эволюции не дают никакого основания для переноса особенностей генетически запрограммированного развития индивида на исторический процесс эволюции популяций и видов. Подобный перенос неизбежно ведет к телеологическим выводам.

В-третьих, внутренняя сложность развития, в котором сливаются на разных иерархических уровнях историческая, генетическая, эпигенетическая детерминации, системы многоярусных циклов саморегуляций, не может быть описана при помощи простых физических моделей поведения системы как целого.

⁹² Белоусов Л. В. Проблема эмбрионального формообразования, с. 164—165.

⁹³ Abeloos M. Developpement des formes vivantes. — Revue philosophique de la France et de l'étranger, 1965, № 3, p. 278.

⁹⁴ Лопашов Г. В. Эмбриология и кибернетика. — В кн.: Клеточная дифференцировка и индукционные механизмы. М., 1965, с. 265.

⁹⁵ Jacob F. La logique du vivant, p. 298; Белоусов Л. В. Проблема эмбрионального формообразования, с. 80.

⁹⁶ О значении этих представлений для проведения четкого различия между теорией генетического кода и телеологией преформизма см.: Карпинская Р. С. Внешнее и внутреннее в биологии. — В кн.: Философские проблемы современной биологии. М.—Л., 1966, с. 73.

Выше мы упомянули концепций, отождествившие биологическое развитие с ростом кристаллов. В принципе им по своему общему характеру родственны гораздо более развитые концепции Л. Берталанфи, получившие сильный резонанс в нашей философской литературе. Не касаясь всех сторон научного содержания этих теорий, обстоятельно рассмотренных у нас, остановимся только на том, как в них понимается проблема органической целесообразности. При этом было бы серьезным огрублением вопроса не различать с необходимой четкостью отдельные этапы в эволюции взглядов этого незаурядного биолога и мыслителя. Но связанные с этой эволюцией изменения хотя и весьма значительны, относятся к уровню философской рефлексии и мировоззрения, или, на уровне собственно естественнонаучной теории, — не затрагивают общего алгоритма мышления, его категориального строя, основного подхода к живым системам. Следует подчеркнуть, что наше внимание сосредоточено здесь только на моменте телеологии, т. е. на наиболее слабом месте воззрений этого теоретика биологии, общая же оценка его концепций не входит в наши задачи.

Берталанфи исходит из признания качественного отличия явлений жизни от неорганической природы (в философском плане на него оказало влияние учение Н. Гартмана о «слоях бытия»). Но законы биологии, несводимые к законам физики неорганической природы, могут быть, считает он, сведены к законам новой, более общей физики, частными случаями которых является как физика неорганической природы, так и собственно биология. Если до недавнего времени физическая химия и термодинамика ограничивались исследованием замкнутых систем и равновесных состояний, то с созданием теории открытых систем и подвижных равновесий этой ограниченности кладется конец.⁹⁷ Действительно, теория открытых систем — значительное приближение к реальным биологическим системам по сравнению с термодинамикой замкнутых систем.⁹⁸ Она показывает, в частности, что в открытой системе могут протекать процессы с уменьшением энтропии (за счет повышения энтропии в окружающей среде), что снимает кажущееся противоречие между вторым законом термодинамики и эволюцией.⁹⁹

В замкнутых системах конечное состояние однозначно определено начальными условиями. Подвижное же равновесие открытой системы определяется не начальными условиями, а параметрами процесса транспортировки вещества и энергии. Открытая система развивает силы, действующие в направлении,

⁹⁷ Bertalanffy L. Moderne Hypothesen zur Entstehung des Lebens. — Kosmos, 1956, H. 6, S. 260.

⁹⁸ Пасынский А. Г. Теория открытых систем. — Успехи современной биологии, т. XIII, 1957, вып. 3.

⁹⁹ Bertalanffy L. Biophysik des Fließgleichgewichte. Braunschweig, 1953, S. 48.

противоположном нарушении ее устойчивого состояния. На этом основании Берталанфи считает, что подобная система обладает свойством приспособления, являющимся непосредственным выражением действия физических законов.¹⁰⁰ Термодинамика открытых систем объясняет, с его точки зрения, эквифинализм развития эмбриона, ароморфные изменения, саморегуляцию обмена веществ, регенерацию, целостность восприятия. Устройства же типа обратной связи относятся им к вторичным образованиям. Естественно, что особенно большие трудности в такой концепции возникают при попытке объяснения органической целесообразности. Берталанфи воздерживается, насколько нам известно, от присоединения к Пригожину, на работы которого он опирается, в объяснении перелета птиц законами термодинамики. Но он старается по возможности уменьшить значение целесообразности, свести ее к сохранению сложной организации вообще. Целесообразность организма якобы — фикция, антропоморфизм.¹⁰¹ Это, в свою очередь, связано с отказом от дарвиновской теории. Правда, отбор он полностью не отрицает. Но, как известно, естественный отбор в каких-то пределах признавался почти всеми виталистами и неоламаркистами. Понимая его в духе механицизма и повторяя традиционное противопоставление случая необходимой закономерности, Берталанфи отрицает возможность объяснения отбором строения живых существ, опираясь при этом на антидарвинизм Э. Гартмана и признавая себя сторонником ортогенетической теории развития. Он убежден, что выражение направленности эволюции формулами математики и физики способно противопоставить ортогенез телеологии и витализму. Категория причинности оттесняется на задний план категорией целого. Целостность накладывается в организме на причинные отношения, подчиняя себе причинность.¹⁰² То, что в организмах называется «целесообразностью», есть определенное взаимоотношение причинных факторов. «Целостный порядок процессов жизни, — пишет Берталанфи, — является равно таким же фактом, как и причинная связь единичных явлений. Познавание первого не может быть заменено познанием последней».¹⁰³ Берталанфи согласен со взглядами уже упоминавшегося физиолога Х. Йордана. Естественная наука, писал Йордан, отрицавший на словах витализм и телеологию, изучает взаимодействие частей между собой и с целым. «За пределы этого она не смеет выходить. Собственная сущность целого остается для нее закрытой».¹⁰⁴ «Целостность», с точки зрения Берталанфи, более правильное понятие, чем «целесообразность». Оно охватывает как организацию, так и целесообразность. «Целесообразность» —

¹⁰⁰ Ibid., S. 14.

¹⁰¹ Bertalanffy L. Das Gefüge des Lebens, S. 180.

¹⁰² Bertalanffy L. Das biologische Weltbild. Bd. 1. Bern, 1949, S. 183.

¹⁰³ Bertalanffy L. Theoretische Biologie. Berlin, 1932, S. 19.

¹⁰⁴ Jordan H. Allgemeine vergleichende Physiologie der Tiere, S. 732.

лишь плохая формулировка целостности. Слова «телеология» Бер탈анфи избегает, так как оно смешивает понятия сохранения целостности и психологической целесообразности. При этом он ссылается на Унгерера — последователя Дриша, который, как мы уже говорили, заменил термин «целесообразность» термином «целостность»,¹⁰⁵ считая его взгляды сходными со своими.¹⁰⁶ Еще раньше, в дискуссии между Риньяно и материалистами-естествоиспытателями Бер탈анфи решительно выступил на стороне телеологии первого. «Направленность, или телеология, — писал он, — ... есть выражение системной закономерности», и отмечал в качестве заслуги Риньяно, что тот показал необходимость применения телеологических понятий.¹⁰⁷ Бер탈анфи поддерживал утверждения виталиста о якобы несостоятельности объяснения Дарвином целесообразности.¹⁰⁸ Симпатии Бер탈анфи к Риньяно связаны, очевидно, также и с родством в то время их философских взглядов, представлявших сочетание телеологии, механистического материализма, позитивизма и отдельных моментов диалектики. «Не существует абсолютной логической необходимости, — пишет Г. Симпсон, — чтобы витализм и финализм всегда выступали бы совместно, однако эти идеи являются родственными хотя бы только потому, что обе они до какой-то степени ... нематериалистические. По большей части виталисты являются финалистами и финалисты — виталистами».¹⁰⁹ Понимание Бер탈анфи органической целостности телеологично в своей тенденции, несмотря на отрицание витализма, на значительные элементы материализма. Целостность противопоставлена причинности, причинное объяснение подменяется описанием организации, что, в соответствии с законами движения категории, ведет к телеологии. Отрицается в сущности дарвинизм, определяющая роль отбора в происхождении целесообразности. Направленность эволюции выводится непосредственно из физических принципов индивидуального развития организмов. Отрицается и принципиальное значение обратной связи, место которой, как и отбору, отводится только в сфере периферийных, несущественных процессов.

Телеологическая общая позиция Бер탈анфи не помешала ему выдвинуть в некоторых случаях ценные идеи и даже, очевидно, в известном отношении стимулировала их. Мы не говорим уже о плодотворном общем воздействии, которое оказали представления этого крупного ученого на развитие теоретического мышления в биологии. Это еще раз показывает, что телеология

¹⁰⁵ Bertalanffy L. Theoretische Biologie, S. 18.

¹⁰⁶ Bertalanffy L. Das Gefüge der Lebens, S. 8.

¹⁰⁷ Bertalanffy L. Die Teleologie des Lebens. — Biologia Generalis, Bd V, 1929, S. 394.

¹⁰⁸ Ibid., S. 388.

¹⁰⁹ Simpson G. The world into which Darwin led us, — Science, vol. 131. 1960, N 3405, p. 967.

при максимально возможном освобождении ее от идеалистических моментов, способна в определенных рамках играть эвристическую роль. Эти рамки все более суживаются в процессе развития биологии и ее методов. В связи с ограниченными возможностями телеологического мышления Берталанфи оказался не способен, как уже отмечалось, оценить все значение двух близких друг другу по своей категориальной структуре теорий современной науки — дарвинизма и кибернетики. Попытка объяснить целесообразность одними энергетическими процессами выливается в конечном счете в наделение целестремительными свойствами самих физических процессов. У Берталанфи информационный аспект биологических процессов фактически отождествляется с процессами транспортировки вещества и энергии в открытых системах. На деле же процессы обмена веществ выступают как однородные по отношению к огромному разнообразию органических структур. Основой этого разнообразия служит информационный потенциал тончайших микроструктур клетки. Приток же энергии и вещества из внешней среды в процессе метаболизма исключительно беден в информационном отношении и не может поэтому непосредственно определять целесообразное устройство организмов.¹¹⁰ Органические системы подчиняются, конечно, физическим закономерностям и должны изучаться также и в этом аспекте. Ошибка возникает тогда, когда выражение этого аспекта в формулах физики принимается за достаточное объяснение. Физика может показать условия целесообразности, отдельные стороны механизмов ее осуществления. При понимании же физического описания как адекватного объяснения органическая целесообразность или выпадает, или начинает приписываться по существу самим физическим процессам. «Теория открытых систем не призвана подменять биологические теории и не дает ключа к решению биологических проблем. Ее ценность заключается в том, что по сравнению с теорией реакций в замкнутых системах... она, с ее глубоко динамическими концепциями относительно гораздо больше приближается к свойствам биологических систем...».¹¹¹

То, что логика теорий, которые пытаются вывести основные свойства живого исходя из закономерностей физического типа, приводит или к телеологии или к недооценке значения целесообразности, подтверждают, в частности, работы Э. Бауэра. Переоценка Э. Бауэром значения принципа устойчивого неравновесия живых систем ведет к принижению значения естественного отбора. Дарвиновская теория определяется как достижение лишь описательного периода, означающее простую констатацию факта изменения, но не раскрывающее сущностных законов разви-

¹¹⁰ Elsasser W. M. The physical foundation of biology. London—New York, 1958, p. 212.

¹¹¹ П а с ы н с к и й А. Г. Теория открытых систем, с. 279.

тия.¹¹² Логическим выводом у Бауэра, непримиримого к телеологии, могло быть только преуменьшение значения целесообразности. Действительно, определение им приспособления не подчеркивает его полезности, целесообразности. Для Бауэра важен другой момент: целостность процесса приспособления, единство закона, определяющего серию однородных адаптаций. Приспособлением, говорил он, является выраженная в законах биологического движения зависимость изменений состояния живой материи от среды. «Существенным для приспособления являются не различные формы проявления законов движения живой материи при различных условиях, а сохранение самих этих законов».¹¹³ Целесообразность Бауэр отождествлял с интегральным выражением закономерностей при помощи конечной стадии процесса, подчиняющегося этой закономерности. В этом отношении в одинаковой целевой форме можно выразить и закон сохранения энергии, и второй принцип термодинамики, и приспособление организмов. «Понятие целесообразности, следовательно, не может служить отличительным признаком между живыми и неживыми системами».¹¹⁴

Если в вопросе целесообразности терпят неудачу теории, охватывающие физический, энергетический аспект поведения живой системы как целого, то вряд ли можно ожидать большего успеха от неизмеримо менее содержательной «общей теории систем», которую давно уже обещают создать Берталанфи и его последователи. Эта теория пытается вывести финальность «из общего определения понятия „система“».¹¹⁵ Претендующая на формализованное выражение закономерностей систем как таковых безотносительно к их конкретной природе, материалу, типу связей, истории, эта дедуктивная теория позволяет, согласно Берталанфи, дать логико-математические определения целесообразности и эквифинализма.¹¹⁶ При таком подходе целенаправленность окончательно отделяется от причинности и даже от отношений внутренней организации и открывается возможность ее иррадиации на все системы вообще, т. е. практически на всю действительность. Телеологической тенденции взглядов Берталанфи это не может противоречить.

¹¹² Бауэр Э. С. Теоретическая биология. М.—Л., 1935, с. 6, 17.

¹¹³ Там же, с. 166.

¹¹⁴ Бауэр Э. Основные ошибки биологии. — Дialeктика в природе, 1926, № 2, с. 226. Необходимо отметить, что в статье «Жизнь», написанной Э. Бауэром совместно с другими авторами, указывается на целесообразность организации живых существ как на результат естественного отбора (Бауэр Э., Брандгандлер В., Гринберг Г. Жизнь. — Под знаменем марксизма, 1932, № 7—8).

¹¹⁵ Берталанфи Л. Общая теория систем. Критический обзор. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969, с. 29.

¹¹⁶ Bertalanffy L. Problems of general system theory. — Human Biology, vol. 23, 1951, N 4, p. 304.

Нельзя оспаривать положительную роль работ по «общей теории систем» в сближении научного языка различных дисциплин, в стимулировании конкретных системных исследований и разработке соответствующих приемов. Что же касается плодотворности этой теории для непосредственного развития биологической науки, в особенности — для понимания проблемы органической целесообразности, то здесь мнения трех крупнейших современных ученых, занимавшихся изучением именно этой проблемы в сфере морфогенеза (К. Уоддингтон),¹¹⁷ генетических регуляций (Ж. Моно)¹¹⁸ и физиологии нервной системы (П. К. Анохин)¹¹⁹ далеко не совпадают с необычайно оптимистическими оценками, которые даются некоторыми философами.

В литературе встречаются также указания на сближение «общей теории систем» с телеологией витализма.¹²⁰

Призывы, раздающиеся со страниц некоторых журналов, переосмыслить «содержание категорий и законов материалистической диалектики на основе системно-структурного подхода», т. е. превратить системологию в некую метатеорию, стоящую выше диалектики, не учитывают ни истории вопроса, ни его идеологического значения. «Переосмыслить» диалектику с позиций целостности, представить идею определяющей роли, господства целого в качестве основы марксистской диалектики пытался в начале двадцатых годов Г. Лукач. Системность, «тотальность» он ставил выше принципа причинности, видя сущность марксистской концепции общества «не в доминировании экономических причин, а в точке зрения целостности».¹²¹ На эти мысли молодого Г. Лукача опирается сейчас структуралистская ревизия марксизма.¹²²

¹¹⁷ Расчеты на приложение к биологическим проблемам «теории систем» К. Уоддингтон называет «призрачными надеждами» (Уоддингтон К. Основные биологические концепции. — В кн.: На пути к теоретической биологии. М., 1970, с. 23).

¹¹⁸ Monod J. Le hasard et la nécessité, p. 93. «Туманные» «общие теории систем» типа теории Бергаланфи, по мнению Моно, не способны раскрыть богатства кибернетической сети саморегуляции организма. Данная точка зрения французского генетика не может быть связана с его воинствующими антимарксистскими взглядами. Основой последних является, как известно, направленный против диалектики структурализм.

¹¹⁹ П. К. Анохин указывает, что в подавляющем большинстве случаев исследователи в области «общей теории систем» не делают попытки проникнуть во внутреннюю архитектуру системы, в механизм ее внутренних взаимодействий, оказываясь особенно несостоятельными в вопросе целенаправленности. В результате «системный подход, в особенности общая теория систем Бергаланфи не стали достаточно популярными среди исследователей конкретных организмов и не привели к значительному преобразованию самой исследовательской практики» (Анохин П. К. Принципиальные вопросы системного подхода в биологии. — В кн.: Принципы системной организации функций. М., 1973, с. 19—22).

¹²⁰ Somenzi V. Cibernetica e materialismo dialettico. — Critica marxista, 1972, N 6, p. 213.

¹²¹ Lukács G. Geschichte und Klassenbewusstsein. Berlin, 1923, S. 39.

¹²² Sebağ L. Marxisme et structuralisme. Paris, 1964, p. 57.

На другом полюсе современной буржуазно-ревизионистской реакции на марксистскую философию, — в концепциях абстрактного гуманизма и экзистенциализма, — понятие целостности также используется для извращения диалектики. Применение категории целого подобным образом «толкает к органицизму», что приносило всегда вред теории и практике марксизма.¹²³

Вопрос цели в физиологии нервной деятельности

Без преувеличения можно сказать, что наибольшее внимание интересующей нас категории в комплексе биологических наук было уделено в последние десятилетия физиологией головного мозга. Это естественно: ведь объект исследования в данном случае — именно орган наиболее тонкой целевой регуляции, содержащий у человека механизм продуцирования и движения самой сознательной цели. «Для нас, физиологов, физиологов мозга в частности, — характеризовал значимость «телеологической» проблематики П. К. Анохин, — целесообразность — это то, что мы видим ежеминутно, ежесекундно, и нам понятны заблуждения, когда эта целесообразность становилась основой для развития виталистических концепций».¹²⁴

Открытием в этой области, аналогичным до некоторой степени дарвиновскому, явилось создание теории условных рефлексов. Так же, как и учение о естественном отборе в своей области, павловская теория признавала объективность и роль целесообразности, исходя из констатации ее как из факта, требующего объяснения. И. П. Павлов дал это объяснение с позиций причинного детерминизма. Он присоединяется к «естественнонаучному дарвиновскому анализу»¹²⁵ органического приспособления и не допускает ни малейших уступок телеологии, «игнорируя по принципу вопрос о сущностях и конечных причинах».¹²⁶ Чтобы охватить целесообразность и целенаправленность, старая, восходящая к Декарту, модель рефлекса должна была быть перестроена. Двумя идеями, послужившими этой перестройке, явились представления о сигнальном характере раздражителей и о подкреплении. Идея подкрепления ввела в модель рефлекса то, что позднее стало называться обратной связью. Следствие — удовлетворение некоторой потребности — воздействует на свою причину — способ действия животного как реакция на условный раздражитель. Причинно-следственная цепь принимает в учении И. П. Пав-

¹²³ Z a n a r d o A. La situazione del marxismo e la dialettica. — *Rinascita*, 1971, N 4, p. 19.

¹²⁴ А н о х и н П. К. Проблемы моделирования жизненных процессов и физиология мозга. — В кн.: О сущности жизни. М., 1964, с. 208.

¹²⁵ С е ч е н о в И. М., П а в л о в И. П., В в е д е н с к и й Н. Е. Физиология нервной системы. Избранные труды. Вып. 1. М., 1952, с. 469.

¹²⁶ Там же, с. 477.

лова циклический характер. Условнорефлекторное действие направлено к цели — созданию некоторой ситуации, опережая при этом ход процессов во внешней среде по сигналу условного раздражителя. Структура действия отражает структуру, последовательность явлений внешнего мира. Концепция условного рефлекса дает возможность проанализировать цель, присутствующую в действии животного, как момент причинно-следственных отношений.¹²⁷ Условный рефлекс играет роль механизма предвосхищения жизненно важных обстоятельств, будущего. «Создается своего рода рефлексивное предвидение, выбирающее в каждом случае соответствующую реакцию».¹²⁸

Развитие условнорефлекторной теории как самим ее создателем, так и его учениками и последователями охватывало все более высокие и сложные проявления целенаправленности. Изучались новые виды рефлексов, их модификации и слияния в целостности более высокого порядка. И. П. Павлов стремился дать объяснение так называемым произвольным движениям животного. Он рассматривал их как сложнейший рефлекторный акт, в который входит отражение не только внешних условий, но и собственных двигательных реакций и их результатов. Связь, возникающая первоначально как следствие вынужденного движения, превращается затем в причину самого этого движения, принимающего вид произвольного.¹²⁹ И. П. Павлов специально останавливался на огромном, по его мнению, физиологическом, психологическом и социальном значении цели. Она характеризовалась им как естественнонаучное понятие, выражающее элемент особого рода сложных рефлексов. «Рефлекс цели», считал он, необходимо подвергнуть строго объективному анализу. Этот рефлекс — «важнейший фактор жизни» — входит в общую причинную связь. Его нельзя отождествлять со свойственным сознанию наделением целей смыслом и ценностью. Направляя энергию деятельности, цель в психике может достигать различной степени ясности и отчетливости и характеризуется периодичным ритмом своего действия.¹³⁰

¹²⁷ Шингаров Г. Х. Теория отражения и условный рефлекс. М., 1974, с. 139—141.

¹²⁸ Валлон А. От действия к мысли. М., 1956, с. 68.

¹²⁹ Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы, вып. 1, с. 549; вып. 4, с. 594; Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960.

¹³⁰ Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы, вып. 4, с. 420—424. Некоторые философы-марксисты утверждают, что И. П. Павлов применял в данном случае термин «цель» в ненаучном, житейском смысле. Они исходят при этом из характеристики цели Марксом в пятой главе первого тома «Капитала», как доказательства того, что эта категория применима только к сознательной деятельности человека (см. Нетов И. Върху някои моменти в развитието на психиката и връзката им с наследственота. — Годишник на Софийския университет. Философско-исторически фак-т, 1963, кн. 9).

Большое значение для понимания целенаправленности и, вероятно, образования начальных форм психических регуляторов сложных видов поведения имеет исследование «каузального рефлекса».¹³¹

Разработке проблемы цели были посвящены усилия ученика И. П. Павлова П. К. Анохина. Еще в тридцатые годы он выдвинул концепцию функциональной системы как интегративной деятельности головного мозга. Активность организма понимается в этой концепции как динамическая морфофизиологическая организация взаимодействующих компонентов, объединенных в систему. Материальным основанием упорядоченности этой системы служит полезный результат ее действия. Он детерминирован предыдущим развитием организма и отражением конкретной среды. Этот системообразующий фактор, на достижение которого направлено формирование системы, обозначался П. К. Анохиным при помощи понятия цели в его физиологическом, «материальном», как он выражался, значении. Цель человека — специфическое, качественно высшее проявление данной закономерности. «Мы не можем отказать высшим животным в каких-то более простых процессах формирования цели к действию, которые архитектурно построены таким же образом, т. е. они предваряют само осуществление данного действия».¹³² Рефлекс цели представляет собой сложный нелинейный комплекс возбуждений и торможений. Эта динамическая структура несет в себе информацию о будущем состоянии, необходимом для организма. Каждый последующий этап действий при помощи «обратной афферентации» контролируется и выправляется в соответствии с этой информацией. П. К. Анохин указывает на аппарат в центральной нервной системе («акцептор действий»), в котором сосредоточиваются опережающие течение действий сигналы — материальные носители цели и в котором происходит сопоставление цели с обратной информацией. Физиологический субстрат цели представляет собою точку с низкой энтропией, оказывающую антриэнтропийное влияние на остальные процессы. Цель, подчиняющая себе деятельность, должна поддерживаться на высоком энергетическом уровне. Возможность этого П. К. Анохин искал в функциях гипоталамуса и ретикулярной формации. «Таким образом, чисто энергетическая сторона длительного удержания в доминирующем состоянии раз поставленной цели к действию имеет, — по его мнению, — в настоящее время достаточно убедительное объяснение».¹³³

¹³¹ Асратян Э. А. Каузальный условный рефлекс. — Вопросы философии, 1970, № 10.

¹³² Анохин П. К. Рефлекс цели как объект физиологического анализа. — Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова, т. XII, 1962, вып. 1, с. 8.

¹³³ Там же, с. 21.

Для методологического обоснования своей концепции П. К. Анохину было необходимо показать применимость целевых представлений в исследовании живой природы, разработать категорию цели в этом аспекте. Его выступления на эту тему содержат ценные соображения собственно философского порядка. Особенно следует отметить концепцию опережающего отражения действительности, относящуюся по существу к упоминавшейся первичной целесообразности живого вещества и обобщающей характерные для жизни корреляции между каталитическими реакциями. Отстаивая причинное понимание «телеономии» (с чем связана критика им «общей теории систем» Л. Берталанти и «физиологии активности» Н. А. Бернштейна), П. К. Анохин все же основное внимание уделял обоснованию правомерности целевого подхода в физиологии, выступая против недооценки или отрицания применимости категории цели. В увлечении критикой вульгарного антителеологизма он иногда забывал о другой опасности, опасности телеологии, что особенно проявилось в некоторых его последних выступлениях. Содержавшиеся в них оценки теории условного рефлекса находятся, как нам кажется, в противоречии с основным направлением работ П. К. Анохина, посвященных развитию этой теории.

В значительной мере иной характер у концепции Н. А. Бернштейна, также посвященной проблеме целевой регуляции движений. На основании исследований зависимости между движениями и иннервационными импульсами, топологии и метрики двигательных актов Н. А. Бернштейн показал, что управление двигательным актом не может быть обеспечено путем простой дифференциации реакций. На изменение обстановки движение откликается только как целое. Это предполагает, согласно Н. А. Бернштейну, существование в центральной нервной системе «энграммы», «проекта движения», «гештальта движения», — образа будущего, «точного отображения того, что далее будет иметь место на периферии».¹³⁴ Управление движениями осуществляется путем постоянного сличения текущей информации о ходе выполнения проекта с этой целью. Из наблюдений и математического описания моторики двигательных реакций Н. А. Бернштейн делал спорные выводы общепсихологического и философского порядка. Причина деятельности организма в виде «моделей потребного будущего», «энграмм» вырывается из причинно-следственных связей организма со средой и приобретает отличительные черты «конечной причины» телеологических учений. Несмотря на ряд отрицательных высказываний о витализме и телеологии, последние у Н. А. Бернштейна не ограничены уровнями категориального строя выводов и методологических приемов. В соответствии с канонами телеологических учений Н. А. Бернштейн отождес-

¹³⁴ Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966, с. 61—62.

ствляет причинные концепции с механизмом и вульгарным антитеологизмом. В этот разряд у него попадают и теории И. П. Павлова и Ч. Дарвина. Последний, оказывается, вообще «не понимал» проблемы целесообразности в органической природе и не решал ее. На научный фундамент биология смогла встать только благодаря кибернетике.¹³⁵ Для взглядов Н. А. Бернштейна характерна, однако, не просто абсолютизация роли кибернетики. Основным вкладом этой дисциплины является, с его точки зрения, то, что она прибавила будто бы к классическим вопросам «как» и «почему» равноправный и независимый от них вопрос «для чего». Целевой подход объявляется равноправным причинному, по существу же — определяющим, поскольку якобы только он превращает биологию в науку.¹³⁶ В соответствии с этим рефлексорная теория заменяется телекаузальной теорией активности, теория Дарвина — новой разновидностью финалистического ортогенеза.¹³⁷ Неудивительно, что некоторые зарубежные сторонники телеологии увидели в Н. А. Бернштейне своего союзника.¹³⁸

Борьба против принципов единственного, по крайней мере на данном этапе, причинно-детерминистического пути к пониманию психики и сознания приобретает в контексте современных идеологических процессов значение, выходящее за рамки теоретического естествознания и даже его общеметодологических вопросов. Детерминировано ли поведение человека внешними, в особенности социальными, условиями, или оно определяется врожденными или приобретенными в младенчестве импульсами или вообще ничем абсолютно не детерминировано? От ответа на этот вопрос зависит понимание общественных процессов, сознательный выбор позиции, отношение к борющимся партиям. Недаром Ж.-П. Сартр в своем стремлении экзистенциализировать марксизм и обосновать субъективно-индивидуалистическую телеологию с ненавистью обрушивается на учение И. П. Павлова.¹³⁹

На какой-то ступени эволюции в цикл «рефлекторного предвидения» и действия начинает включаться зарождающийся субъективный элемент как средство выживания, повышающее целесообразность движений.

Он может возникнуть в точке сопоставления того, что необходимо для поддержания существования, что диктуется внутренним состоянием и отношениями живого существа со средой, с одной стороны, и тем, что достигается в результате детерминированных

¹³⁵ Бернштейн Н. А. Предисловие в кн.: Тринчер К. С. Биология и информация. М., 1965, с. 6—7.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же, с. 10—12. Критику этой концепции Н. А. Бернштейна см.: Завадский К. М., Ермоленко М. Т. К критике неомогенеза. — В кн.: Философские проблемы современной биологии; Югай Г. А. Субстанциональный принцип организации живой системы. — В кн.: Проблема целостности в современной биологии. М., 1968, с. 41—44.

¹³⁸ См. с. 160.

¹³⁹ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960, p. 58.

нтой необходимостью действий — с другой. Логичным представляется, что этот предвестник психического — простейшая эмоция, переживание нужды в чем-то, элементарная потребность.¹⁴⁰ Много позднее, на стадии перцептивной психики, деятельность начинает направляться не только образом объекта, имеющим значение цели, но и образами других объектов, условий достижения этой цели. Внутри ориентированного потребностью комплекса сенсорных отражений действительности эмоционально оттеняется образ предмета — цели.

К человеку с его сознанием и целеполагающей деятельностью подет длинная лестница неравновеликих ступеней организации, а также зависящая от первой гораздо менее понятная лестница качественно различных форм психики. Каждой из них должны, порою, отвечать и форма, степень выделения, сила направляющего воздействия сенсорной цели — регулятора. Глубочайшие качественные изменения лежат на этом пути между предшествующими ступенями и некоторыми видами психической регуляции и структуры поведения у антропоидов. Самая высокая форма деятельности последних — предварительная обработка орудий, отделение их во времени от объекта применения, еще не подготовленного для воздействия;¹⁴¹ использование этих орудий в другом месте и в другой окружающей обстановке указывает на превращение средства в самостоятельный элемент целостной деятельности.¹⁴² Этому должно, очевидно, соответствовать и изменение целевого «предметно-информационного комплекса».¹⁴³ В предельных ситуациях он может приобретать самостоятельность, сопоставляться не просто со всеми отражаемыми условиями, но с орудием, находящимся в причинной связи с реализацией потребности в будущем. Справедливость энгельсовского величайшего презрения «к идеалистическому возвеличению человека над другими животными»¹⁴⁴ находит себе новое подтверждение. Основные формы целеобразования и целеполагающей деятельности: цель, орудие, способ действия, предмет воздействия, результат — приобретаются человеком в готовом виде и только потом наполняются качественно новым, человеческим содержанием, совершенствующим сами эти формы. «Нити, проходящей через всю органическую природу вплоть до человека, теория Маркса нисколько не прерывает...».¹⁴⁵ Социальная детерминация человеческой цели, лежащая в основе ее нового качества, осуществляется через детерминацию физиологических, молекулярных, а возможно, и суб-

¹⁴⁰ Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972, с. 43—48.

¹⁴¹ Goodall J. Tool-using and aimed throwing in a community of free-living chimpanzees. — *Nature*, vol. 201, 1964, N 4926, p. 1265.

¹⁴² Шингаров Г. Х. Теория отражения и условный рефлекс, № 104—198.

¹⁴³ Георгиев Ф. И., Хрустов Г. Ф. О предпосылках и особенностях сознания. — *Вопросы философии*, 1965, № 10, с. 17.

¹⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 276.

¹⁴⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 477.

молекулярных процессов и структур мозга. Забвение этого, превращение нервной системы лишь в пассивный фон, на котором разворачиваются социально обусловленные процессы сознания, означает противопоставление социально-исторического физиологическому. Сущность этого противопоставления выразил когда-то Ортега-а-Гассет в афоризме: «Человек не имеет природы; то, что он имеет, есть история».¹⁴⁶

Марксистское понимание социальной сущности сознания и цели человека в корне отлично от подобного социоментализма и дуализма: «Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит».¹⁴⁷ Между тем, как нам кажется, у некоторых наших философов наблюдается тенденция к абсолютизации социального в психике, к отделению ее от нейрофизиологического. «Если понимать голову натуралистически, т. е. как материальный орган тела отдельного человека, — пишет Э. В. Ильенков; — то никакой принципиальной разницы между архитектором и пчелой не окажется. Ячейка из воска, которую лепит пчела, тоже имеется „заранее“, в виде формы деятельности насекомого, запрограммированной в ее нервных узлах. В этом смысле продукт деятельности пчелы тоже задан „идеально“, до его реального осуществления».¹⁴⁸ Человеческий процесс целеполагания должен рассматриваться в силу его социальной природы и общественной детерминированности как якобы независимый от структуры мозга безразличной по отношению к нему. Э. В. Ильенков полагает, как будто, что понимание мышления, целеполагания можно достигнуть только при абстрактном рассмотрении культуры, оперируя такими познавательными средствами, как, например, гегелевские понятия «опредмечивание» и «распредмечивание». Попытки же учесть материал нейрофизиологии, третируемые как «копание внутри мыслящего тела (мозга)», могут служить лишь препятствием на пути к этому «единственно верному» пониманию. Лишив нас права считать голову органом нашего собственного тела, Э. В. Ильенков превращает ее и самого мыслящего индивидуума в орган общественной системы, «тела цивилизации». Идеальное оказывается рождающимся и существующим вне головы.¹⁴⁹ Цель, целеполагание становятся функцией социального сверхорганизма, использующего мозг в качестве средства.

Исследование товарно-денежного кругооборота в «Капитале» гениально, и всецело примененный в нем диалектический метод,

¹⁴⁶ Цит. по: Conti L. Il cammino dell'uomo dalla biologia alla storia. — L'Unità, 1966, 9 ottobre.

¹⁴⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 143.

¹⁴⁸ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974, с. 202.

¹⁴⁹ Там же, с. 54.

¹⁵⁰ Арсеньев А. С., Ильенков Э. В., Давыдов В. В. Машина и человек, кибернетика и философия. — В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966, с. 267.

¹⁵¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика, с. 190.

Но для исследования возникновения сознания (не в смысле, конечно, форм общественного сознания, идеологии) нужны все же не модели метаморфоз стоимости, а исследование моделей механизмов, обеспечивающих возникновение в мозге идеальных образов отражаемого внешнего мира. Современное естествознание еще далеко от того, чтобы ответить на вопрос о том, как это происходит, но уже может указать материальный субстрат некоторых свойств этих образов. Только на этом пути может быть дано объяснение и особенностей цели, соответствующей уровню второй сигнальной системы, причинных механизмов ее воздействия на психические и поведенческие процессы, т. е. того, каким образом ничтожные количества энергии нервного процесса, составляющего материальную сторону цели как сигнала, направляют и контролируют передачу и преобразование энергии, затрачиваемой на действия человека.

Сознательная цель включает в себя аспект сложнейшего преобразования информации, получаемой от мотивирующей потребности, условий и процессов окружающей обстановки в связи с личным и общественным значением будущего результата. Меняется тип связи цели с непосредственной потребностью, как и тип самих потребностей и мотивов.¹⁵²

Цель, отделяясь от физических потребностей данного момента и данной ситуации, становится структурным законом деятельности. Иерархия целей может охватывать всю сознательную жизнь человека, подчиняемую единой конечной цели. Неизмеримо возрастает возможность моделирования и выбора путей и средств предстоящих действий. Динамика идеальных образов обладает гораздо большей подвижностью, чем ситуативно связанное сенсорное отражение или элементарное мышление высших животных. «Палка не сгорает в мысленном огне, воображаемая собака не кусается, и даже ребенок легко может в мыслях двигаться в таком направлении, которое является совершенно закрытым в актуальной ситуации».¹⁵³ Опора на обобщенный опыт, на понимание причинных связей и законов лежит в основе конструктивно-синтезирующих возможностей сознательного целеобразования. Именно это имел в виду К. Маркс в определении сознательной цели человека, которое известно, конечно, каждому читателю: «...самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально».¹⁵⁴ Мысленное конструирование будущего результата действий есть процесс оперирования с отражениями, ядро которых составляют понятия.

¹⁵² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

¹⁵³ Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956, с. 473.

¹⁵⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

Человек делает предметом операций идеальные образы вещей, понятийные выражения их общих связей и своих собственных действий, испытывая в своем сознании различные возможные пути реализации цели.

Переход к сознательному целеобразованию есть переход к новой диалектической закономерности, к новому типу причинной связи. В ней снимаются принципиальные ограничения, свойственные цели у высших животных. Но переход к цели человека есть не переход от вообще лишённого цели уровня, а качественное изменение в типе ее формирования, содержании, действии и роли. Такое понимание целеобразования и целеполагания человека по отношению к психике животных не находится в противоречии с приведенной характеристикой Марксом цели трудовой деятельности.

Необходимо иметь в виду, что противопоставление в этой характеристике целеполагания человека целенаправленности трудоподобной деятельности животных относится к поведению пчелы и паука, а не высших животных. В основе инстинктивной деятельности пчелы лежат наследственно закрепленные структуры, остающиеся относительно неизменными и при изменении условий деятельности, чему соответствует тип жестко запрограммированного автомата. Маркс говорит не просто о цели, а о «сознательной цели», не просто об образе будущего результата действия, а о мысленном предвосхищении процесса конструктивной деятельности в сознании, что предполагает абстракцию в понятиях и учет причинных отношений, синтез высокого порядка. В своем определении он отмечает также волевой момент, способ и характер осуществления. Человеческая цель означает сознательную организацию поведения. Это возможно благодаря тому, что человек в отличие от животного отдает себе отчет в собственных состояниях, оценивает их, выделяя себя из внешнего мира, т. е. обладает самосознанием.

Превращение указанной характеристики в средство противопоставления диалектического материализма пониманию цели в кибернетике, биологии, физиологии скрывает в себе, как нам кажется, дуалистическую тенденцию. Оно невольно сближает, в частности, это высказывание Маркса с внешне сходными утверждениями Августина, исходившего из идеи божественной природы человеческого разума.¹⁵⁵ Аналогии такого понимания можно найти и в буржуазной философии.¹⁵⁶

Переход к новой закономерности не мог явиться мгновенным актом. Он охватывает длительный период формирования и раз-

¹⁵⁵ Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии, с. 74—75.

¹⁵⁶ Утверждение, что цель свойственна только человеку, может быть в некоторых случаях проявлением как телефобии, так и дуализма или религиозного мировоззрения (например, см.: Hospers J. An introduction to philosophical analysis. London, 1956, p. 186).

вития целеполагающей способности. Недифференцированные понятия, игравшие роль первых сознававшихся целей, далеки от цели сформировавшегося разумного человека. Первые орудия аморфны, не имеют еще устойчивых, повторяющихся очертаний, что может свидетельствовать лишь о недостаточной четкости цели и слабости подчинения ей серии изготавливающих орудие движений. В то же время в их общей массе можно найти как бы прообразы ясно выделенных форм.¹⁵⁷ Не есть ли эти прообразы воплощение своеобразных взлетов идеальной цели формирующегося человека, проявление ее неравномерного развития? Проясняющееся понятие о назначении орудия, соотнесение его со свойствами материала и воплощаемой формы позволяли организовывать десятки все более сложных двигательных операций при его изготовлении.¹⁵⁸ Образуется характерная для целеполагания закономерная структура действий, операций, общего мотива, проекта. Развитие каменных орудий показывает усиливавшуюся зависимость результата трудовых действий от цели, все меньшую зависимость от предмета труда, его материала. Совершенствование труда означало овладение материалом, когда трудовой процесс и результат всецело определяются целью.¹⁵⁹

Развитие самосознания и знаковой функции речи означало возрастание способности произвольного воспроизведения в сознании обобщенных образов действий и предметов. При помощи речи в сознании вызывается уже не отдельный предмет-эталон, а общая схема, состоящая из характерных для всего данного класса свойств. Конструируемая идеальная схема все дальше отодвигается во времени от реального существования отвечающих ей продуктов. Возникая и развиваясь в процессе труда как его необходимый элемент, сознательная цель распространяется и на остальные сферы. Появляются цели, с производством не связанные. Целеполагание и целенаправленность становятся необходимой чертой сознательной деятельности человека.

Переход к новому качеству цели не означает исчезновения ее предшествующих ступеней в психике и структуре деятельности. С другой стороны, формирование, дифференциация сознательной цели, воздействие ее на психические и практические процессы, предполагают также сохранение в этих процессах сфер, постоянно и непосредственно целью не контролируемых. В этом смысле нам кажется правильным утверждение, что не всякая сознательная деятельность имеет осознанно целенаправленный, опережающий, перспективный характер. Не каждое сознательное действие (бу-

¹⁵⁷ Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 1. Л., 1939, с. 149.

¹⁵⁸ Рогинский Я. Я. Некоторые проблемы происхождения человека. — Советская этнография, 1956, № 4, с. 17.

¹⁵⁹ Feustel R. Die ältesten Werkzeuge des Menschen. — Urania, 1959, N 9, S. 323.

дучи, конечно, целенаправленно организовано в объективном смысле) является стремлением к сознательно поставленной цели.¹⁶⁰ Это подтверждает гетерогенность и градации в понятии цели и целенаправленности в их применении и к самому человеку.

* * *

Развитие понимания интересующего нас вопроса в биологии представляет собой противоречивый, двойственный процесс.

Во-первых, все крупнейшие достижения связаны здесь с применением и развитием причинного объяснения, с опровержением телеологических взглядов. Причинному подходу, неразрывно связанному с идеей развития, принадлежала и продолжает принадлежать ведущая, наиболее плодотворная методологическая роль. В частности, антителеологический подход сыграл свою роль в обосновании несостоятельности неоламаркистских концепций, тормозивших некогда развитие нашей биологии. В поддержке, по существу, телеологических взглядов, прикрывавшихся разговорами о новаторстве, о механистичности причинного подхода, проявились увлечение модой, нетвердость в проведении детерминизма.

Во-вторых, развитие биологии показывает возрастание значения «телеологической» проблематики, что отвечает процессу перемещения внимания с аналитического изучения основных процессов и взаимосвязей к исследованию все более сложных целостных совокупностей, к синтетическому изучению жизни на всех ее организационных уровнях. Необычайно возрастает и популярность структурно-системного подхода. Все это создает возможности как для эвристически полезного применения целевого рассмотрения в форме условной телеологии, так и для возрождения онтологических учений о «конечных причинах».

При оценке той или иной телеологической концепции следует проводить известное различие между ее мировоззренческим и эвристическим значениями. Во всех ее формах (если не иметь в виду «условной телеологии», точнее — условного употребления понятия «цель», так как выражение «условная телеология» звучит почти как «условный идеализм») телеология противоположна материалистическому мировоззрению, поскольку ее наиболее общим признаком служит введение некоторого фактора, заменяющего или подчиняющего себе материальные причины и опрокидывающего их временной порядок. Когда такой подход противопоставляется причинной концепции или отвлекает от ее разработки, он является серьезным препятствием для исследования. Негативный в эвристическом отношении характер телеологии усиливается по мере успехов детерминистического объяснения целесообразности в живой природе и обществе. В то же

¹⁶⁰ Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1974, с. 57—58.

время в отдельных случаях сохраняется некоторая познавательная ценность телеологических по существу концепций (особенно в области исследования онтогенетического развития, морфогенеза и регенерации).

Не относится ли указанная положительная роль только к «рациональному смыслу» телеологии, абсорбируемому в дальнейшем причинной теорией? Не имеет ли в подобных случаях место лишь просто субъективное истолкование в духе онтологической телеологии чисто условного применения целевой причины («условной телеологии»)? Не сводится ли, наконец, стимулирующее действие телеологии к психологическому эффекту: направить внимание на определенную сторону явлений, вызвать плодотворную дискуссию и т. д.?

Последний случай заслуживает рассмотрения скорее в работах по психологии научного исследования. Истолкование же в духе идеализма условного использования понятия целевой причины вполне возможно. Как только исследование подходит к выяснению подлинной причинной зависимости, такая телеология не может не превратиться в тормоз познания. Там, где еще нет ясности не только в вопросе конкретных материальных причин, но и в самом направлении поиска, способствовать познанию в узких границах может вся телеологическая концепция. Ее идеалистическая тенденция не зависит от субъективных убеждений и идеологических оценок конкретного автора, однако она не только не противостоит конкретным причинным выводам, а облегчает их поиск. Тогда данная концепция в целом имеет эвристически положительное значение в силу того, что в ней содержится рациональный смысл, границы и содержание которого выясняются лишь на будущих ступенях исследования.

Сказанное лишний раз подтверждает необходимость исторического и конкретного подхода к телеологическим концепциям.

На передний план среди источников телеологических взглядов выдвигаются сейчас односторонне трактуемые, противоположаемые причинному детерминизму, системно-структурные и организмические концепции.

Конкретный материал современного научного развития показывает ограниченность условно-телеологического и системного подходов, абстрагирующих от лежащих в основе целостности систем причинно-следственных взаимодействий и порождающего эти системы развития. Но на определенных этапах главным препятствием на пути познания могут стать проявления вульгарного антителеологизма, недоверие к возможностям и самой правомерности системного и условно-телеологического подхода. Основным направлением прогресса в биологическом познании является причинное объяснение выявляемых в системном подходе отноше-

ний и, в свою очередь, обогащение причинного понимания организационными принципами.

Нельзя не возразить против проявляющейся иногда тенденции придавать самодовлеющее значение целостному подходу в биологии, как играющему якобы здесь более важную, по сравнению с причинным пониманием, роль.¹⁶¹ Определяющие воздействия целого на части и наоборот, установление которых, бесспорно, представляет собой существенный момент познания, сами должны получить причинное обоснование. Исторические причины целостности, механизмы ее формирования и поддержания, причинная опосредованность воздействия ее на части — все это составляет более глубокую ступень сущности, чем только само установление соотношений между целым и частями. Дарвин, Вейсман, Мендель, Павлов, крупнейшие современные генетики, биохимики, эмбриологи обязаны своими открытиями именно причинному подходу, выявлению причинно-следственной детерминации. Нет оснований утверждать, что один из стержней материалистического мировоззрения — принцип причинности — начинает терять былое значение. Системно-структурный, целостный подход тем и ценен, что он дает возможность глубже раскрывать причинную детерминацию в природе. По удачному выражению Д. А. Микитенко, исследование организации, целого «дает только полуфабрикаты (вспомогательный материал), который должен подвергаться дальнейшей обработке каузальным исследованием».¹⁶²

Рассмотрение целесообразности живой природы привело нас к вопросу перехода этой целесообразности в сознательную цель. Мы оказались снова в кругу проблем первой части нашей работы. На этом можно было бы остановиться. Но существует еще одна область знания, в которой категория цели занимает особенно важное место. Эта область знания — кибернетика.

Глава 3

Значение кибернетики для развития категории «цель»

Кибернетика повысила значение комплекса вопросов, охватываемых категорией «цель». Их роль в этой дисциплине вытекает из ее существа как абстрактной теории управления — процесса, переводящего систему из одних состояний в другие в соответствии с некоторой целью. Понятие цели широко используется в различных разделах кибернетики в каче-

¹⁶¹ Акчурин И. Единство естественных наук и материалистическая диалектика. — Коммунист, 1975, № 9, с. 83.

¹⁶² Микитенко Д. А. Каузальный и организационный принцип в биологии. — В кн.: Методологические вопросы современной биологии. Киев, 1970, с. 96.

стве «одной из коренных категорий науки».¹ Принцип обратной связи, последование самонастраивающихся систем, теория игр требуют уточнения этой категории и других, неотделимых от нее понятий, выдвигают на первый план такие их аспекты, которым до сих пор достаточного внимания не уделялось, до некоторой степени видоизменяют их содержание. Выводы, относящиеся к борьбе детерминизма и телеологии, вытекают из теории информации. Кибернетика открыла новый путь для развития рассматриваемой категории. Мимо этого не могла пройти марксистская философия, придавшая за последние полтора десятка лет категории цели до известной степени новый вид. Первое, насколько нам известно, выступление в этом направлении принадлежит И. Маркулеску-Хурдуку.² Затем последовала статья Г. Клауса,³ в которой в подчеркнутой до парадоксальности форме было показано значение кибернетики для оценки содержания телеологии. В советской философской литературе особенно тщательно проблема была рассмотрена Б. С. Украинцевым,⁴ в работах которого мы могли бы не согласиться только с частностями и употреблением некоторых терминов. К содержанию этих работ трудно добавить что-либо существенно новое. В этой главе мы стремимся уточнить значение связанных с кибернетикой изменений категории с позиций исторического подхода к ее развитию и к борьбе материализма против телеологии.⁵

Обратная связь, информация, телеология

Кибернетика положила начало основанному на точных методах изучению аспекта материальной действительности, выражаемому понятиями управления, организации, информационных отношений и т. д. Несмотря на то что человек в своей деятельности постоянно сталкивается с этой стороной действительности, до возникновения кибернетики исследовались только отдельные проявления ее законов. «Неизученность за-

¹ Rosenbluth A., Winer N. Purposeful and non-purposeful behavior. — *Philosophy of Science*, vol. 17, 1950, N 4, p. 321.

² Маркулеску-Хурдук И. 1) Выступление на Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания. — В кн.: Философские проблемы современного естествознания. М., 1959; 2) Относно проблема на съзнанието. — *Философска мисъл*, 1959, № 12.

³ Klaus G. Das Verhältnis von Kausalität und Teleologie in kybernetischer Sicht. — *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, 1960, N 10.

⁴ Украинцев Б. С. 1) Категории «активность» и «цель» в свете основных понятий кибернетики. — *Вопросы философии*, 1967, № 5; 2) Процессы самоуправления и причинность. — Там же, 1968, № 4; 3) Особенности самоуправляемых систем. М., 1970; 4) Категория «цель» и кибернетика. — В кн.: Диалектика и современное естествознание. М., 1970; 5) Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.

⁵ См. также: Макаров М. Г. Некоторые аспекты категории «цель» в связи с развитием кибернетики. — *Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по философии*, VIII, 1965.

конов этого рода, — сама идея о существовании которых выдвигалась до кибернетики лишь спорадически и не получила развития, — издавна использовалась теологией и идеализмом в их попытках оправдания религиозно-идеологической картины мира».⁶ Более или менее мистифицированное отражение ряда моментов этих отношений входило в основу содержательных телеологических учений.

Принцип обратной связи возвращает нас к вопросу антитеологического значения идеи взаимодействия.⁷ Как специфический вид последнего этот принцип представляет собой обобщение одноименного принципа, давно уже применявшегося в технике.⁸ Действие устройств с обратной связью было проанализировано Д. К. Максвеллом, разработавшим «динамическую теорию... регуляторов».⁹ Обратная связь рассматривалась с точки зрения действующих в машинах сил, что в целом укладывалось в рамки механической причинности.¹⁰ Отождествление кибернетического принципа с механической обратной связью приводит, между прочим, к упрощенному пониманию гносеологических корней телеологических концепций, в которых видят в таком случае только мистифицирование связей, изученных наукой еще в прошлом веке, а не информационных отношений.¹¹

Новое, внесенное Н. Винером и другими в теорию обратной связи, заключается в первую очередь в рассмотрении ее с точки зрения циркуляции информации. «Мне кажется, — писал Н. Винер, — что я могу гордиться тем, что впервые отчетливо это понял и отнес теорию следящих систем к области теории связи».¹² Обратная связь в таком понимании выступает как информация о соответствии действий системы заданному значению на выходе.

⁶ Берг А., Бернштейн Н., Бирюков Б., Китов А., Напалков А., Спиркин А., Тютин В. Кибернетика. — Философская энциклопедия, т. 2, М., 1962, с. 501.

⁷ На неправильность употребления термина «обратная связь» для обозначения всякого обратного воздействия следствий на причину указывает Л. А. Петрушенко (Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи и его философское значение. Автореф. канд. дис. Л., 1962, с. 4).

⁸ Начало применения обратной связи в ее простейшей форме относится сейчас исследователями к гораздо более раннему периоду, чем время создания уаттовского регулятора. Его находят уже в станке для обточки деревянных колонн в древнем Египте (Couffignal L. La cybernétique des machines. — Structure et evolution des techniques, 1957, № 55—56, p. 1).

⁹ Максвелл Д. К. О регуляторах. — В кн.: Максвелл Д. К., Вышнеградский И. А., Стодола А. Теория автоматического регулирования. М., 1949, с. 10.

¹⁰ Fuchs-Kittowski F. Kybernetik in der molekularen Biologie. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1963, N 3, S. 296; Kelm H. Kybernetische Regelmekanismen und wissenschaftliches Weltbild. — Die Technik, 1965, N 1, S. 17—18.

¹¹ Такое упрощение телеологии в связи с отождествлением кибернетической обратной связи с механической допускает Э. Нагель (Nagel E. Self-Regulation. — In: Automatic control. New York, 1955, p. 2).

¹² Винер Н. Я — математик. М., 1964, с. 253. См. также: Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М., 1974, с. 65.

Такой подход позволит выделить моменты, общие как для автоматического регулирования в технике, так и для реакций организма и деятельности человека, открыв широкий путь имитации целесообразного поведения. Это придало принципу обратной связи особый философский смысл.

Статья о телеологии¹³ явилась «актом рождения» кибернетики. Цель определялась как объективная характеристика поведения активной системы с отрицательной обратной связью, выражающая некоторое конечное состояние, «при котором объект вступает в определенную связь в пространстве или во времени с некоторым другим объектом или событием».¹⁴ Термин «телеология» употреблялся в данной статье в значении объективной определенности поведения активно и целенаправленно движущейся системы с обратной связью. В интерпретации, которая придавалась этому термину в прошлом, писали авторы статьи, телеология предполагала цель и к ней часто присоединялось понятие «конечной причины». Это вело к противопоставлению телеологии и детерминизма, дискредитировало первую нарушением временной последовательности причин и следствий. Но с отбрасыванием телеологии отвергалось и связанное с ней изучение цели. Поскольку последняя рассматривается как понятие, необходимое для понимания поведения, телеологическое исследование, не противопоставляемое причинности, является оправданным и полезным.¹⁵ Так было сформулировано изменение в категории цели. В то же время двусмысленность в использовании здесь понятия телеологии способствовала возникновению ряда недоразумений в области философского истолкования этого изменения.

Дальнейшее развитие усилило значение кибернетики для понимания целесообразности, что было связано, в частности, с уточнением представлений об обратной связи. Была показана роль положительной обратной связи.¹⁶ В некоторых случаях система может стремиться к устойчивому состоянию как к своей цели.¹⁷ Старое положение «следствие равно причине» снимается. Начальный сдвиг может быть непропорционален обусловленным им различиям в последующем развитии, и сходные между собой начальные условия способны благодаря этому производить разные эффекты.¹⁸ Незначительное отклонение, обладающее высокой степенью вероятности, может развиваться в силу механизма данного типа обратной связи в маловероятное. На этом основании связь

¹³ Розенблют А., Винер Н., Бигелоу Д. Поведение, целенаправленность и телеология. — В кн.: Винер Н. Кибернетика. М., 1968.

¹⁴ Там же, с. 286.

¹⁵ Там же, с. 293—294.

¹⁶ In: Stanley-Jones D. The cybernetics of natural systems. London, 1960.

¹⁷ Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959, с. 120.

¹⁸ Moriyama M. Morphogenesis and morphostasis. — Methodos, vol. XII, 1960, N 48, p. 257.

такого рода рассматривается некоторыми авторами как генератор структурности, действие которого противоположно в определенном отношении действию второго принципа термодинамики.¹⁹

Положение об обратной связи лежит в категориальном отношении в том же русле, по которому шло развитие представлений о цели, борьбы телеологии и детерминизма. Отрицательная обратная связь поддерживает целенаправленность в хаосе случайностей, нейтрализуя отклонения при помощи самих же отклонений. Это позволяет системе противостоять дезорганизующим воздействиям, что является условием ее активности. Фиксируя превращение маловероятного в высоко вероятное, обратная связь осуществляет трансформацию случайности в необходимость. Она же выступает и как организация причинно-следственной цепи. Кибернетика с этой точки зрения может быть охарактеризована как общая теория причинных сетей, основной проблемой которой является синтез этих сетей, обеспечивающий целесообразность реакций на внешние воздействия.²⁰ Целенаправленность исследуется в отвлечении от физической природы причинных связей системы. Это дает повод при общем позитивистском подходе утверждать, что кибернетика якобы лишает спор телеологии и детерминизма всякого смысла. «Дерево пускает ростки в направлении солнца. „Восхищайтесь целесообразностью мира“, говорят финалисты. „Нет, дерево только детерминировано“, говорят детерминисты. Вековой спор между двумя школами оказывается бесплодным, если понять, что порядок порожден не целью и не причинами, а внутренней структурой действия» (т. е. обратной связью), — иллюстрирует эту точку зрения П. Латиль.²¹ Как нам кажется, здесь имеет место подмена кибернетического рассмотрения целесообразности в природе ее описанием на языке теории систем. Познавательное и практическое преимущество кибернетики перед таким описанием состоит в том, что она не абстрагируется от причинных зависимостей, отвлекаясь лишь от их вещественно-энергетического наполнения. Системология же отвлекается и от структуры причин. В пределах ставящихся перед ней конкретных задач она имеет на это полное право. Но претендовать на подмену формализованным выражением системных соотношений причинного анализа вещей ее концепции не могут.

Указание на механизмы обратной связи снимает противопоставление фактора структуры причине, характерное для телеологических воззрений.

Кибернетика выражает тенденцию научного мышления, состоящую в прогрессирующем проникновении во многие области зна-

¹⁹ Mauguera M. The second cybernetics. — American Scientist, 1963, June, p. 167; Dugrosq A. Cybernétique et univers. Le roman de la matière. Paris, 1963, chap. V.

²⁰ Марков А. А. Выступление на теоретической конференции философских семинаров АН СССР. — Вестник АН СССР, 1962, № 9, с. 128.

²¹ Latil P. La pensée artificielle. Paris, 1953, p. 124.

ния идей целостности и системности. «В кибернетике мы имеем дело скорее с действием формы на форму, чем с действием силы на силу».²² Она разрабатывает мыслительный аппарат, необходимый для точного выражения целостностей и принципов оперирования ими.²³

Роль понятий целостности, системы, структуры проявляется и в некоторых особенностях кибернетического моделирования. В классическом естествознании модели организмов воспроизводили на неорганическом материале структуру органов, осуществляющиеся в них реакции. Модели кибернетики реализуют на неорганическом (на данном этапе развития) субстрате законы управления, естественным путем возникшие только на органическом уровне развития материи. «Классический строй мышления понимал организмы, мозг и общественные системы как особенно сложные, хорошо функционирующие механические системы, кибернетический — рассматривает автоматы и современную машинную технику как относительно простые организмы».²⁴ Это проявляется, в частности, в применении к небιологическим регулируемым системам понятий цели, целесообразности, программы, приспособления, самоорганизации, памяти и т. д. Перенесение на неорганический субстрат закономерностей поведения организмов придает мышлению некоторые черты, общие с организмическим подходом к действительности. «Для кибернетика, — говорит А. Мольте, — среда — огромная совокупность организмов».²⁵ Это перенесение имеет момент, сходный с «моделированием» в античной телеологической философии.²⁶ В противоположность античности в данном случае задачей является не объяснение явлений низших форм движения посредством закономерностей высших форм, а абстрактное изучение законов регулирования, передачи информации, использование их в практике.

Происходит, на неизмеримо более высоком уровне, восстановление некоторых моментов характерного для теоретического мышления античности доминирования категорий группы формы, целого — части, соответствия, через которые здесь преломляются категории детерминизма — причина, необходимость — случайность, возможность. Это дает известное основание для утверждения об обретении наукой вновь некоторых элементов античной философии.²⁷

Кибернетика дает средства для точного изучения организации предметов. Это противопоставляет целостность в кибернетике це-

²² Мас Кау D. What is Cybernetics? — *Discovery*, 1962, october, p. 16.

²³ Абрамова Н. Т. Целостность и управление. М., 1974.

²⁴ Klaus G. Kybernetik und Gesellschaft. Berlin, 1964, S. 7.

²⁵ Moles A. La notion de quantité en cybernetique. — *Les études philosophiques*, 1961, N 2, p. 179.

²⁶ Макаров М. Г. Категория «цель» в домарксистской философии, с. 55—56, 71.

²⁷ Coughinal L. Les notions de base. Paris, 1958, p. 12.

лостности в понимании представителями холизма, неовитализма и др. Отдаленные аналогии она имеет в античной философии. Принципиальная разница состоит здесь, кроме прочего, в том, что выражение структуры в кибернетике содержит в себе вероятностный элемент в отличие от чистой геометрической необходимости греков.

Понятие информации связано с проблемами телеологии не столь непосредственно, как понятие обратной связи. Однако применение именно этого понятия к разработке теории обратной связи позволило распространить последнюю на явления органической адаптации, психики, на целеполагающую деятельность человека. В понятии информации реализуется, в частности, и отмеченное проникновение категории структуры в категорию причинности.

Понятие структуры наполняет в кибернетике категорию причины в двух отношениях. Во-первых, как структура организации причинных цепей в обратной связи. Во-вторых, роль структуры обнаруживается при рассмотрении соответствия между причиной и следствием. Ограничение разнообразия, определяемое переносимой от причины к следствию структурой, отсечение остающихся за ее пределами других возможных состояний служит одной из общих характеристик информации. Тем самым данное понятие выражает особенно важную для проблем телеологии связь причинности с категорией возможности. Определенность, форма («фигура» у Спинозы) есть ограничение. «Если в прошлом биологи считали организацию чем-то добавочным по отношению к элементарным переменным, современная теория, основанная на логике обмена информацией, рассматривает организацию как некое ограничение».²⁸

В причинности выделились энергетическая и информационная стороны, что придало ей большую гибкость и универсальность. Во взаимодействиях сигнального типа определяющее значение имеет информационная сторона. Предоставив средства математического выражения этой стороны, кибернетика по-новому освещает поставленный еще Р. Майером вопрос о неэнергетических причинных зависимостях (значения которых не могут быть адекватно выражены в терминах энергетического описания) в процессах формообразования и регуляции. Одновременно было доказано, что без материального носителя, без передачи энергии не может существовать никакой информации. Следовательно, и сознательная цель человека, поскольку она включает в себя момент информации, должна иметь материальное существование, входя в качестве особого рода причины в цикл причинно-следственных отношений. Тем самым цель человека охватывается развитой в кибернетике причинностью.

²⁸ Эшби У. Принципы самоорганизации. — В кн.: Принципы самоорганизации. М., 1966, с. 317.

Кибернетика связала организацию предметов с информацией, сделав объектом точного исследования связь, существующую между организацией, формой, с одной стороны, и саморегуляцией, передачей сообщений и действием — с другой. Смутные догадки о существовании этой связи издавна питали телеологические концепции идеалистической философии.

Отвечающая математической природе точность понятия информации необходима при любом применении, в том числе и за рамками техники. Оно способно не только срезать идеалистические пустоцветы, но и рвать ткань материалистического мировоззрения. В настоящее время философский аспект понятия информации исследован в нашей литературе исключительно обстоятельно. В то же время, отмечает В. Г. Афанасьев, нет «другого понятия, по поводу которого ведется столько споров, дискуссий, имеется столько различных точек зрения».²⁹

Укажем на отдельные случаи использования некоторых трактовок информации телеологией в своих интересах.

Телеология использует отождествление некоторыми авторами информации со структурой вещей, формой. И. Земан, ссылаясь в одном своем докладе на этимологию латинского слова «informare» («придавать форму», «формировать», «творить», а также «представить», «создавать идею или понятие»), отождествил информацию с самой организацией.³⁰ В прениях по его докладу эта точка зрения характеризовалась как «аристотелизм» и «лейбницянство», а ход его мыслей — как телеологический в большей мере, чем у Гегеля.³¹ Действительно, такая точка зрения может дать повод для новейшего «информационного» витализма, восстанавливающего путем отождествления информации с формой, с одной стороны, и с процессами передачи сообщений и финализированных действий — с другой, аристотелевский или лейбницянский телеологизм. Сторонники активизирующегося аристотелизма утверждают, что наука сама вновь возвращается к Аристотелю, открыв в природе информацию, в которой органически связаны идеи сообщения и организации. Надо слишком сильно верить в магическую силу слов, чтобы серьезно полагать, что если мы назовем энтелехию «информацией», то телеология сразу же превратится в материализм. Правда, подчеркивание количественного, математически выражаемого аспекта информации отличает ее и в таком понимании от «формы» аристотелизма, но не от структурных идей платонизма. Отождествление структуры с математическим выражением количества «содержащейся» в ней

²⁹ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 3.

³⁰ Zeman J. Signification philosophique de la notion d'information. — In: Le concept d'information dans la science contemporaine (Colloques philosophiques internationaux de Royamout). Paris, 1965, p. 284—285.

³¹ Ibid., p. 309.

информации выражает средствами современного языка идею, близкую представлениям пифагорейцев о числах как структурной связи космоса. Физик-идеалист К. Вейдзекер утверждает, например, что информация есть одетая в одежду XX века «платоновская эйдос, аристотелевская форма».³² Проблема превращения информации в негэнтропию, говорит католический философ, «есть аристотелевская проблема генезиса организации, будь то на уровне биологическом или на уровне животной или человеческой активности».³³ Негэнтропийный принцип информации, это — «подсыпка зерна психизма в материю».³⁴ При этом он ссылается на философию неофинализма, спекулирующую на указанном толковании понятия информации. Последователи Тейяра де Шардена заявляют, что наука, приравнивая информацию к негэнтропии, подтверждает аристотелевско-томистское учение о форме и душе.³⁵ В идеях кибернетики они видят подтверждение концепции «радиальной энергии».³⁶

На телеологический же идеализм «работают» связанные с упомянутым отождествлением информации и структуры рассуждения некоторых авторов о процессах самоуправления и регуляции в неорганической природе. О том, как использует это неотомизм, мы скажем ниже.

Рассмотрение информации в роли причины, способной самостоятельно порождать материальные процессы, сближает ее с энтелехией Дриша или доминантами Рейнке. Современные неовиталисты утверждают, что «информационная причина» — это и есть та несиловая причина, которая определяет рост организованности живых существ. Доказательство теорией информации невозможности «демона Максвелла» пытаются отклонить постулированием для микропроцессов транспортировки информации без передачи энергии. Архаичная «энтелехия» заменяется более современным «пилотом, который может, не нарушая законов физики, заменять энтропию негэнтропией».³⁷ Развитие организмов фина-

³² Цит. по: Schischkoff G. Philosophie und Kybernetik. — Zeitschrift für philosophische Forschung, Bd XIX, 1965, H. 2, S. 272.

³³ Costa de Beauregard O. Le dilemme objectivité-subjectivité de la mecanique statistique et l'equivalence cybernétique entre information et entropie. — Archives de l'Institut international des sciences théoriques, N 12, 1963, p. 99.

³⁴ Ibid., p. 90.

³⁵ Chauchard P. Cybernétique et physiologie de la conscience. — Cybernetica, vol. I, 1958, N 1, p. 141.

³⁶ Isaye G. La cybernétique et Teilhard de Chardin. — Cybernetica, vol. V, 1962, N 1. О представлении информации в качестве некоторого начала, независимого от коммуникации, взаимодействий и самоуправления, отождествлении ее со структурой вещей как основании для телеологии см.: Гришкин И. И. Понятие информации. М., 1973, с. 164—165.

³⁷ Dockx S. La structure organique du corps vivant condition de l'exercice de la liberté humain. — Archives de l'Institut international des sciences théoriques, N 12, 1963, p. 29.

лизируется, что отвечает идее опережающих, сходящихся волн, развиваемой в настоящее время некоторыми математиками-идеалистами.³⁸

О содержании понятия «цель» в кибернетике

Применение категории цели в различных сферах кибернетики является объективным фактом, а практика подтверждает эвристическую ценность такого применения. Поэтому иногда задаваемый вопрос о правомерности применения категории цели в кибернетике ставится, как нам представляется, неправильно. В компетенцию философии не входит разрешать или не разрешать специальным наукам пользоваться определенными понятиями. Входящие в логическую систему той или иной науки понятия представляют для философии реальность, которую следует изучать в ее развитии и связях, а не признавать или отвергать.

Применение исследуемой категории в кибернетике в корне отлично, как мы видели, от наделения целями явлений природы в телеологии. В то же время цель здесь не является неким совершенно новым понятием, лишь терминологически сходным с древней философской категорией. Развитие этого понятия в истории философии и науки показывает это достаточно убедительно. Ссылки на абстрактность подхода, на то, что изучению подлежат идеальные объекты, не могут служить основанием для позитивистского отрыва понятия цели в кибернетике от этого понятия в философии и биологии. Между тем именно так ставит вопрос В. Н. Свинцицкий. Претендуя на рассмотрение «под углом зрения логического анализа языка науки»,³⁹ он игнорирует не только достижения классической философии и марксизма, но и исследования зарубежных представителей «логического анализа языка науки». Если утверждения В. Н. Свинцицкого о том, что целесообразность свойственна только органическим существам, а не машинам, что цель нельзя рассматривать как свойство реального поведения автоматических устройств, поскольку она антропоморфная категория,⁴⁰ являются результатом «логического анализа языка науки», то возникает вопрос, стоило ли прибегать к таким сильным средствам исследования, чтобы получить итог, содержащий

³⁸ Ibid., p. 19. На то, что информация не является какой-то особой субстанцией, которая может самостоятельно порождать материальные процессы или отклонять действие причин вне энергетических взаимодействий, обращает внимание М. И. Сетров (Сетров М. И. 1) Основы функциональной теории организации. Л., 1972; 2) Информационные процессы в биологических системах. Л., 1975). То обстоятельство, что информационные взаимодействия не могут быть адекватно выражены в терминах энергетических, не означает, что они не являются в своей сущности особой формой энергетических процессов. (Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 21—23).

³⁹ Свинцицкий В. Н. Понятие целесообразности и функционирование кибернетических систем. — В кн.: О сущности жизни. М., 1964, с. 192.

⁴⁰ Там же, с. 194, 196, 198.

столь мало информации?⁴¹ Надо считаться с тем, что многогранная категория «цель» имеет различающиеся между собой применения, выступавшие и развивавшиеся на разных этапах истории познания. В этих применениях содержание категории несколько видоизменялось, но не отбрасывалось, не заменялось чем-то совершенно новым. Нельзя абсолютизировать одно из этих значений, закрывая путь более широкому, в разумных пределах, применению категории. Кибернетика позволяет уточнить эти границы, вносит новый момент в содержание категории, не нарушающий, однако, логики ее развития.

Кибернетика рассматривает цель как объективную характеристику поведения систем с обратной связью, отвлекаясь от их качественной природы. Этот абстрактный подход придает понятию «цель» также весьма абстрактное значение, отличное от значения идеального образа будущего результата действия, в котором данная категория характеризуется Марксом в пятой главе первого тома «Капитала» применительно к процессу труда. Цель в кибернетике отвечает одному существенному моменту Марксова определения. Указывая на то, что цель как закон определяет способ и характер действий, Маркс вкладывает в слово «закон» значение не только внутреннего авторитета, директивы, но и объективной характеристики поведения, его структурной закономерности. Таким образом, в качестве одной из сторон цели на ступени осуществления выступает строй операций, организация отдельных актов (Маркс говорит не об единичном акте) в структуру поведения как целого. Именно с этой стороны подходит к рассмотрению цели кибернетика.

Подмена анализа философских категорий цитированием отдельных высказываний основоположников марксизма ставит некоторых авторов в затруднительное положение. С одной стороны, Маркс, как им кажется, говорит о том, что цель — исключительно прерогатива человека, отличающая его от животных, с другой стороны, кибернетика говорит о целях не только у животных, но и у машин. «Понятие цели в строгом смысле слова, — пишет, ссылаясь на цитату из Маркса, Е. Х. Гимельштейб, — есть категория человеческого мышления».⁴² Е. Х. Гимельштейб понимает, что советовать кибернетикам избегать употребления термина «цель» неразумно. Поэтому она утверждает, что цель в биологии и кибернетике применяется нестрого, что это «что-то близкое» к цели, «что-то вроде» цели, «нечто» от целенаправленности и т. д.

⁴¹ Позитивистски настроенные авторы одной из разновидностей «теории систем» Р. Акофф и Ф. Эмери, в отличие от В. Н. Свинцицкого, признают, что и в формализованных классификациях строгое определение понятий функции, целенаправленности и целеустремленности сохраняет «основное содержание, обретенное этими терминами на протяжении веков» (Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М., 1974, с. 23).

⁴² Гимельштейб Е. Х. Кибернетика и проблема цели. — Философские науки, 1965, № 3, с. 40.

Вряд ли можно считать полезным определение категорий, в котором используется подобный язык. Неправильным нам кажется здесь уже сам подход, обосновывающий концепцию понятия современной науки одной цитатой и исключаящий возможность изменения категорий в связи с развитием науки и способа мышления. «Что касается новейших данных кибернетики и бионики, — пишет тот же автор, — то они нисколько не изменяют суть понятия цели».⁴³ Этот подход связан и с недостаточно внимательным отношением к наследству основоположников марксизма. Не учитывается то обстоятельство, что в пятой главе «Капитала» Маркс говорит не о цели вообще, а только о сознательной цели в трудовой деятельности человека. Применение Марксом понятия цели в другом значении, о котором мы говорили выше, игнорируется или подгоняется под рассматриваемый случай. Полностью замалчиваются относящиеся к этой категории мысли Энгельса, не говоря уже о ее дальнейшем развитии в философии и биологии. Использование категории цели в исследовании природы материалистами-естествоиспытателями не является новым. Видеть в этом дань телеологии можно только в том случае, если не признавать различных оттенков, сторон категории, о существовании которых говорилось выше. Кибернетика дает строго определяемое основание для подобного применения в биологии, в экономической науке, социологии, технике. Механизм саморегуляции включает в себя меру «цели», которая обладает объективной реальностью в контексте особой сети обратной связи, поскольку эта сеть физически существует.⁴⁴ На эту реальность некоторые представители кибернетики не обращают должного внимания, решительно возражая, однако, против уступок телеологии в ее идеалистическом смысле. «Принятие телеологического подхода, — говорит Н. Винер, — упрощает анализ целенаправленного поведения и увеличивает сферу этого анализа. Этот методологический подход не включает в себя философских верований в конечные причины».⁴⁵ Противоположность между «конечными причинами» телеологии и понятием цели в кибернетике Н. Винер склонен сводить к различию между онтологическим истолкованием категории и пониманием ее в качестве субъективного приема. В результате он в ряде случаев соскальзывает на субъективистские позиции. Это приводит к неоправданному приложению категории цели к физике.⁴⁶ Такое непомерно широкое применение связано также с выходом за разумные пределы абстракции, отвлечением от отношений управления. Применение же понятия «цель» и в его

⁴³ Там же.

⁴⁴ Deutsch K. W. Mechanism, organism and Society. — Philosophy of Science, vol. 18, 1951, N 3, p. 246.

⁴⁵ Rosenblueth A., Wiener N. Purposeful and non-purposeful behavior, p. 326.

⁴⁶ Ibid., p. 325.

сугубо условным значений вне этих отношений в физике, химии, астрономии и т. д. лишено эвристического значения.

Некоторые авторы (Р. Тайлор, Р. Спилсбэри, И. Шеффлер) пытаются увидеть ошибочность кибернетической концепции цели в том, что под ней понимается здесь конечное условие, которое или возникает позднее и не может оказывать воздействия на процесс, или является целевым объектом, к которому стремится система. Такая критика основывается на неправильном истолковании значения, которое придается понятию «конечное условие». Утверждение, что система стремится к цели, означает, что ее действия сводят к минимуму рассогласование между наличным состоянием или величиной на выходе и некоторым заданным состоянием. Этому состоянию соответствует величина, обозначаемая термином «цель». Устранение рассогласования составляет общую черту целенаправленных процессов. Это абстрактное выражение охватывает и целевой объект и заданную информацию о величинах некоторых переменных, которые должны быть получены в конце процесса. Целью в значении целевого объекта может быть как внешний предмет, к которому направлено движение (или которого следует избежать), так и состояние самой системы. Оба значения могут легко взаимозаменяться. Заданная информация о нужном результате может фиксироваться в искусственных устройствах. В таком случае возникает отдаленная аналогия с целью человека.⁴⁷ Направляющая роль последней в процессе применения средств состоит в том, что сигналы о ходе этого процесса сопоставляются с ней как с эталоном, и действия по закону обратной связи стремятся уменьшить рассогласованность. Момент, отличающим кибернетические устройства от остальных орудий, является способ переноса цели при помощи этих новых средств и регуляции процесса.

Целенаправленность действия простых орудий полностью определяется извне, самим человеком. В циклические автоматы вложена уже некоторая информация о порядке осуществления ряда операций, а тем самым — о направлении изменений в обрабатываемом материале. Они выполняют жестко фиксированную программу. Цикл операций может быть весьма сложным, но приспособление к внешним воздействиям отсутствует.

Выше стоят автоматы рефлекторного типа, отвечающие на внешние воздействия в соответствии с заданной программой.⁴⁸ Они реагируют на однотипные внешние условия строго определенным образом. При изменении условий, выходящем за рамки предусмотренного в программе, действия такого устройства становятся нецелесообразными. Программа работы автомата — по-

⁴⁷ Men and machines. — Aristotelian society, supplementary volume, XXVI. London, 1952, p. 68.

⁴⁸ О ступенях развития автоматизации см.: Гаазе-Рапопорт М. Г. Автоматы и живые организмы. М., 1961; Абрамова Н. Т. Целостность и управление, с. 124—126. Latil P. La pensée artificielle, p. 37—45, 273—298.

следовательный ряд инструкций и команд — отвечает плану в деятельности человека. Оценочный критерий работы этих машин остается исключительно в голове человека, и только в ней замыкается регуляционный цикл.

С реализацией принципа обратной связи автомат сам осуществляет оценку собственных действий, чтобы свести к минимуму отклонения от заданного критерия. Регуляционный цикл дан в самом устройстве. Обратная связь обеспечивает направленность поведения без строгой предварительной фиксации деталей. Одной из тенденций развития автоматизации является то, что работа устройств становится все меньше зависимой от данных, известных при их конструировании или программировании, и все больше — от складывающихся во время работы условий. Происходит процесс приобретения автоматом большей самостоятельности за счет передачи ему ряда функций субъекта, в том числе — некоторых функций цели. В структуре машины выделяется элемент, содержащий информацию о нужных свойствах результата, с которой сверяется информация об эффекте действий. При высказываниях о цели машины не следует смешивать два возможных здесь смысла. Во-первых, цель в значении той пользы, которую она должна принести человеку. Это — всецело цель самого человека. Во-вторых, цель как фиксированная в материальном устройстве информация.

Активный, избирательный характер деятельности человека проявляется, в частности, в соподчинении, иерархии целей. Некоторые идеалисты видят в этом исключительность духовного начала, абсолютную противоположность целей человека отношениям материального мира.

Кибернетика открывает возможность моделирования иерархической структуры целей путем постройки обратной связи высшего порядка, контролирующей механизмы, работающие на уровне задач низших порядков. Такая градация обратных связей позволяет сохранить устойчивой основную цель путем смены подчиненных целей. Именно так поступает организм, когда использует резервные механизмы.⁴⁹ Речь идет о смене программы применения средств, которым соответствуют «подцели» или «вспомогательные цели». Для подобного поведения в конструкцию машины должно быть заложено множество таких потенциальных целей.⁵⁰ Контролирующая активность, включающая ту или иную подцель, обобщается как «процесс решения проблемы», достигнутое же устойчивое состояние получило название «решения проблемы».⁵¹

⁴⁹ Laborit H., Weber B. Intérêt de l'application aux régulation physiologiques d'un mode de représentation cybernétique. — La Presse médicale, 1958, N 79, p. 1781.

⁵⁰ Sauvan J. Les systèmes multistatiques. — Cybernetica, vol. II, 1959, N 3, p. 140.

⁵¹ Pask G. Artificial intelligence and self-organization. — Advances in Computers, vol. 5, 1964, p. 112.

В многоцелевом устройстве с иерархической структурой возникает различие между задачами контроля и координации. Задача контроля — найти такой метод воздействия на поведение, чтобы достичь цели, несмотря на изменяющиеся воздействия среды. Задача координации — воздействовать на сеть контрольных систем, обеспечивая достижение главной цели оптимальным путем.⁵² Рассмотрение реализации в искусственных устройствах отношений, сопоставимых с субординацией целей человека, подтверждает слова Эшби: «Нет предела сложности „целенаправленного“ поведения, к которому могут быть способны машины, совершенно лишенные какого бы то ни было „жизненного“ фактора».⁵³

Следует подчеркнуть, что все время имеется в виду совпадение лишь некоторых принципов работы искусственных устройств и деятельности человека. Аналог человеческой цели в работе автоматов, как и поведение этих устройств, находится в отношении гомоморфизма к соответствующим структурам сознательной деятельности. Кибернетика в силу природы этой науки и стоящих перед нею задач абстрагирует моменты цели, общие для всех целенаправленно действующих систем.

Если все движение цели можно грубо разделить на ступень целеобразования и ступень осуществления цели, то кибернетика имеет в настоящее время отношение главным образом к этой второй ступени. Моделируется структура простейших форм целенаправленного поведения.

Эта ограниченность дает известное основание видеть коренное отличие целевой деятельности человека от деятельности искусственных систем в принципиальной якобы неспособности последних иметь аналоги целеобразования.⁵⁴ «Кибернетики вообще не исследуют возможности выбора цели... Кибернетики направляют свое внимание на наиболее скромную часть действия: на реализацию уже выбранной цели».⁵⁵

Однако, вероятно, надо быть осторожным в попытках установить пределы моделирования целеполагающей деятельности. Представление о кибернетической машине как об устройстве, которое может выполнять лишь то, что заложено в нее конструктором, оказывается неточным, если его распространить и на адаптивные системы. Конструктор не знает заранее, каким будет, например, после обучения алгоритм самообучающейся системы. Она может выполнять неожиданные для него функции.

⁵² Fleming D., Mesarovic M., Goodman L. Multi-level—multi-goal approach to living organism. — In: Neuere Ergebnisse der Kybernetik. Oldenburg—München—Wien, 1964, p. 271.

⁵³ Эшби У. Конструкция мозга. М., 1962, с. 94.

⁵⁴ Принципиальную возможность создания обучающейся и обладающей инициативой машины категорически отрицал Дриш, предвидевший, однако, возможность создания машин, говорящих на каком-либо языке и даже способных поддерживать разговор.

⁵⁵ David A. Meeting with machines. — Nature, N 4849, 1962, p. 10.

Конструктор закладывает в эту систему лишь алгоритм обучения и общий критерий, но не алгоритм, получаемый в результате обучения. Последний создается внутри системы. В нем сконденсирована информация, накопленная не в голове конструктора, а в самом автомате.⁵⁶ Реализуя эту способность, автоматы будут сами вырабатывать новые цели своего поведения. Способы же программирования такого рода устройств будут в какой-то мере приближаться к абстрактным выражениям методов, применяемых человеком в педагогической деятельности.⁵⁷

В связи с разработкой вопросов адаптивных систем исследуется процесс автоматического поиска, т. е. операций, задач которых является получение информации о наиболее эффективных путях адаптации. Указывают также на возможность моделирования в машине определенных аспектов потребностей живого организма.⁵⁸ Однако, пожалуй, именно здесь ясно видна пропасть, разделяющая живой организм и его кибернетический аналог. Как бы далеко ни зашло моделирование потребностей, оно никогда не отразит самого главного в них — внутреннего стремления живого организма к полезному, к самосохранению, диктуемого специфическими особенностями молекулярных структур и процессов. Самой по себе машине чуждо и отношение ценности. Ценностное отношение приобретает технику только при ее включении в кругооборот человеческой деятельности, в систему общественных отношений.

Понятие цели, обобщенное в кибернетике, было освобождено от специфических биологических и психобиологических элементов, получив значение объективной характеристики регулирующих систем. Кибернетика придала ему высокую абстрактность, но в то же время и обогатила его содержание, указав на связь с причинностью, структурой, возможностью, вероятностью и т. д.

Цель человека может быть представлена как качественно своеобразный случай цели в кибернетическом смысле. Использование понятия цели в придаваемом ему кибернетикой значении при изучении человеческой деятельности оправдывает себя, когда человек рассматривается в качестве коммуникационной системы, звена системы управления машинами. Нельзя сомневаться в важности такого подхода в век стремительного развития техники, вторжения ее в сферу сугубо субъективного.

В кибернетической литературе можно встретить попытки выразить понятиями этой науки явление сознательной цели в его

⁵⁶ Фельдбаум А. А. Проблемы самоприспосабливающихся (адаптивных) систем. — В кн.: Самонастраивающиеся автоматические системы. М., 1965, с. 6.

⁵⁷ Minsky M. Artificial Intelligence. — Discovery, 1962, october, p. 37.

⁵⁸ Джордж Ф. Мозг как вычислительная машина. М., 1963, с. 195. Пути возможного моделирования органических потребностей рассматриваются также А. Модем (Moles A. La notion de quantité en cybernétique, p. 188).

специфике. Но здесь кибернетики не приходят к чему-то новому. Таково, например, определение: «Цель готовящегося действия представляется в сознании как описание внешней среды после того, как ее изменит предполагаемое действие: цель действия есть информация о представленном в воображении». Она предполагает наличие информации о «среде, на которую хотят воздействовать».⁵⁹ Подчеркивается также волевой аспект цели как представления, «способного приводить структуру человека в состояние неравновесия, вызывая приложение усилия».⁶⁰ Правы поэтому авторы, указывающие, что теоретико-информационный и кибернетический подход пока еще очень мало дал для изучения сознательного целеполагания.⁶¹

Возникновение кибернетики явилось еще одним поражением телеологии. Кибернетика утвердила за понятием цели в природе объективное значение, освободила его от антропоморфизма, включив в сетку категорий детерминистического, причинного мышления. Она подтвердила правоту причинного понимания целесообразности в биологии, экономике, социологии, показав научный смысл применения понятия цели в этих дисциплинах. Маркс в свое время увидел в теории Дарвина смертельный удар по телеологии как форме идеалистического мировоззрения, подчеркнув одновременно, что Дарвин эмпирически выяснил рациональный смысл «конечных причин». Кибернетика в некотором отношении обобщает дарвиновскую теорию целесообразности, раскрывая рациональный смысл телеологии уже не просто эмпирически, а абстрактно-теоретически, открывая пути применению закономерностей целесообразности в технике. Практическое создание явлений целесообразности в экспериментальных и производственных устройствах служит опровержением якобы находящейся в противоречии с общими законами материального мира природе этого явления.

В то же время развитие техники приспособляющихся автоматов подрывает один из источников вульгарного антителеологизма. До сих пор техника стремилась реализовать главным образом лапласовский детерминизм. Единственным способом получения необходимого эффекта, свободного от нарушающих случайностей, была жесткая фиксация исполнительных механизмов. Это питало привычку искать в природе однонаправленные ряды причинных связей. Кибернетическая техника приучает применять категорию цели к явлениям не только живой природы, но и неорганической, «искусственной» природы мира машин. Вероятно,

⁵⁹ Couffignal L., Schützenberger M. La cybernétique. — In: Encyclopédie Française. Cahiers d'actualité et de synthèse. 1. Paris, 1957, p. 3.

⁶⁰ David A. Réflexions pour un nouveau schéma de l'homme. — Cybernetica, vol. 1, 1958, N 1, p. 48.

⁶¹ Бирюков Б. В., Плотников С. Н. О книге А. Моля. — В кн.: Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966, с. 21; Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах, с. 22.

это поможет снять еще сохраняющееся предубеждение против такого употребления этой категории.

Рассмотрение категории «цель» в кибернетике показывает, между прочим, вздорность позитивистских представлений о том, что современная наука, особенно кибернетика, якобы отбрасывает проблематику классической философии, ее категориальный аппарат как совершенно устаревшие средства. Ни одна современная научная дисциплина не «вскапывала», пожалуй, так глубоко поле традиционной философии, не затрагивала так непосредственно ее важнейшие проблемы. Кибернетика вынуждает вновь переосмысливать идеи Платона и Аристотеля, Лейбница и Гольбаха, Канта и Шеллинга. Она подтверждает ряд идей философии и экономической теории марксизма. Даже наиболее осторожные и скептически настроенные авторы не могут отрицать факта, что именно кибернетика принудила философов обратиться к детальному анализу категории и связанных с ней понятий, искать к ним новые подходы. Обсуждение ее идей позволило глубже понять смысл применения категории Марксом в рассмотрении функционирования и саморегуляций механизма капиталистической экономики.

Все это, однако, не было какой-то революцией в развитии категории. Как мы уже видели, категория цели применялась в значении объективного структурного элемента системы в экономической теории Маркса. И это естественно, поскольку не может быть научного понимания общественной системы без объяснения ее важнейшего аспекта — закономерной саморегуляции. Проблема целесообразности применительно к органическому миру решалась Дарвином и целым рядом других выдающихся биологов и физиологов.⁶²

Здесь не было и не могло быть никакой революции в смысле перехода от причинного понимания действительности к телеологическому, будь то старого или какого-то обновленного типа. Телеология реабилитирована не была. Наоборот, получил подтверждение и дальнейшее развитие принцип причинности. Спекуляции на схеме: добэконовская и догалилеевская телеология — отрицание ее детерминизмом односторонне-аналитического мышления — отрицание этого отрицания и возвращение, на более высоком уровне, к идеям аристотелевской телеологии, восстановление «конечных причин» в кибернетизированной форме («нату-

⁶² Биологическая наука, считает Н. Т. Абрамова, в прошлом, до кибернетики, была не в состоянии решить до конца проблему цели и целесообразности своими средствами «и отдавала ее обоснование своему идеологическому противнику — телеологии. В наше время этот „захваченный плацдарм“ отвоевала кибернетика» (Абрамова Н. Т. Целостность и управление, с. 126). Как нам кажется, здесь Н. Т. Абрамова, правильно подчеркивая антителеологическую сущность кибернетики, допускает преувеличение. Кибернетика сама по себе ничего решить в биологии не может. Она способна дать только некоторые дополнительные познавательные средства и уточнить понятия.

раильная телеология») ⁶³ — представляют собой псевдодialeктику. В содержание, применение, научную роль, философскую интерпретацию категории цели внесены существенные изменения. Совпадая в своих основных моментах с категориальной структурой диалектического мышления вообще, с диалектико-материалистическим пониманием категории цели в особенности, эти изменения требуют развития диалектики, не вызывая в ней, однако, «переворотов».

**«Цель» как вспомогательный прием познания
и некоторые вопросы терминологии**

Не является ли применение категории цели в биологии и кибернетике условным приемом, в котором данное понятие играет роль только «хорошего эвристического принципа», как говорил Кант? Выше мы уже рассмотрели использование такого приема при описании процессов исторического развития общества.⁶⁴ Сейчас же вопрос ставится шире — по отношению к не руководимым сознательной целью объектам вообще. В качестве условного определял этот подход, в частности, И. П. Павлов. «Идея возможной цели при изучении каждой системы, — говорил он, — может служить только как пособие, как прием научного воображения ради постановки новых вопросов и всяческого варьирования экспериментов».⁶⁵ Сходное понимание можно встретить и в современной марксистской философской литературе. Соприкасаясь с кантовской телеологией, указанное марксистское понимание в то же время решительно отличается от последней. Кант констатировал факт эвристической ценности приема, анализировал особенности отношений целесообразности. Но ни причинность, ни цель не отражали у него объективного мира и не отвечали каким-то связям последнего, тогда как авторы, о которых идет речь, исходят из признания объективного существования специфики отношений, условно выражаемых понятием цели. Сторонники же безусловного, онтологического значения категории в данном ее применении говорят по сути дела о тех же самых отношениях. Разногласие не касается, таким образом, понимания объективных явлений природы и их отношения к цели человека. Оно относится к истолкованию гносеологической природы используемых терминов-понятий. Автор, вкладывающий в данный термин-понятие содержание, отвечающее сознательной цели, прав, когда утверждает, что этот термин-понятие применяется в биологии или кибернетике в переносном, условном значении. Так же прав и автор, который считает, что понятие здесь употребляется

⁶³ Frank L. K. Foreword. — In: Teleological mechanisms. Annals of the New York Academy of Science, vol. 50, 1948, p. 192.

⁶⁴ См. с. 57—59.

⁶⁵ Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы. Избранные труды. Вып. 1. М., 1952, с. 550.

в его непосредственном значении, если он предварительно обобщил данное понятие, исключив из него специфически психологические, антропоморфные моменты. Поэтому, как нам кажется, нельзя говорить о полной ошибочности или исключительной истинности какой-то одной из этих двух точек зрения. Вернее было бы говорить в данном случае лишь о преимуществах, которыми обладает одна из них, о большей ее адекватности строю современного научного мышления. Это определяется исследованием истории понятия, различных его смысловых оттенков, способов употребления в литературе и происходящих в нем изменений.

Нам кажется, что обзор всех этих аспектов движения понятия позволяет заключить, что в настоящее время рассматриваемое понятие приобрело достаточно установившийся и фактически принятый объективный или онтологический смысл. Это, в частности, соответствует традиции употребления его в марксистской политической экономии: высказывания классиков марксизма о цели как условном приеме не относились, как мы видели, к употреблению данного понятия в контексте «цель производства». Произошло уточнение понятия, довольно четко показана предметная область его применения, возросли значимость для науки выражаемых им аспектов действительности и соответствующих методов, частота применения понятия. Но не произошло реабилитации телеологии. Объективирование категории «цель» осуществилось не на уровне самого строя мышления, а скорее на уровне осознания этого строя, в методологии и философской рефлексии. Биологи, физиологи, медики, экономисты фактически всегда применяли эту категорию (в смысле объективной структуры мышления, его некоторого алгоритма) в объективном смысле. Объективирования, предполагающего совершенное отсутствие до этого применения категории в объективном смысле, не могло быть. Тенденция к объективированию, действительно изменившая положение категории, относится в первую очередь к области интерпретации, философского истолкования.

К недостаткам концепции цели как условного приема относится то, что она может привести к приравниванию друг к другу различных видов применения категории: рационально-онтологического, антикаузально-телеологического, собственно условного. Если их все объявить одинаково условными, то отпадает критерий различения идеалистической телеологии и научного применения понятия. Возникает возможность их отождествления, а тем самым — апологии телеологических взглядов. В частности, некоторые сторонники неоламарксистской идеи «адекватной изменчивости» пытались в прошлом оправдывать ее телеологический характер ссылками на Маркса, использовавшего понятие «цель» в качестве условного приема.

Эвристическая ценность методологической телеологии служила одной из основ телеологических воззрений в их идеалистическом смысле. Где происходит переход, в какой мере имеет

место просто форма изложения и в какой — принятие точки зрения доктрины «конечных причин», может установить только конкретный анализ, учитывающий все нюансы значения понятия.

В марксистской литературе можно встретить различные употребления термина-понятия «цель» в его объективном значении. В. А. Цонев, давший наиболее полную сводку имеющихся в настоящее время по этому вопросу точек зрения и подвергший их тщательному логическому анализу,⁶⁶ разбивает соответствующие определения на семь групп (вся классификация определений цели содержит у него восемь групп, первую из которых, «антропологическую», согласно обозначению В. Цонева, составляют определения цели как сознательной, человеческой). К ним он относит (употребляя его обозначения): «механическое», опирающееся на теорию систем; цель как относительно конечное и устойчивое будущее состояние системы вообще, обусловленное действием объективных законов; «физическое»: цель — конечное состояние, в которое система может прийти в результате действия экстремальных законов; «химическое»: цель — состояние, которое система стремится сохранить, развивая действия, противоположные внешнему, отклоняющему от этого состояния, воздействию (типа принципа Ле Шателье); «специально кибернетическое»: действие обратной связи; «неразвитое кибернетическое»: цель есть потребное будущее системы; «общеквибернетическое»: цель есть модель потребного будущего состояния кибернетической системы; «биологическое»: материальная природно-генетическая модель потребного будущего состояния биологической системы. В. Цонев сводит эти определения к двум основным точкам зрения (третью составляет «антропологическое» понимание): 1) общеквибернетическая, относящая цель в объективном смысле к системам с соответствующими обратными связями; 2) распространяющая целенаправленность на неорганическую природу. Вторую точку зрения он считает несостоятельной, поддерживая и обосновывая первую. «Антропологическое» определение цели он понимает как конкретизацию общеквибернетической точки зрения.⁶⁷

Определение философского понятия должно опираться на его историю, на способы употребления в различных областях современной науки и культуры, учитывать наличие у него различных уровней, аспектов, развитие языковых средств выражения. Философия имеет перед собой объективный категориальный строй мышления, способы применения категории как реальный предмет исследования.⁶⁸ Разрабатывая категориальный аппарат и выходя за рамки простого анализа употребления понятий, философ обязан принимать во внимание роль тех или иных оп-

⁶⁶ Цонев В. Необходимость и случайность в прехода от нежива к жива материя. София, 1973, с. 22—41, 60—75.

⁶⁷ Там же, с. 41, 60—61.

⁶⁸ Вахтомин Н. К. Генезис научного знания. М., 1973, с. 116—117.

ределений, их использование во враждебных учениях. Рассматривая под этим углом зрения нашу категорию, мы не можем не выразить недоумения по поводу попыток отдельных авторов распространить понятие цели и целесообразности на мир физических явлений. Такое распространение не отвечает, во-первых, практике использования понятия, объективному категориальному строю мышления. Ни в физике, ни в химии, ни в астрономии целевой подход не применяется даже в его условном значении. Применение цели здесь не имеет эвристической ценности. Не очень охотно демонстрируют его сейчас и сами телеологические учения. Тем не менее В. А. Асеев настаивает именно на таком применении. Он пытается вновь поднять давно «закрытый» в теоретическом естествознании и философии вопрос целеустремленности и целесообразности физических процессов и законов, выражаемых при помощи понятия экстремума и вариационного исчисления.

Телеологические тенденции в физико-математических исследованиях XVII—первой половины XVIII в. у Ферма, Лейбница, Эйлера и, в особенности у лейбницианца Мопертуи имели некоторый научно-эвристический смысл. Но они не устояли перед материалистическим столкновением природы во второй половине XVIII в. Вольтер показал абсурдность теории Лейбница о нашем мире, как «лучшем из миров». Близкий к французскому материализму Лагранж убедительно показал чисто формальный характер экстремальных принципов в механике.⁶⁹ После сокрушения телеологии в механике и физике, начиная с Канта, телеология в философии начинает связываться прежде всего с проблемами биологии.

В. А. Асеев, исходя из того факта, что действительное движение за известное время может быть вычислено при помощи рассмотрения позднейшего движения, из факта применения при вычислениях экстремумов, делает вывод о существовании «своего рода целесообразности» неживой природы.⁷⁰ Произвольно меняя содержание понятия «целесообразность», он отождествляет его с устойчивостью обычных физических систем, а понятие «целеустремленность» — с направленностью поведения системы, открывая, таким образом, в неорганической природе «целеустремленную причинную связь».⁷¹

⁶⁹ Felke H. Vom Prinzip der kleinsten Wirkung zur Operationsforschung. — In: Mikrokosmos — Makrokosmos. Berlin, 1966, S. 454. Данная работа, представляющая собой подробный с марксистских позиций разбор истории и философского аспекта принципа наименьшего действия в физике, В. А. Асеевым почему-то игнорируется.

⁷⁰ Асеев В. А. 1) Экстремальные принципы и проблема целесообразности. — Вопросы философии, 1971, № 8, с. 87; 2) Принцип Гамильтона и проблема соотношения термодинамической и механической форм движения материи. — В кн.: Философия пограничных проблем науки. Вып. II. Пермь, 1968, с. 33.

⁷¹ Асеев В. А. Экстремальные принципы и проблема целесообразности, с. 92. В другом месте говорится о «конечных причинах» в неживой

Можно понять тех наших авторов, которые выступают против безусловного применения понятия цели в кибернетике. Для этих выступлений имеется определенное основание, и вряд ли в данной книге нам удалось с достаточной полнотой доказать их неправоту. Но, с нашей точки зрения, утверждения о применимости понятия цели ко всей действительности вообще стоят вне рамок серьезной дискуссии и способны только дать повод для приписывания марксизму телеологии независимо от самых хороших намерений их авторов.

Применение одной категории для выражения как закономерности сознательной деятельности, так и объективных отношений живой природы — реальный факт современного научного мышления. Обозначение этих разных явлений одним понятием оправдано, во-первых, глубоким единством между органической целесообразностью и возникающей на ее основе целью человека, во-вторых, историей и традицией использования данного понятия в философии, в марксистской литературе в особенности; в-третьих, общностью основных признаков, составляющих их содержание (направленная активность, потребность, циклическая организация причинно-следственных цепей с моментом временного упреждения, сигнальный, информационный характер прямых и обратных связей, момент ограничения возможностей, избирательность, конечное состояние как устойчивый момент функциональных отношений).

В обсуждении категории цели и возникающих в этой связи разногласиях не последнее место занимает вопрос терминологии. Конечно, дело не в словах. Но имеющийся здесь излишний разноречивый порождает недоразумения, которые могли бы и не возникнуть. Кроме того, не надо забывать и мудрого замечания Г. В. Плеханова о недопустимости уступок идеологическому противнику даже в области терминологии.

Непоследовательность в употреблении терминов допускают авторы, говорящие о «целесообразности без цели». Хотя мысль, которую этим хотят выразить, правильная (объективная целесообразность без преднамеренной, сознательной цели), оформлена она способом *contradictio in adjecto*. Компромиссный характер носят выражения «целеподобные отношения», «квази-цель», «кажущаяся целесообразность».⁷²

Неудачным нам кажется термин «информационная причина»,⁷³ поскольку он наводит на мысль о том, что информация

природе — конечных состояниях, исходя из которых можно определить характеристики системы или предшествующего процесса (Асеев В. А. Экстремальные принципы в системном исследовании. — Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право, 1973, № 4, с. 63).

⁷² Цонев В. Необходимость и случайность в преходах от нежива к жива материя, с. 67.

⁷³ Выделять ли информационное воздействие в особый вид причинности или нет, Б. В. Бирюков называет «чисто терминологическим вопросом» (Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки, с. 66).

сама по себе может что-то порождать. Еще менее подходящими являются термины «целевая причина» (автору данной книги не следовало употреблять его в некоторых своих прежних работах) и «конечная причина». То, что выражается категорией цели в ее объективном значении в биологии, кибернетике, экономической теории, выступает не как особая причина, а как момент регуляторного цикла движения, порождаемого соответствующими действующими причинами. «Конечная причина» представляет собой специфический термин телеологии, идеалистическую форму выражения категории цели.⁷⁴ Авторы, употребляющие термины «целевая причина», «конечная причина», «телекаузальность» и т. д. для выражения правильной мысли об объективном значении цели в биологии и кибернетике, невольно дают повод для упрека в возвращении к ослабленному или смягченному варианту телеологии. Неудачная терминология мешает подчеркнуть принципиальное отличие нового понимания категории, признания ее важного значения в науке от трактовки этой категории телеологическими учениями. Это же в какой-то мере способствует странной для нашего времени переоценке рационального содержания аристотелизма и путанице у некоторых естествоиспытателей. «Кибернетика вернула спокойную совесть физиологии, — пишет, например, французский ученый Сован, — дав права гражданства конечной причине. Эта конечная причина, разумеется, полностью свободна от витализма, она разлагается на дифференциальные отношения и сообщения».⁷⁵ Здесь применение понятия информации и целевого подхода в биологии расценивается как восстановление «конечных причин». Оговорка в отношении витализма не имеет особого значения, поскольку, как мы видели, далеко не всякая телеология представляет собой витализм. Дезориентирует недостаточно подготовленного читателя выражение «материалистическая телеология», которое стали одно время употреблять некоторые философы-марксисты. Хотя с чисто этимологической стороны подобное словосочетание кажется допустимым, в философском плане оно ведет к смешению понятий, к примирению с идеалистическими взглядами. Термин «телеология» несет, по крайней мере в настоящее время, слишком определенную идеалистическую смысловую нагрузку, чтобы применять его в таком произвольном значении. Вряд ли следует возвращаться и к терминам Дриша и его последователей, к замене слова «цель» словом «целое», «целостность» («целопричинность», «детерминация целостностью»). Рассмотренные сдвиги в значении и применении понятия «цель» в науке и философии, расходящиеся пока с привычным значением слова, приведут к соответствующей его модификации. Тем самым проблема «объективной цели», «матери-

⁷⁴ В и н е р Н. Кибернетика, с. 294; С е т р о в М. И. Основы функциональной теории организации, с. 100.

⁷⁵ S a u v a n J. Physiologie cybernétique. — La Presse médicale, 1959, N 16, p. 659.

альной цели» потеряет вполне возможно свою остроту, в какой-то степени объяснимую сейчас чувством словоупотребления. Эти изменения в обыденном языке соответствуют в целом общим этимологическим изменениям слов, выражающих понятие цели.⁷⁶

Подобные семантические сдвиги определяются не только внутренними законами языка. Исследование категорий представляет собой в этой связи весьма многостороннюю задачу: помимо анализа знаний, относящихся к определенной закономерности действительности (онтологический аспект), логического анализа соответствующей формы мышления в ее отношениях к другим формам, в ее историческом развитии и применении (диалектико-логический и гносеологический аспекты) необходим также анализ соответствующих языковых средств. Семантический аспект должен, очевидно, приниматься во внимание и при оценке философских систем прошлого, поскольку эволюции языка были изменениями в самом предмете, исследовавшемся в этих системах. Но указанные изменения не охватывают всего предмета. Забвение данного обстоятельства, отождествление языка с мышлением, значений слов — с понятиями, или абсолютизация активного влияния языковых форм на мышление ведут к релятивизации истории философии. «Если таблица категорий у Аристотеля (подумаем, например, о его классификации причин), — пишет очевидно под влиянием такого увлечения М. Симон, — не такая, как у Канта, то это не означает, вопреки тому, что полагал последний, что Аристотель был неискусен или ошибался. Именно напротив, между Аристотелем и Кантом разум, его структура, основные категории, исследование которых составило предмет кантовских размышлений, глубоко изменились».⁷⁷ Значит, не было в целом поступательного движения в изучении категорий. Да его и не может быть, если изменчивость их абсолютизирована. С подобным же по существу подходом к понятию «цель» мы уже встречались выше.⁷⁸ Он может создавать видимость плодотворности тем, что, фактически отказываясь от решения вопроса, создает иллюзию ответа, а также избавляет от труда изучать историю мысли.

Философский термин, фиксируя развитое в философских теориях содержание понятия, не тождествен аналогичному слову обыденного языка. Будучи введено в систему определенной терминологии, то или иное слово приобретает значение, отличное от его значения вне данного терминологического поля.⁷⁹ В то же

⁷⁶ Макаров М. Г. Отражение становления категории цели в развитии языка. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по философии, XVII, 1974.

⁷⁷ Simon M. Progrès, raison et histoire, p. 71.

⁷⁸ См. с. 113.

⁷⁹ Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. — В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961, с. 51.

время указанное изменение, состоящее обычно в ограничении его значения, в философии — иное, чем в науке. Действенность философии, взаимообогащение с основными сферами знания и деятельности, особая роль в мировоззрении — предполагают универсальность терминологии и ее близость к разговорному языку. Поэтому большинство философских систем использует в качестве терминов (в особенности при обозначении категорий) преимущественно слова народного языка, сохраняя в значительной степени их многозначность. Это придает философским понятиям гибкость, противоположную жесткости более или менее формализованных систем науки.⁸⁰ Момент неопределенности, нестройной однозначности философских терминов отнюдь не всегда является недостатком. В определенных границах он — ее необходимая специфика, позволяющая немедленно отражать изменения в совершенно разных областях политики, идеологии, науки, культуры. В этой связи соотношение философских терминов и терминов той или иной науки отличается от соотношения терминов различных наук.

Слова, выражающие в философии категорию «цель» и связанные с ней понятия, являются одновременно специальными терминами категориального характера в психологии, зоопсихологии, физиологии, биологии, кибернетике, экономической науке. В этом — одно из отличий рассматриваемой категории от некоторых других (например, причины, необходимости, возможности, общего и т. д.), не являющихся терминами частных наук. В «целевых» терминах науки фиксируются стороны, ответвления единого развивающегося понятия — категории цели. Это единство определяется общностью важнейших отражаемых отношений, историей развития понятия, общим мировоззренческим смыслом, положением на накладываемой категориальной сетке. Поэтому выражаемые в этих терминах понятия суть проявления и применения одной категории, фиксируемой в философском термине «цель». Рассмотрение указанных научных терминов под углом зрения данной категории вводит их для оценки и «обработки» в сеть категорий как систему операторов. Философский термин, налагая ограничения на варьирование значений слова, позволяет в то же время фиксировать новое значение, соответствующее бурному развитию научного познания и отличающееся от значения этого слова в быденном языке. Элемент такого расхождения наблюдается и в развитии термина «цель». Как мы видели, происходящие изменения не противоречат, однако, ни этимологии слова, ни общим закономерностям развития связанного с ним содержания философских воззрений. В случаях же особенно резкого изменения значения вполне оправдано введение совершенно нового тер-

⁸⁰ Ребане Я. К. О влиянии языка на категориальную структуру мышления. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по философии. XI, 1968, с. 56—57.

мина, непривычность которого акцентирует новизну смысла, при-
нуждая четко противопоставлять его старому значению.

Выражением такой необходимости было введение термина «телеономический». Этот термин был предложен К. Питтендраем для обозначения особенности поведения целенаправленных систем, подчеркивающего их причинно-обусловленный характер. Он призван, согласно намерению этого автора, указывать на противоположность современного понимания подобных систем телеологической интерпретации, не допуская, чтобы санкционированный кибернетикой «телеологический жаргон» понимался в духе реставрации телеологии.⁸¹ Если биологи, применяющие сейчас этот термин, согласны с основным — с выраженным им материалистическим пониманием целесообразности, то в вопросе границ его применения существуют расхождения. Питтендрай употребляет его по отношению к организованным системам вообще. С этим несогласен Г. Симпсон, указывающий, что общее понятие организации нельзя отождествлять с понятием биологической организации.⁸² Телеономические свойства организма тождественны, согласно Г. Симпсону, приспособлению, объясняемому естественным отбором.⁸³ Почти в таком же смысле применительно к биохимическим процессам в клетке говорят о «телеономии» Б. Дэвис, Ф. Жакоб и Ж. Моно, акцентируя внимание на отношениях саморегуляции.⁸⁴ Г. Лагуна применяет это слово для выражения процессов эволюции вообще, включая развитие социальных систем, а также обозначая им направленность филогенеза.⁸⁵ Против такого расширенного понимания возражает Э. Майр. Он указывает на известную неопределенность термина у самого Питтендрая, давшего ему лишь отрицательное определение, как отношению систем, «не подлежащему аристотелевской телеологии». Э. Майр строго ограничивает «телеономию» лишь классом систем, действующих на основе программ, определенного информационного кода. Он указывает на необходимость разграничения двух родов направленности процессов в органической природе. Направленностью обладает, во-первых, филогенетическое развитие, в ходе которого отбор совершенствует генотип, соответствующую ему генетическую информацию. Во-вторых, на-

⁸¹ Pittendrigh C. S. Adaptation, natural selection and behavior. — In: Behavior and evolution. New Haven, 1958, p. 394.

⁸² Simpson G. G. Behavior and evolution. — Ibid., p. 520.

⁸³ Simpson G. G. Organisms and molecules in evolution. — Science, vol. 146, 1964, N 3652, p. 1536.

⁸⁴ Дэвис Б. Телеономическое значение регуляторных механизмов биосинтеза; Моно Ж., Жакоб Ф. Телеономические механизмы в процессах клеточного обмена, роста и дифференцировки. — В кн.: Регуляторные механизмы клетки. М., 1964.

⁸⁵ Laguna G. A. The role of teleonomy in evolution. — Philosophy of Science, vol. 29, 1962, N 2, p. 120—125. В последнем широком значении термин «телеономический» употребляется К. М. Завадским и М. Т. Ермоленко (указ. соч., с. 232).

правленными являются процессы реализации этой информации в онтогенетическом развитии. Майр считает необходимым ограничить применение термина «телеономический» исключительно процессами второго рода. «Развитие или поведение индивида, — говорит он, — служат определенной цели, отбор же — решительно нет».⁸⁶ Распирительное применение термина «телеономия» вплоть до охвата направленности развития вообще или направленности, связанной с любым видом регуляции (филогенез, общественный прогресс), лишает его эвристической ценности и роли в борьбе против телеологии.

Признание важности проблемы терминологии не должно превращаться в ее переоценку, в тот вербализм, против которого когда-то предупреждал А. Лабриола, отмечая склонность некоторых авторов-марксистов оказываться «во власти новых слов, ими же пущенных в обращение».⁸⁷ Только от того, что мы вместо слова «телеология» станем употреблять слово «телеономия», дело ничуть не изменится, как не изменилось оно и тогда, когда вместо слова «энтелехия» некоторые авторы стали употреблять слово «информация», а неотомисты. вместо классической «формальной причины» стали говорить о «системе» или «структуре», заменяя «гилеморфизм» современнее звучащим «гилесистемизмом». Попытки видеть в отличии «телеономии» от «телеологии» лишь простую смену знаковых обозначений имеются. «Еще несколько десятилетий назад, — пишет, например, биохимик Э. Рэкер, — телеологию можно было сравнить с дамой дурной репутации, с которой все знакомы, но никто не рискнет появиться в обществе. В последние годы нравы резко изменились. Из сочинений современных биологов мы знаем, что наша дама обзавелась теперь брачным свидетельством, а вместе с ним и новым именем „телеономия“... Наша дама стала теперь уже законной женой и, на мой взгляд, она просто очаровательна».⁸⁸

Обусловленная происшедшими категориальными изменениями и новой философской интерпретацией сложность термина «цель» состоит в первую очередь в том, что он имеет в пределах самой философии два значения. Первое, широкое, соответствующее «телеономическим» отношениям вообще, — в живой природе, в деятельности сознания, в социально-экономических отношениях, в кибернетических устройствах. В системе категорий диалектики понимаемая в этом значении «цель» расположена в точке взаимопроникновения категорий группы «форма» (целое, форма) и категорий группы детерминизма, в которой «причина» является центральной. Осознание этого значения категории цели, выдвиг-

⁸⁶ Mayr E. Cause and effect in biology. Kinds of causes, predictability and teleology are viewed by a practicing biologist. — Science, vol. 134, 1961, N 3489, p. 1504.

⁸⁷ Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории, с. 18.

⁸⁸ Рэкер Э. Биоэнергетические механизмы. М., 1967, с. 232.

жение ее на одно из первых мест в понятийном аппарате философии отвечает как роли кибернетических представлений в современной науке вообще, так и формулированию в биологии «таких понятий, которые носят синтетический характер, являясь системно-структурными и вместе с тем каузальными понятиями».⁸⁹

Второе, более узкое значение относится только к сознанию и деятельности человека. Оно есть конкретизация первого, однако, в отличие от других его конкретизаций само относится к системе важнейших понятий философии. Как мы убедились в первой части нашей работы, философское понятие цели человека нельзя отождествлять с «целью» в психологии. В теории познания, в этическом аспекте марксистской философии, в историческом материализме сознательная цель занимает место, отвечающее признакам и роли категории.

Создается особое положение, когда единая категория выступает как бы в двух ипостасях, в виде двух модусов. Подобное положение способно, конечно, создавать иногда немалые трудности, но оно — реальность, которая не зависит от желания философов сделать все более простым и более ясным. В этой сложности проявляется более общая сложность отношений тождества и различия в марксистской диалектике, всеобщей теории развития действительности и теории познания.

⁸⁹ Сержантов В. Ф. Введение в методологию современной биологии. Л., 1972, с. 246.

Глава 1

О тенденциях эволюции телеологии в позднебуржуазной философии

Понимание категории цели и эволюция телеологии в новейшей буржуазной философии, отражая изменения в условиях общественной жизни и развитие науки и ее методов, продолжает некоторые общие тенденции философской мысли, сложившиеся еще в прошлом веке.¹

Поворот буржуазной философии к идеализму означал одновременно и поворот к телеологии. Но период, когда телеология, наряду с ее примитивными и мистическими течениями, могла быть формой постановки и глубокой разработки великих философских проблем, окончился. Теперь мы не находим в телеологии и сколько-нибудь значительных оригинальных идей, относящихся к самой категории цели. В основном переизлагаются старые положения, «освобожденные» от нередко содержавшихся в них элементов диалектики. Новым является лишь тот естественнонаучный материал, на который стремится опереться телеология, некоторое дифференцирование и уточнение понятий, передвижение акцентов. Буржуазная философия прошлого столетия оказалась не в состоянии правильно оценить открытие Дарвина. Она отвергла открытие Маркса, имевшее аналогичное значение для вопроса целесообразности в понимании общества. Возникает характерная для поздней буржуазной философии дилемма виталистской телеологии и грубо-механистического детерминизма.

Из форм телеологии позднебуржуазной философской мысли прежде всего укажем на концепции лейбнизианского типа, наиболее значительное место среди которых принадлежит учению Лютце. В нем соединяются две тенденции, выступающие начиная с середины прошлого века все более отчетливо в буржуазной философии: тенденция к сближению с естествознанием, к разра-

¹ В предлагаемом обзоре телеологических течений буржуазной философской мысли не рассматриваются телеологические в своей тенденции концепции, связанные с абсолютизацией категории целого. Несмотря на важность их для данной темы, в этом нет необходимости, поскольку в нашей литературе имеется глубокий и подробный анализ этих течений (см.: Кремьянский В. И. Организмические теории целостности и уровней организации. — В кн.: Проблема целостности в современной биологии. М., 1968).

ботке научно-методологических проблем с позиций буржуазной идеологии и тенденция к превращению в теоретическое обоснование этических, эстетических, религиозных взглядов, т. е. к разработке проблем, непосредственно затрагивающих комплекс чувств общественного человека, мир его стремлений, оценок и идеалов.

В рамках своей концепции, которую он сам назвал «телеологическим идеализмом», Лотце сумел затронуть некоторые важные темы. К ним относятся идея жизненного процесса как активной борьбы против нарушений внутренних соответствий в организме, идеи саморегуляции обмена веществ, роли структуры, отрицания результата действия путем усиления самого этого действия.² Однако все это у Лотце связывается с признанием множества первоначальных нематериальных сущностей, якобы лежащих в основе реального мира. Разновидность лейбницевских монад определяет предрасположенность материальных элементов к целесообразным действиям. Это делает возможным возникновение органических структур из хаоса случайных сочетаний частиц материи.³

Существование монад выводится из аналогии с нашим внутренним «Я» при помощи аргументов, близких идеям кантовской «Критики практического разума». Но при этом целенаправленность в природе оказывается требованием уже не сурового «практического разума» Канта, этого эха революционных свершений, а сладенького добросердечия буржуа, отказавшегося от революционных чаяний, но не превратившегося еще в империалистического хищника. Этот буржуа ценит и нравственный долг, и красоту, и порядочность в деловых отношениях, и блага жизни, и догматы ставшей столь полезной для него религии. Все это обобщается в понятии «ценность». Основные ценности человека это, согласно Лотце, добро, красота, истина, справедливость, святое. Ценность относится у него к категориям телеологии как особый вид целей. Они выходят за рамки познавательной деятельности, на них указывает не разум, а вера. Мышление же при этом направляется чувством почитания.⁴

У Тейхмюллера, создававшего свою систему под влиянием Лотце, мы не найдем уже каких-либо рациональных мыслей по вопросу цели, которые еще не были полностью чужды философии последнего.

Все бытие покоится в «Я». Другие существа могут мыслиться только по аналогии с ним. Поэтому понять сущность природы мы можем постольку, поскольку продвигаемся в познании «Я». Мир состоит из множества «Я» — первоначальных духовных атомов, деятельность которых подчиняется закону цели. Тейхмюллер

² Lotze H. Kleine Schriften. Bd I. Leipzig, 1885, S. 198—207.

³ Lotze H. Mikrokosmos. Bd II. Leipzig, 1905, S. 40.

⁴ Ibid., S. 15—16; Bd III, S. 105—106.

признает близость своего персонализма телеологии Лейбница. Он охотно назвал бы себя лейбницианцем, если бы не шел отличным от Лейбница путем к общим выводам. Лейбниц в своей философии исходил из вещей, над ним довлел Эпикур.⁵ Тейхмюллер же отправляется от самосознания, оставаясь глубоко чуждым естественнонаучным интересам. Но и телеология самосознания Фихте его не может удовлетворить. Фихте слишком высоко ставил знание, был слишком рационалистичен. Самосознание, поскольку оно первично по отношению к сознанию, может быть бессознательным, и его нельзя отождествлять с знанием.⁶ Цель поэтому также может быть бессознательной. Идея цели получается тогда, когда все деятельности координируются в целое единой руководящей властью нашего «Я». Природа — телеологическое единство, в котором прошлое определено не только еще более ранним прошлым, но и будущим. С позиций теистической телеологии Тейхмюллер яростно выступал против Дарвина.⁷

В иррационализме, оформляющемся в самостоятельное направление позднебуржуазной философии, телеология не представляет собой общего момента. Для этого направления, в той или иной мере отрицающего существование закономерностей в «этом безумном мире», традиционная телеология, опирающаяся на абсолютизацию порядка, законов в природе, слишком рассудочна. Иррационалисты или развивают телеологию в ее мистической форме, или вообще не занимаются этой проблемой в натурфилософском плане, почти всецело ограничиваясь рамками второй указанной выше тенденции развития новейшей буржуазной философии. Следует отметить понимание категории цели представителями иррационализма — А. Шопенгауэром, Э. Гартманом и А. Бергсоном, которые до сих пор продолжают оставаться философским знаменем некоторых телеологических направлений в биологии.

Учение А. Шопенгауэра может служить примером начинающегося сразу после Гегеля упадка телеологии. Построенная в основном из элементов учений Канта, Шеллинга и Фихте, его телеология не восприняла содержавшихся в них диалектических идей.

Центральным понятием этой системы является воля, образующая основу мира. Все процессы природы определяются лежащими в их сущности волевыми стремлениями, бессознательными на низших ступенях развития. Шопенгауэр строит своеобразную телеологию без понятия «цель»: «Отсутствие всякой цели, всякой границы действительно составляет существо воли в самой себе, которая вся — бесконечное стремление».⁸

⁵ Teichmüller G. Die wirkliche und die scheinbare Welt. — In: Neue Grundlegung der Metaphysik. Breslau, 1882, S. 138.

⁶ Ibid., S. 73.

⁷ Teichmüller G. Darwinismus und Philosophie. Dorpat, 1877, S. 39.

⁸ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. СПб., 1881, с. 194.

Возвращаясь к идеям средневековья, он ссылается на Августина для подтверждения тождества стремления вещей и воли человека. Непосредственная воля на каждой ступени ее, это — «идеи», виды, формы, сохраняющиеся в движении вещей в качестве первообразов. «Аристотелева *forma substantialis* означает именно то, что я называю степенью объективации воли в данной вещи».⁹ Таким образом, формы вещей, играющие роль объективации первичной «бесцельной» воли, выступают все же как «конечные причины», цели движения вещей. В словесном же отрицании Шопенгауэром целей в основе природы проявляется антиинтеллектуализм его философии, отрицание цели как формы мышления.

Взгляды Шопенгауэра на органическую целесообразность, несмотря на то что они повторяют ряд положений Канта и Шеллинга, антидиалектичны. Правда, Шопенгауэру принадлежит определение понятий внутренней и внешней целесообразности, в чем он явно следует Канту.¹⁰ Он далек от понимания глубины гносеологических проблем, затронутых Кантом в учении о цели в биологических науках. Он видит в этом лишь объяснение антропоморфических представлений о явлениях природы, приравнивая эти мысли Канта к высказываниям Юма и даже Симплиция. Он не может оценить попытку Канта найти общие корни у целесообразности и красоты. По-средневековому категорически он не допускает применения законов одной области природы для познания другой ее сферы.¹¹ Не менее категорически им отрицается возможность обратного воздействия следствия на причину, отбрасывается само понятие взаимодействия, исключается переход случайности в необходимость.¹²

Шопенгауэр отвергает материализм в биологии, который якобы сводит развитие к голой случайности. Идея в природе существует в качестве органического вида. «Только за видом сохраняется реальное значение».¹³ В то время как природа «мало заботится об индивидуе, она с тем более чрезмерной заботой следит за сохранением видов».¹⁴ Все целесообразно подчинено обеспечению жизни вида. На поддержание необходимой численности вида направлена рождаемость. Перенаселение невозможно.¹⁵ Вид и среда — единство, в основе которого лежит «мировая воля». «Поэтому каждое растение соответствует своей почве и климату, каждое животное — своей стихии и добыче, которая должна поступить ему в пищу».¹⁶ Органы живого существа должны рас-

⁹ Там же, с. 169.

¹⁰ Там же, с. 183.

¹¹ Schopenhauer A. *Sämmtliche Werke*. Bd II. Leipzig, 1891, S. 627—633.

¹² Ibid., Bd I, S. 153.

¹³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление, с. 156.

¹⁴ Schopenhauer A. *Sämmtliche Werke*, Bd V, S. 115.

¹⁵ Ibid., S. 166.

¹⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление, с. 189.

смагиваться в качестве выражения воли, проявляющейся как стремление не индивидуума, а вида. «Форма каждого животного — вызванное условиями стремление воли к жизни», — пишет он.¹⁷ Воля первичнее конкретного организма. Она — прото-организм, из движения и дифференциации которого все возникает.¹⁸ Шопенгауэр положительно отзывался о Ламарке, переняв у него телеологически истолкованный принцип единства организма и среды, изменения организма под воздействием потребности, внутреннего чувства. Он отверг материалистическую сторону учения Ламарка, критикуя с кантианских позиций идею объективности времени и пространства. С признанием ее он связывал эволюционизм, учение Ламарка о непрерывном ряде изменений, приводящем к возникновению новых форм.¹⁹

Субъективно-идеалистическая точка зрения Шопенгауэра на пространство и время связана с телеологическим учением о порождении видов. Вид, согласно Шопенгауэру, — объективация воли, стоит неподвижно вне времени. Изменения происходят поэтому только через внезапные скачки, не обладающие длительностью. При определенных условиях, когда чем-либо задержанная «жизненная сила» резко возрастает и приходит в состояние напряжения при благоприятном сочетании атмосферных и почвенных влияний, парой организмов порождается не просто индивид, но другой вид, лучше соответствующий окружающим условиям. Шопенгауэр выдвигает идею полифилетизма: порождение одних и тех же видов происходит независимо друг от друга одновременно в различных местах. Например, из икринки рыбы может один раз возникнуть змея, другой же раз — ящерица, от рыб одного отряда — рыбы другого отряда или черепахи и т. д.²⁰

Телеология Э. Гартмана выражает реакцию идеолога земельной аристократии на научный прогресс, обусловленный ростом капитализма и связанный с подъемом рабочего движения. В нем прослеживается стремление противопоставить учению Дарвина систему идеалистических и иррационалистических положений. Оно наложило отпечаток на основное понятие его философии — «бессознательное», которое обладает чертами, сближающими его с «жизненной силой» витализма. Бессознательное, первооснова мира обладает слепой, неразумной волей, творящей «что» мира, его реальное существование, и представлением, целесообразно управляющим неразумно сотворенным. Проявлением бессознательного является сила, в которой воля воплощена в стремление, а представление — цель — в направление действия этой силы. Мировой процесс обладает бессознательной целенаправленностью,

¹⁷ Schopenhauer A. Sämtliche Werke, Bd III, S. 236.

¹⁸ Ibid., S. 244.

¹⁹ Ibid., S. 243.

²⁰ Ibid., Bd V, S. 168.

противостоящей алогичным действиям воли. Все происходящее в природе, обществе и психике человека есть реализация цели, которую поставило бессознательное.

Отстаивая телеологическое понимание жизни, Э. Гартман ссылаясь на традицию Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра. Крайне враждебно относится он к позиции Канта. Кардинальной ошибкой последнего, согласно Э. Гартману, является то, что он исключил цель из числа категорий, оставив за ней значение лишь регулятивного принципа. Э. Гартман использовал слабость позиций Канта при попытке разграничить конститутивные категории и регулятивные принципы для утверждения телеологии в ее онтологическом значении. Цель должна быть не просто конститутивной, объективной, но и являться центральной, основной категорией, от которой зависит принцип причинности.²¹ Э. Гартман заявлял, что, следуя за Шеллингом и Гегелем, он заполнил разрыв, существовавший у Канта между причинностью и целью.²² На самом же деле он преподносил давно известные утверждения о том, что причинность якобы входит во всеохватывающую целесообразность в качестве ее интегральной части, что признание законов в действительности неизбежно предполагает телеологию.²³ Причины явления суть лишь средства целей, лежащих в сущности природы и определяющих собой все — от атома до человеческого общества. Дарвиновский отбор тоже не что иное, как средство целей бессознательного, влияющее только на внешние признаки организмов. Дарвинизму им противопоставлялся ламаркизм и теория ортогенеза. Ссылаясь на работы Келликера, Нэгели, Эймера и других антидарвинистов, Гартман приветствовал «оттеснение» теории Дарвина, в то время как «принципы Жоффруа и Ламарка все больше выдвигаются на первый план».²⁴ В особенности им отстаивалась идея внезапного скачкообразного возникновения видов, «разового», по его словам, порождения организмами одного вида организмов другого вида.²⁵

Телеология Э. Гартмана, опиравшаяся на идеализм в биологии, оказала в свою очередь воздействие на биологов-виталистов, в особенности на психоламаркистов, восторженно ее приветствовавших.

А. Бергсон отвергал как «механизм», так и радикальную телеологию. Под «механизмом» он по существу понимал детерминизм, придавая ему утрированно механистический вид. Как бы опасаясь возможности рассмотрения механицизма в качестве ограниченной формы детерминизма, который может быть развит дальше, Бергсон заявлял, что механицизм надо или принять полностью, или полностью отбросить. Тем самым учению о причинности навя-

²¹ Hartmann E. Kategorienlehre. Bd III. Leipzig, 1923, S. 402.

²² Hartmann E. Philosophie des Unbewussten. Th. III. Leipzig, S. 455.

²³ Ibid., S. 470.

²⁴ Ibid., S. 339.

²⁵ Ibid., S. 356—362.

зывалась заведомо проигрышная позиция. Итог исследования заранее известен: необходимо утвердить телеологию, создав видимость ее обновления. Бергсон этого и не скрывал, говоря, что развиваемая им философия «необходимо включает... известную долю телеологии».²⁶ Он расширяет понятие телеологии с тем, чтобы все не входящее в механическую причинность оказалось включенным в концепцию «конечных причин».

Интересная сама по себе мысль Бергсона рассмотреть цель в качестве модели связана с ошибочным пониманием практической деятельности. Во-первых, практическая, производственная деятельность (от которой Бергсон в принципе отличает творческую деятельность в сфере искусства) состоит якобы исключительно из механических действий. Бергсону необходимо показать, что детерминизм есть экстраполяция человеческой деятельности на природу, антропоморфизм. Для этого практическая деятельность объявляется сугубо механической. Производство противопоставляется организации как деятельности, состоящая якобы исключительно в составлении частей. Между отдельными актами, из которых она складывается и отдельными частями продукта, имеется однозначное соответствие.²⁷ При организующей деятельности такого соответствия нет. Во-вторых, деятельность как творчество противопоставляется действительности, как якобы несоизмеримая с ней. Яркая характеристика активной природы ощущений и понятий противопоставляется их пониманию как отражений. Активность познания превращается в доказательство невозможности соответствия понятий действительности. Поэтому и сознательная цель человека не может рассматриваться как отражение последней. Сознание вспыхивает только там, где возникает остановка действия в результате препятствия или из-за выбора и колебаний. Новое не имеет сознательной цели, его создание не подлежит планомерному регулированию. Бергсон констатирует несоответствие между целью и ее реализацией, абсолютизируя этот момент как якобы доказательство противоположности между рутинной деятельностью воспроизведения и творчеством нового. Поскольку действия являются внутренним переживанием, они не могут быть предвидимы, даже если после их совершения они и объясняются как порождение предшествующим. Творческая деятельность — порыв, выражение неподконтрольной разуму жизненной силы, с которой человек сливается и которая осознает себя в акте интуиции.

В учении о длительности как иррациональной сущности мира, воспринимаемой нами непосредственно в психических процессах и органической эволюции, Бергсон в мистической форме выразил факт антиэнтропийного характера жизни. Если для выражения неорганического мира инертное рациональное познание

²⁶ Бергсон А. Собр. соч., т. I. СПб., 1913, с. 40.

²⁷ Там же, с. 85.

еще может как-то служить, представляя мир в виде обратимых процессов, где не создается нового или происходит дегенерация, то оно совершенно не годится для выражения жизни. В живой природе, как и в сознании, происходит непрерывное творчество, рост гетерогенности, накопление опыта. Это учение, составляющее основу бергсоновской телеологии, представляет в определенном отношении, как указывает Н. Винер,²⁸ отклик на переход от ньютоновского обратимого времени к необратимому времени статистической термодинамики.

Все погружено в единую струю живого творческого потока. В связи с этим Бергсон критикует концепцию внутренней целесообразности за то, что она имеет в виду только отдельные существа. Указывая на относительность понятия биологического индивида, он восклицает: «Целесообразность должна быть внешней, или же она ничто».²⁹ В соответствии с идеей слепого, целеустремленного потока нерасчлененной длительности Бергсон относит целесообразность ко всей жизни в целом. Отдельные виды, как и индивиды, получают от целого порывы, стремясь использовать их энергию к своей выгоде. В этом существе приспособления как активного творчества. В теории творческой эволюции Бергсон использовал, по-своему интерпретируя, теорию ортогенеза и неоламаркизм. Указывая на факты конвергенции и аналогий в животном мире, он объяснял их психологическими причинами.

Манипулирующая понятием ценности аксиологическая линия позднебуржуазной телеологии получила наиболее полное выражение у неокантианцев, особенно в марбургской школе. Категория цели используется ее представителями для обоснования дуализма природы и человеческой культуры, науки и философии. Она не может быть предметом естествознания, поскольку выходит за пределы его опыта. Рассматриваемая категория принадлежит всецело сфере морали, духовных ценностей. Представляя собой принцип этики, цель связывается с верой, правда «моральной» и «разумной», как подчеркивал Г. Коген.

Претензия представителей этого направления на выдвижение в центр системы категории «будущее» и пропасть между абстрактной теорией ценности и реальной действительностью направлены на то, чтобы заключить рабочее движение в незыблемые рамки буржуазного общества. В марбургской школе выдвигается идея «дополнения» детерминизма телеологией. Признается, что марксизм открывает законы существующего экономического движения и дает ему причинное объяснение. Но в этих причинных отношениях он якобы не в силах найти масштаба для цели сознательного и планомерного переустройства социальной действитель-

²⁸ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1958, с. 55.

²⁹ Бергсон А. Собр. соч., т. I, с. 41.

ности. Желаемая цель — социализм — может быть осуществлена только в сознательной деятельности, которая изымается из детерминации экономическими причинами. Выяснение причин надо дополнить абстрактными принципами целеполагания, ценности. Соответственно, Маркса необходимо соединить с Кантом, исторический материализм с этической телеологией, согласно требованиям неокантианских «социалистов».³⁰

Телеологические взгляды, близкие этому течению неокантианства, развивал чехословацкий философ К. Энглиш. Согласно его точке зрения, научное познание направлено не на внешние объекты, а на представления и понятия. Задача его — определение метода, с помощью которого в мыслях конституируется некоторый объект. Последнему поэтому всегда предшествует соответствующий способ созерцания.³¹ Искать какие-либо причины в самой природе так же бессмысленно, как и предполагать в ней наличие целей. «В природе нет... никаких причин и никаких следствий».³² Суждения о каузальной или телеологической структуре природы в равной мере неправомерны, носят или натурфилософский или религиозный характер.³³

Энглиш не оспаривает принципа единства объективного мира,³⁴ но постулирование полной независимости форм созерцания от внешней действительности позволяет ему представить эти формы не имеющими между собой ничего существенно общего. Естественнаучный, причинный с его принципом силы, телеологический, соответственно с принципом пользы, и нормативный роды созерцания оторваны в этой философии друг от друга, гетерогенны по своему логическому строению. Все же два последних оказываются весьма родственными друг другу, ибо оба предполагают наличие субъекта. Норма возникает всегда только телеологически, в основе ее лежит посторонняя воля, цель внешнего, по отношению к ее реализации, субъекта. Зато между причинной и телеологически-нормативной формами лежит непроходимая пропасть. «„Полезность“ не может мыслиться причинно»³⁵ ни в каком отношении. Целевая связь абсолютно исключает какой-либо вид причинного подхода. Между каузальным детерминизмом и телеологией не может быть опосредствующих звеньев. Энглиш резко выступал против В. Вундта и нормативистов за их утверждение, что целевая связь есть перевернутая причинная зависимость. Телеология, согласно Энглишу, не может быть обра-

³⁰ Richter F., Wrona V. Neukantianismus und Sozialreformismus. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1974, N 3.

³¹ Engliš K. Finanzwissenschaft. Abriss einer Theorie der Wirtschaft der öffentlichen Verbände mit besonderer Berücksichtigung der Tschechoslowakei. Prag—Leipzig—Wien, 1931, S. 352—354.

³² Ibid., S. 356.

³³ Ibid., S. 371.

³⁴ Ibid., S. 359.

³⁵ Ibid.

щенной каузальностью, поскольку в качестве необходимого признака ее выступает желание.³⁶ Последнее при этом понимается не в смысле реального психического процесса, а как некоторая формальная структура созерцания, начисто отделенная от этого процесса.

Телеология Энглиша задумана ради построения моделей социальных процессов, как теоретико-познавательное обоснование политической и экономической концепций «регулируемого» капитализма. Упомянутый выше разрыв между целевой зависимостью и ее компонентами (полезность, потребность, ценность, доход, издержки), с одной стороны, и причинностью — с другой, а также разделение собственно телеологического и нормативного подходов отвечают действительному разрыву между предполагаемым общегосударственным планом-нормой и целями частных предприятий. Люди — эгоисты, способные преследовать только собственную выгоду. К солидарности их должна привести норма.³⁷ Поскольку норма оторвана как от объективных внешних условий, так и от реальных стремлений частных собственников, придать существующему положению вид неизбежного, вечного и призван данный вариант телеологии с характерными для него формализмом и разрывом между причинностью, целью и нормой. Противоречивость этой телеологии — слепок с противоречивости теории «капитализма, регулируемого в общечеловеческих интересах». Энглиш подчеркивал противоположность указанного «регулирования» социалистическому переустройству экономики. Оно исключает обобществление производства,³⁸ в силу чего не противоречит сколько-нибудь серьезно «демократической политической системе».³⁹ Наоборот, посягающий на частную собственность «последовательный марксизм убивает демократию»,⁴⁰ — заявляет Энглиш, раскрывая антикоммунистическую направленность своей телеологии.

Можно было бы и не касаться далеко не самых интересных построений К. Энглиша, если бы он не явился одним из философских вдохновителей некоторых течений модного в самом недавнем времени структурализма, на чем нам еще придется остановиться ниже.

В общем наступлении телеологических идей особое место принадлежит позитивизму. Ниже мы постараемся подробнее осветить его роль, сейчас же отметим только, что это течение, осуждая телеологию, выступило одновременно и против материалистического понимания причинности, чем создало логические и психологические предпосылки для примирения с концепциями «конечных причин».

³⁶ Ibid., S. 360—362.

³⁷ Ibid., S. 415.

³⁸ Engliš K. Regulierte Wirtschaft. Prag, 1936, S. 114.

³⁹ Ibid., S. 127.

⁴⁰ Ibid., S. 126.

Использование телеологических теорий в интересах буржуазии и ее государства усилилось в промежутке между мировыми войнами. Помимо самих философских учений, для этого возникли определенные возможности и в ряде наук. К ним относились рассмотренный нами неовитализм и близкие к нему организмические концепции, временные трудности, с которыми столкнулась дарвиновская теория, гештальтизм в психологии, телеологические направления в лингвистике. Надежды у сторонников и пропагандистов телеологии породил в конце 20-х и в 30-е годы «квантовый индетерминизм» — неправильное истолкование обнаруженных специфических форм детерминации в микромире. Эти надежды и общий партийный характер телеологии в этих условиях весьма ясно выразил профессор теологии тогда буржуазного Тартуского университета персоналист Э. Тенманн. «Не является тайной, — писал он, — что еще лет тридцать тому назад о целенаправленности и целесообразности не хотели и слышать в научном мире, а отдельные естествоиспытатели, придерживавшиеся таких идей, были в меньшинстве. Теперь картина очень изменилась, материалистический радикализм все более отступает даже среди естествоиспытателей. Сломаны рога материализма».⁴¹

Глава 2

Категория „цель“ в телеологических системах современной идеалистической философии

Неотомизм

По признанию неотомистов, доктрина «конечных причин» — «основная и лучшая часть» их философии.¹ Более того, только телеологические учения и достойны именоваться философскими. «Это гарантировано в томизме его глубоко телеологической структурой, высшим плодом которой является Первая Причина и Конечная Цель всего существующего».² Предоставляя «пятое доказательство» существованию бога, учение о «конечных причинах» образует основу религиозной философии. Одновременно посредством этой же доктрины неотомизм пытается приспособиться к развитию науки. В связи с этим телеологии неотомизмом придается едва ли не большее значение, чем это делалось самим знаменитым создателем «вековой» философии, поскольку она якобы отвечает духу современного научного познания.³ В то же время она весьма предусмотрительно отделяется от самой науки как часть философии природы, смешивать которую

⁴¹ Tennmann E. Hinge surematus. — Noor Eesti, filos. seeria, 1935, lk. 115—116.

¹ Миллер Р. Личность и общество. М., 1965, с. 102.

² Mihaelich J. C. Existentialism and thomism. New York, 1960, p. 72.

³ Bortolaso G. Nuovi aspetti delle cinque vie tomistiche. — La civiltà cattolica, 1965, vol. IV, N 22, p. 360.

с естествознанием, согласно неотомизму, ошибочно. Этим допускается видимость эмансипации науки от «конечных причин» и, с другой стороны, подыскиваются основания для провозглашения телеологии неизбежной в ее сущности.⁴

Гносеологические корни томистской телеологии те же, с которыми мы встречались в истории категории. Может быть, только томистам стоило бы поставить в своего рода заслугу, что эти источники ими обозначены с грубой отчетливостью как предупредительные дорожные знаки для не задумывающихся о последствиях любителей рискованных философских поворотов.

Телеологическую интерпретацию получает идея всеобщей взаимосвязи во вселенной, понимаемой как всеобщая взаимосогласованность. Все отражается во всем. Организованность форм, корреляция частей и конформный характер законов космоса свидетельствует о целевой предупорядоченности, телеологичности всеобщей связи.⁵ Телеологизация универсальной координации космоса, устремленной к богу, представляется отвечающей законам современной науки.

В содержание понятия объективного закона природы вносится представление о целенаправленности,⁶ о соотношении цели и средств.⁷ Поэтому развитие естествознания, раскрывающее все большее число законов природы и внутреннее единство, соответствие между ними, не может не демонстрировать истину телеологического миропонимания. Закон — отражение единого божественного плана.⁸

Не обошли неотомисты стороной и идею всеобщей организованности.

В концепции президента Лувенского института философии Л. Ноэля был показан вариант учения о «конечных причинах» как факторах организации. Целевые причины не могут нарушать причин действующих. Они — сторона причинности, организация причин и следствий. Действие цели не представляет собой силы, дополнительной по отношению к причинам, но есть способ бытия их самих. Эффект ее — в способности причин производить следствие, характеризующееся определенным расположением элементов. Целевая причина проявляется, таким образом, в организованности естественных сил.⁹ Без чего-либо сверхъестественного она определяет гармонию естественной причинности.¹⁰

⁴ Gilson E. D'Aristote a Darwin et retour. — In: Essai sur quelques constantes de la biophilosophie. Paris, 1971, p. 9.

⁵ Celestia P. Appunti di cosmogonia e astronomia. Opere, vol. II. Roma, 1927, p. 141—143.

⁶ De Coster J. Le problème de la finalité. Louvain, 1887, p. 55.

⁷ Giacom C., Polvani G. I diversi significati e gradi della finalit . — In: Causalit  e finalit . Firenze, 1959, p. 189—190.

⁸ Der Papst sagt. Lehren Pius XII. Frankfurt-a.-M., 1955, S. 156.

⁹ No l L. Le determinisme. — Akademie Royal de Belgique, t. 11, 1906, p. 276.

¹⁰ Ibid., p. 285.

«Порядок координации», господствующий в природе, может возникнуть в результате действия и одних действующих причин, но только как случайность. Устойчивый порядок, соответствие, организация могут быть объяснены лишь действием конечных причин, осуществляющимся через действующие причины.¹¹

Тот же мотив соответствия распространяется неотомистами и на отношение действующей причины к ее следствию. Структура причины «направляет причинный процесс на получение определенного следствия».¹² Перенос структуры на следствие есть направленность, трактуемая как действие формы. Поскольку форма выступает в качестве организующего принципа, она является целью.¹³

Нетрудно представить, какие возможности для телеологии представляет спекуляция на понятии «информация». Неотомисты с радостью ухватились за толкования, отождествляющие его со структурой, формой вещей и субстанциализирующие. Некоторые представители этой философии выдвигают «динамическую телеологию» (управляющую действием) и «органическую телеологию» (состоящую в целостности, подчиняющей себе части). При этом первая сводится к более глубокой финальности второго рода.¹⁴ Кибернетика, утверждают последователи Фомы Аквинского, показав, что информация есть одновременно и получение сообщения, и порождающее действие, и организация, якобы сделала, не желая того, подлинно аристотелевское открытие.¹⁵ Проблема превращения информации в негэнтропию есть выраженная в современных терминах аристотелевская проблема генезиса организации.¹⁶ Станные, на наш взгляд, рассуждения некоторых философов-марксистов о всеобщих циклах саморегуляции в самом фундаменте материи используются для того, чтобы задать резонный вопрос о происхождении этих информационных обратных связей. Ответ на него неотомисты считают «кибернетическим доказательством бытия бога».¹⁷

Для того чтобы вдохнуть в телеологию новые силы, неотомизм обращается и к гипотетическим предположениям о нару-

¹¹ Ibid., p. 286.

¹² Mösl and A. Finalität, ihre Problematik in der Philosophie N. Hartmanns. Freiburg, 1964, S. 247.

¹³ Ibid., S. 256.

¹⁴ Duquesne M. De quinta via: Le preuve de Dieu par le gouvernement des choses. — In: De Deo in philosophia S. Thomae et in hodierna philosophia. Vol. 1. Romae, 1965, p. 77.

¹⁵ Beauregard O. C. J'a-t-il une forme moderne du concept de finalité? — In: Idée de monde et philosophie de la nature. Paris, 1966.

¹⁶ Beauregard O. C. Le dilemme objectivité-subjectivité de la mécanique statistique et l'équivalence cybernétique entre information et entropie. — In: Les Conditions biologiques indispensable à la liberté de l'homme. Leiden, 1963.

¹⁷ Dahm H. Die Interpretation natürlicher und sozialer Regelkreise in der marxistischen Philosophie. — Studies in Soviet Thought, vol. 9, 1969, N 1, S. 5.

шениях закона причинности в микромире. Если, например, причинность не имеет в нем всеобщего необходимого характера, а является только статистической, то информация может передаваться на этом уровне в чистом виде, без переноса энергии, вне материального сигнала.¹⁸ С другой стороны, выдвижение физическим идеализмом человеческой деятельности в качестве причинного фактора процессов микромира означает также возвращение к финализму как якобы научному принципу.¹⁹ С концепцией «синтропических процессов» (связанных с уменьшением энтропии), соединяющей формализм «сходящихся волн» в квантовой механике, гипотетическую обратимость времени в процессах распада элементарных частиц с телеологическим пониманием жизни, выступает математик-идеалист Фантаппи. Источник «сходящихся волн» следует во времени за ними. Он вызывает эти явления, но не в качестве причины, а как цель, их «отрицательный источник». Противоположные энтропийным, «синтропические» процессы не воспроизводятся в лабораториях, так как они не причинны. В естественных условиях они, в сложном переплетении с энтропийными процессами, проявляются в развитии эмбриона. Целенаправленность в природе, утверждает Фантаппи, предполагает существование высшей цели — бога.²⁰ Все это якобы подтверждает существование динамического целенаправленного порядка в природе, детерминацию будущим настоящим.²¹

Рассмотрение устойчивости структур, системности как проявления целесообразности позволяет подвести под телеологию все, вплоть до атома, в котором системные связи определяют скорость и направление обращения частиц.²² Устойчивость структуры составляет содержание финализированной, с точки зрения неотолизма, целостности явлений. Особенно отчетливо она выступает в организмах, где ансамбль частей направлен на совершенство целого.²³

Телеологическое понимание живой природы принимает у томистов различные оттенки. Они могут присоединяться к виталистическим учениям,²⁴ могут резко осуждать витализм, отрицая наличие в организмах отдельных духовных сущностей. В таком случае в качестве воплощения идеального выступает одна из сторон организма. Иногда в качестве такого воплощения рас-

¹⁸ Les conditions biologiques indispensable à la liberté de l'homme, p. 31.

¹⁹ Melsen A. Evolution and philosophy. Pittsburgh, 1965, p. 134—136.

²⁰ Fantappiè L. Sintesi di un finalismo fisico integrale. — In: Causalità e finalità, p. 153—160.

²¹ Bortolaso J. Dall'ordine a Dio. — La civiltà cattolica, 1967, N 2803, p. 47.

²² Mösländ A. Finalität, ihre Problematik in der Philosophie N. Hartmanns, S. 245.

²³ Gilson E. Le thomisme. Introduction à la philosophie de saint Thomas d'Aquin. Paris, 1944, p. 267.

²⁴ Stölzle R. Die Finalität in der Natur. Habelsschwerdt, 1924, S. 10.

смачивается целостность последнего. То, что у человека выступает как психическое, то у организма принимает вид целостности.²⁵

Общей для религиозной натурфилософии является связь телеологии с абсолютизацией качественной специфики живого. Возникновение категорий более высоких слоев бытия — не результат сочетания низших слоев, а проявление божественной реальности.²⁶ «Стараться вывести природу и действия одушевленных существ из их материальных составных частей... серьезный интеллектуальный грех против природы».²⁷ Объяснять явления жизни с точки зрения физики и химии равносильно попытке свести картину Рафаэля к химическому составу образующих ее красок.²⁸ Жизнь, этот целестремительный фактор, необходимо использует физико-химические средства. Физико-химическая биология при всем ее неограниченном прогрессе останется всегда только орудием, подчиненным телеологической, «типологической» биологии.²⁹

Начиная с тридцатых годов неотомисты стали переходить на позиции признания эволюционизма, но при условии его телеологизации. Естественные изменения, говорят они, происходят в рамках вида. Переход же от одного вида к другому осуществляется путем воздействия «Первой причины», использующей сотворенные существа в качестве «инструментальных причин».³⁰ В роли инструментальной причины может выступать и среда.³¹ Симпатии к ламаркизму томисты выражали уже давно. Дарвин, с этой точки зрения, вульгаризировал теорию Ламарка, которая является «наиболее ярким образцом телеологии».³² В силу этого переход к признанию эволюции придал в их глазах ламаркизму еще большее значение, и они провозгласили его «возрождение».³³

Неотомисты не отрицают случайных изменений организмов. Зато они в принципе не могут допустить превращение случайных признаков в общие и необходимые. Подобное превращение означало бы, с их точки зрения, возникновение духовного (общее, «субстанциональная форма») из определяемых материей индивидуальных различий. В связи с этим они предлагают разделять

²⁵ Zuniti G. La frontiera verso l'alto: il mondo psicologico. — In: *Causalità e finalità*, p. 33.

²⁶ Schmitz J. Disput über das Teleologische Denken. Mainz, 1960, S. 208.

²⁷ Marie A. Viruses: are They Alive? — *The New Scholasticism*, vol. XXI, 1957, N 3, p. 313.

²⁸ Olgiati F. I fondamenti della filosofia classica. Milano, 1953, p. 172.

²⁹ Maritain J. *Philosophy of nature*. New York, 1951, p. 115.

³⁰ Douceel J. Causality and evolution: A survey of some neoscholastic theories. — *The New Scholasticism*, vol. XXXIX, 1965, N 3, p. 303.

³¹ Ibid., p. 305.

³² De Coster J. Le problème de la finalité, p. 111.

³³ Nachtwey R. *Der Irrweg des Darwinismus*. Berlin, 1959. Об отношении неотомистов к ламаркизму см.: Вессель Г. Вирусы—чудо—противоречия. М., 1965.

причинные связи на случайные и необходимые. Первые лишь модифицируют действия вторых и избираются ими. Включаться же в необходимую связь, переходить в нее случайные причины не могут.³⁴ Но если все же случайности и выльются в устойчивую структуру, то это лишь только в силу того, что за этими кажущимися случайностями скрывались направленно детерминирующие элементы.³⁵

Телеология в неотомизме, как и у самого Фомы Аквинского, имеет также аксиологический аспект. Этот момент считается томистами наиболее важным.³⁶ Подлинная нравственность не может быть основана только на субъективном отношении к ценностям. Она должна иметь основу в виде «смысла бытия» природы и человека. «Смысл бытия», как и всякая ценность, предполагает целевое отношение, которое не является произвольным.³⁷ Поиски смысла жизни останутся тщетными, если их не основывать на признании целевой структуры объективной реальности.³⁸ Обоснование этических ценностей финализированной структурой бытия в свою очередь превращается в обоснование телеологического понимания бытия путем отождествления моральных принципов с физическими.³⁹

Телеология и здесь обращается к идее активности сознания, в особенности цели человека, которая будто бы исключает детерминацию материальными причинами.⁴⁰ Человек с его целями, как и все в мире, — инструмент в руках творца. «Инструментальные причины» обуславливают особенное, специфическое в вещах, бог же — причина бытия как такового.⁴¹ В сфере существования, где действуют инструментальные причины, имеет силу закон сохранения материи и движения. Естественные причины не порождают нового бытия, а только модифицируют его. Причиной самой причинности и бытия является бог.⁴² К нему как к цели устремлен порядок вселенной.⁴³

³⁴ Mösländ A. Finalität, ihre Problematik in der Philosophie N. Hartmanns, S. 227.

³⁵ Duquesne M. De quinta via: Le preuve de Dieu par le gouvernement des choses, p. 79.

³⁶ Gottardi A. La riposta del teologo al problema del fine. — In: Causalità e finalit , p. 229.

³⁷ Schmitz J. Disput  ber das Teleologische Denken, S. 5.

³⁸ Mihailich J. Existentialism and thomism, p. 86.

³⁹ Gilson E. Le thomisme, p. 488.

⁴⁰ Schmitz J. Disput  ber das Teleologische Denken, S. 159.

⁴¹ Albertson J. Instrumental causality in St. Thomas. — The New Scholasticism, vol. XXVIII, 1954, N 4.

⁴² Albertson J. The cause of being. — In: The philosophy of creation in St. Thomas. Birmingham, 1952, p. 4.

⁴³ Farrelly M. J. Existence, intellect and will. — The New Scholasticism, vol. XXIX, 1955, N 2, p. 151.

Попытки приспособления идеологии отжившего класса к новым условиям носят иногда весьма утонченный характер. Мощные социальные процессы современности отражаются не только в адекватной им идеологии рабочего класса, но и своеобразно в некоторых идеалистических и религиозных учениях.

Чтобы влить новые силы в христианство, Тейяр де Шарден попытался охватить живые силы современности: гуманизм, движение человечества к обществу, свободному от эксплуатации, науку. В связи с этим финализм у него нередко выступает лишь как дублирование теории развития. Абстрактная, максимально удаленная от антропоморфизма телеология Тейяра имеет ряд гносеологических источников и аспектов. К ним относится проблема направления абстрактно понимаемого процесса развития. Развитие всего сущего идет по пути усложнения. Это — движение к все менее вероятным состояниям. Оно требует существования универсального центра объединения.⁴⁴ Последний должен рассматриваться как предсуществующий и трансцендентный. Таковым является конечный универсальный Очаг — «Омега». Переход абсолютизации поступательности развития Вселенной в телеологию логически неизбежен.⁴⁵ Развитие понимается Тейяром де Шарденом как постоянное повышение организации материи под действием особого рода «радиальной» энергии. Понятие радиальной энергии, выдвинутое им до создания обобщенной теории информации (1940 г.), является телеологизированным выражением отношений структуры и организации, процесса их возрастания. В своих последних работах Тейяр связывал его с противоположной энтропии космической тенденцией к «состояниям все более и более центроусложненной упорядоченности».⁴⁶ Во все возрастающей сложности организации материи проявляется, как он полагал, психическое начало — внутренняя сторона реальности. Сосредоточение очагов психического во все более мощные центры соответствует возрастанию и централизации материальной организации. «Дух в нашем понимании — это в сущности способность к синтезу и организации».⁴⁷ Психика в мозгу животного и сознание в мозгу человека возникают в результате концентрации в них присущего живой материи биопсихизма.

Развивая идею биопсихизма и «внутренней стороны» материи, последователи Тейяра связывают ее с онтологическим превращением понятия информации в род структурообразующей энергии. Концепция, связывающая «клеточное биосознание»

⁴⁴ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965, с. 295.

⁴⁵ Поликаров А. Критика на схватывания за насоченото изменение на вселената. — Известия на института по философия, т. III, София, 1958.

⁴⁶ Teilhard de Chardin P. Un sommaire de perspective «phénoménologique» du monde. — Les études philosophiques, 1955, N 4, p. 569.

⁴⁷ Тейяр де Шарден П. Феномен человека, с. 254.

с интегративным началом, организационным аспектом неодушевленной материи, отвечает, говорят они, и «аристотелевско-томистской философии информации, равнозначущей форме и душе, и современному кибернетическому понятию информации, приравняемому негэнтропии».⁴⁸

Хотя сам Тейяр и заявлял, что в мире атомов и молекул мы имеем дело только с «малозаметными отдаленными истоками» свободной, целеполагающей деятельности, им все же допускается известное перенесение на них качеств психики.

Это связано также с отождествлением природного и общественного. Он далек от понимания законов общественного развития, но глубоко убежден в объективном и естественном характере общественного прогресса. Совпадение общих законов развития природы и законов развития общества понимается им в том смысле, что общество представляет собой лишь прямое продолжение органического мира и природы вообще. Отсюда вытекает возможность перенесения некоторых черт психики человека, в том числе целеполагания, на всю природу. Противник антропоморфизма, Тейяр сам делает шаг в сторону последнего. Целеустремленность деятельности людей является, с его точки зрения, высшей формой общих телеологических свойств действительности.

Тейяр де Шарден считал антропоцентрическую телеологию ненаучной. Его анализ антропоцентризма весьма содержателен. Он выделяет субъективную и объективную стороны антропоцентризма. Первая состоит в том, что при наблюдении природных явлений мы являемся центром перспективы. Объективная же сторона определяется положением человека на шкале развития природы. Человек — вершина эволюции, центр конструирования универсума.⁴⁹ Степень приближения к нему может служить критерием при определении места той или иной формы в общем прогрессе природы. Каждая клетка «сможет быть понята (т. е. включена в связную систему универсума) лишь тогда, когда она встанет на свое место между будущим и прошлым в линии эволюции».⁵⁰ Чтобы понять новое, оценить его при возникновении, надо было бы иметь возможность увидеть его расцвет в будущем.⁵¹ Это позволило бы различить тенденцию, направленность эволюции.⁵² Поэтому и надо «искать с вершин».⁵³ Методологическое применение финализма при ретроспективном определении общего направления развития по его итогу переходит у Тейяра в учение о «конечных причинах». При таком рассмотрении низ-

⁴⁸ Chauchard P. *Cybernétique et physiologie de la conscience*. — *Cybernetica*, vol. 1, 1958, N 2, p. 111.

⁴⁹ Тейяр де Шарден П. *Феномен человека*, с. 35.

⁵⁰ Там же, с. 82.

⁵¹ Там же, с. 121.

⁵² Там же, с. 145.

⁵³ Там же, с. 153.

шие ступени приобретают характер средств достижения конечной цели, превращаются в «мимолетный опорный пункт для курса», который проходит через них, их игнорируя.⁵⁴

Подчеркивание ключевого положения человека на лестнице эволюции сливается у Тейяра с гуманистическим оптимизмом его мировоззрения. Закон эволюции ведет человека к прогрессирующему объединению в новой, лучшей организации. Человек шагает по волнам жизни, держа в своих руках судьбу вселенной. Его лицо обращено к встающему солнцу. Всеобщая целенаправленность бытия дает ему лишь возможность достижения счастья и справедливости. «Будучи брошенными в направлении определенной цели в будущем», мы не имеем полной гарантии ее достижения.⁵⁵ Необходимо бороться, используя имеющиеся внутренние и внешние условия.

Обоснование реальности оптимистических перспектив человечества означало для Тейяра выяснение смысла жизни. Категория смысла жизни применяется им, как и неотомистами, в качестве онтологической характеристики бытия вообще, что является еще одним аспектом его телеологии.⁵⁶ Смысл мира есть выражение целенаправленности эволюции.⁵⁷ Это понятие выходит за рамки рационализма, превращаясь в объект веры.⁵⁸ Правда, вера в понимании Тейяра не является противоположностью научного познания. Наоборот, она — итог развития знаний, их всеохватывающего синтеза. Тейяру де Шардену, применяющему ряд диалектических идей, чуждо понимание диалектики причинности. Отождествляя детерминизм с механистической концепцией причинности, он отказывается втискивать процессы органического мира в ее тесные рамки. Распирение же, развитие детерминизма возможно, с его точки зрения, только на путях представлений о психической стороне вещей.

Относительно меньше телеология Тейяра связана с его антропологическими и палеонтологическими исследованиями. Он далек от мысли отрицать роль отбора. Тейяр едва ли не единственный из современных буржуазных философов, кто отчетливо сознавал важность для эволюции перехода случайности в необходимость,⁵⁹ т. е. стоял на точке зрения антителеологической по своей направленности. Он подчеркивал естественный характер происхождения человека. Однако, как и многие другие представители палеонтологии, науки, имеющей дело с глубокими разрезами эволюционных пластов, он преимущественно видел лишь глобальное направление эволюционного потока. Это опре-

⁵⁴ Там же, с. 172.

⁵⁵ Teilhard de Chardin P. La place de l'homme dans la nature. Paris, 1956, p. 163—164.

⁵⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека, с. 191.

⁵⁷ Там же, с. 145.

⁵⁸ Там же, с. 278.

⁵⁹ Там же, с. 74, 105.

делило его склонность к совмещению дарвинизма с теорией ортогенеза.

Философия Тейяра де Шардена показывает возможность относительно прогрессивного использования телеологии применительно к некоторым проблемам современности. Эта философия вызвала ожесточенные нападки ряда сторонников креационистского финализма. Так, например, Хенгстенберг, выдвигающий в качестве противоположности тейяровской эволюции «теорию ступенчатого творения», обвиняет Тейяра в приближении к философии диалектического материализма.⁶⁰ Но при всем уважении к благородной личности Тейяра и признании рациональных моментов в его философии марксизм не может отказаться от борьбы против нее как финалистско-идеалистического учения. Надо учитывать при этом, что даже одно только внешнее сходство в допускаемых иногда формулировках ряда вопросов (всеобщая поступательность развития, «структурная информация» и др.) может быть использовано как повод для утверждения о якобы сближении марксизма и тейярдистской телеологии. Р. Гароди начал свое предательство, между прочим, с призывов не делать имя Тейяра де Шардена объектом идеологической борьбы, превратить его мысль в поле примирения с буржуазной идеологией.⁶¹

Неофинализм Р. Рюйе и критический реализм А. Венцля

Философией, пожалуй, наиболее резко выдвигающей на первое место задачу защиты телеологии и стремящейся при этом реагировать на развитие естественных наук, является неофинализм в лице Р. Рюйе.

Рюйе признает свою зависимость от учений Платона, Мальбранша, Лейбница, упрекая, однако, эти учения за их мистицизм. Он против того, чтобы принимать за цель идеальное звено причинной цепи явлений.⁶² Действие цели как будущего на настоящее невозможно. Невозможна также и цель как причина, действие которой происходит в реальном пространстве — времени. Выход из положения неофиналист находит в введении представления о «запространственном мире» или мире аксиологического пространства, где находятся формы, идеи, ценности. Эти вневременные факторы оказывают регулирующее воздействие на течение процессов, влияя на фазы естественного действия причин.⁶³ Непространственная сама по себе форма принимает пространственно-временное существование. Это — «первичный пси-

⁶⁰ Hengstenberg H. Evolution und Schöpfung. Eine Antwort auf den Evolutionismus Teilhard de Chardins. München, 1963, S. 144.

⁶¹ Begonen M. Teilhard de Chardin et le marxisme. — Europe, 1967, N 456—457, p. 313.

⁶² Ruyer R. Néo-finalisme. Paris, 1952, p. 11.

⁶³ Ruyer R. Philosophie de la valeur. Paris, 1952, p. 65.

хизм», не свойство, а бытие само по себе, определяющее координацию элементов в структурах.⁶⁴ Проявлениями следующих «этажей психизма» являются морфогенетические, затем адаптационные процессы, инстинкт, сознательные действия. В трансцендентном мире Рюйе выделяет следующие «слои»: связанное с ощущениями сознание, память, ценности и, наконец, логос, или бог. Эти слои, предупреждает Рюйе, нельзя понимать как качественные уровни, следующие один за другим, но — как волокна, находящиеся в состоянии тесного взаимопереплетения.⁶⁵ Данный образ был бы весьма уместен в качестве символического выражения самой системы неофинализма, подлинной путаницы волокон, выдернутых из различных идеалистических учений. И все это перемешано с телеологическими интерпретациями современной науки. К ним относятся и теория относительности, и квантовая механика, и вирусология. Особенно же много места уделяется кибернетике и биологии.

Рюйе выступает в этих вопросах как решительный противник любой «монополии». Объектом «сокрушения» становится, между прочим, и обычный человеческий мозг. Рюйе восстает против «узурпированной» мозгом монополии на сознательное целеполагание. Эту функцию он передает организму, проявляющему скрытую разумность в процессах эволюции, органогенеза, адаптации. Рюйе провозглашает, что и «амеба столь же сознательна, как и мы». Однако и это ему кажется недостаточным. Способностью разумного приспособления наделяется неорганическая среда, а также несправедливо обиженные до этого молекулы, из которых состоит живое вещество. Рюйе расправляется с оппортунистическими направлениями вроде органицизма, холизма, гештальтизма, слишком непоследовательно проводящими телеологию. Зато он глубоко удовлетворен теориями, которые внесли «подлинный вклад» в дело утверждения «конечных причин». Это относится в особенности к учению Ламарка. Независимо от субъективных намерений тех или иных ламаркистов логика их приводит к признанию целевого, психического фактора. В связи с этим Рюйе приветствует Т. Д. Лысенко, пришедшего к телеологическим утверждениям; несмотря на свои материалистические декларации.⁶⁶ Особенно ценным проявлением финализма в ламаркизме является, по мнению Рюйе, «закон» наследования приобретенных признаков.⁶⁷ Против дарвинизма он выдвигает аргумент «маловероятности» мутаций, происходящих в направлении эволюции. Случайные генетические флуктуации должны, с точки зрения Рюйе, канализоваться психическим началом.⁶⁸ Вид — идеальная реаль-

⁶⁴ Ruy er R. *Éléments de psycho-biologie*. Paris, 1946, p. 23.

⁶⁵ Ruy er R. *Néo-finalisme*, p. 151.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 230.

⁶⁷ Ruy er R. *Éléments de psycho-biologie*, p. 68.

⁶⁸ Ruy er R. *Les postulats du sélectionisme*. — *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, 1956, t. 146, N 3.

ность, существующая через посредство особой подобно тому, как организм существует посредством органов и клеток. Рюйе признает, что здесь его точка зрения совпадает с реализмом средневековой схоластики.⁶⁹

Отношение Рюйе к кибернетике двойственно. Он отрицает возможности теории обратной связи в решении проблемы целесообразности и придает огромное значение теории информации. Машина, снабженная обратной связью, принадлежит к явлениям внешней целесообразности и не может служить моделью организма с его внутренней телеологией.⁷⁰ Машина не может иметь цели, так как цель идеальна. Поэтому между работой кибернетической машины и психобиологической деятельностью не может быть аналогии. Принцип обратной связи не распространяем на отношения психики и определяемую ею органическую целесообразность.⁷¹ Цели человека относятся к запространственному миру. Вся целесообразность аксиологична, аксиология же — телеологична.⁷² Деятельность человека содержит в себе аксиологическую обратную связь, ее регуляции проходят через запространственный мир. То же имеет место и в деятельности животных. Поэтому если их и можно называть автоматами, то только «аксиологическими».⁷³ Обратная связь в искусственных устройствах есть выродившаяся аксиологическая обратная связь, поскольку она связана с циркулированием информации. Последняя представляет собой нематериальное начало, идущее из запространственных источников.⁷⁴ К этим источникам относится и сознание, каждый акт которого — творение новой информации.⁷⁵ С позиций неофигурализма Рюйе рассматривает отношение негэнтропии и информации, селективной и семантической информации, информации и психического. Он разделяет информацию на физическую, психологическую и квазиинформацию. Физическая информация — это негэнтропия, структурность вещей или сигналов. В органах чувств она превращается в психологическую, переходя далее уже в чисто духовную, бесструктурную, свободную от пространственных ограничений квазиинформацию: значение, смысл, намерение. Квазиинформацию еще начиная с Платона открывали философы, утверждает Рюйе, но связывали с религиозными воззрениями. В действиях человека происходит переход от квазиинформации-цели, через психическую структурную информацию к физической информации.⁷⁶ Поскольку при этом аморфная квазиинформация

⁶⁹ Ruy er R. *Eléments de psycho-biologie*, p. 138.

⁷⁰ Ruy er R. *Néo-finalisme*, p. 22.

⁷¹ Ruy er R. *La cybernétique et la finalité*. — *Les études philosophiques*, 1961, p. 166.

⁷² Ruy er R. *Philosophie de la valeur*, p. 65.

⁷³ Ruy er R. *La cybernétique et l'origine de l'information*. Paris, 1959, p. 98—100.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 215.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 207.

⁷⁶ Ruy er R. *La quasi-information*. — *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, 1965, N 3, p. 287—290.

не обладает количественными характеристиками, она должна иметь возможность неограниченного и произвольного творения материальных структур.

Рюйе порицает отходящего от неофинализма Бунура, который отказывается от панпсихизма. Но именно этот отказ позволяет Бунуру правильное оценить значение кибернетики для решения проблемы целесообразности в органической природе. Кибернетика, по его словам, обратила внимание на роль циклов с обратной связью во всех явлениях этого рода. Исходя из изучения механических устройств, она утвердила связь детерминизма и телеологии,⁷⁷ показала, что телеологический строй действий высших животных «записан в нервных структурах и мозговых механизмах».⁷⁸ Бунур отказывается от «антропоморфического анимизма» Рюйе и отодвигает разделяемую им идеалистическую телеологию в более отдаленную область проблем возникновения общих органических типов, рассматривать которые он склонен в духе учения Платона.

Неофинализм поддерживает последователь неогегельянца Р. Коллингвуда Э. Томлин, развивающий концепцию «абсолютной телеологии». Отрицание целей в процессах природы есть, согласно Э. Томлину, механицизм, который отнюдь не обязательно должен быть доктриной случайности (это утверждение нарушает традицию борьбы телеологии с материализмом). В приверженности к механицизму он обвиняет всякое применение физики к исследованию биологических проблем (в том числе витализмом). Биология — автономная наука. Жизнь есть реальность, понимаемая как стремление к ценностям.⁷⁹ Э. Томлин развивает «психобиологию», исходящую из основополагающей роли формы как динамической духовной структуры, составляющей целостность. Целеустремленная деятельность организма как целого сознательна или полусознательна. Одухотворяющее организм знание связано с объективной ценностью, осознание которой происходит на уровне человеческой мысли.⁸⁰

Телеология А. Венцля направлена на защиту догм церкви, но пытается при этом, как и неофинализм, опереться на данные естествознания. По своему содержанию концепция А. Венцля, к предшественникам которой относятся Лютце и Э. Гартман, отличается подчеркиванием индетерминистического момента. Объективный мир имеет ступенчатое строение. Каждая ступень обладает специфическими законами и элементом свободы. На низшей свобода состоит в многовозможности и вытекающей из нее неопределенности. Венцль показывает близость телеологии и индетерминизма. Мир рассматривается как машина бога. Конечное

⁷⁷ Bounoure L. Déterminisme et finalité. Paris, 1957, p. 190.

⁷⁸ Ibid., p. 192.

⁷⁹ Tomlin E. The philosophy of life. — *Dialectica*, vol. 13, 1959, N 50, p. 154.

⁸⁰ Ibid., p. 155.

состояние, к которому приводит их слепое действие, предвосхищено в божественной цели. Цель — постоянно действующая побудительная причина. Это подразумевает наличие в действительности недетерминированного поля действия свободы. В силу этого цель может выступать в качестве конечного условия, достижимого различными путями.⁸¹ На уровне жизни недетерминированный духовный момент проявляется в целесообразности организмов. Целесообразность здесь — не только регулятивная идея, но она имеет также и онтологический смысл категории бытия. Телеология в вопросах биологической науки обосновывается Венцлем при помощи утверждений о несводимости биологии к физике. Воздействующие на организм раздражители выступают не просто как физические агенты, но и как носители определенного значения, не охватывающегося физическими законами. Последние представляют возможность для наложения на них биологических законов, но дать объяснение явлениям жизни не могут. Если все же когда-нибудь и будет открыта волновая функция органических видов, то это будет не физическая, а энтелехиальная функция. Вводимая вслед за Дришем энтелехия и является не сводимым к физике силовым и субстанциональным фактором, объясняющим целесообразность. В ней воплощены цели вида. Существуют также энтелехии более высоких порядков, которые определяют взаимодействие видов между собой, и, наконец, энтелехия всего живого — энтелехия энтелехий.

Механико-материалистическая точка зрения опровергнута, как утверждает Венцль, уже Дришем. Возник новый аптивитализм, стремящийся освободиться от механицизма и признать существование особых биологических законов, отвергая в то же время телеологию.⁸² В качестве таких новых антителеологических направлений Венцль рассматривает теории Берталанфи и диалектического материализма. Если критика им Берталанфи представляет некоторый интерес, то в критике антителеологизма марксистской философии он обнаруживает полное непонимание диалектики. Венцль представляет дело таким образом, будто, согласно марксизму, закон перехода количества в качество сам по себе дает достаточное объяснение возникновению нового, заменяя причинное рассмотрение. Диалектическую концепцию возникновения новых качеств Венцль приравнивает к вере в чудо.⁸³ Искаженное понимание диалектическим материализмом качественных этапов развития Венцль объявляет аналогичным собственному учению о ступенях бытия.⁸⁴ От органической жизни он

⁸¹ Wenzl A. Freiheit und Wirklichkeit. — Bayerische Akademie der Wissenschaften. Sitzungsberichte. Phil.-hist. Klasse, 1948, H. 1, S. 14.

⁸² Wenzl A. Metaphysik der Biologie von heute. Hamburg, 1951, S. 7.

⁸³ Wenzl A. Bedeutung und Vieldeutigkeit der Dialektik. — Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte, 1959, H. 7, S. 6.

⁸⁴ Wenzl A. Zur sowjetischen Kritik der kritischen Realismus. — Ibid., 1962, H. 1, S. 6.

переходит к рассмотрению психического, пытаясь обосновать онтологический характер свободы. Венцль противопоставляет выбор и ответственность мотивированности, детерминации. Если действие определяется мотивами, то понятия долга, совести, вины теряют смысл.⁸⁵ Это в свою очередь влечет за собой потерю доверия к духовным ценностям вообще. Вопрос же ценностей приобретает особенно большое значение в связи с развитием техники. Использование ее во вред человечеству, против чего Венцль восстает, связывается с пренебрежением ценностями, к которому приводит распространение материализма. Утвердить ценности человека призвана, по мнению Венцля, телеологическая натурфилософия. Свободная деятельность духа возможна благодаря психическим основам действительности, ее целесообразной сущности.⁸⁶

Телеология Венцля, переходящая в панпсихизм, служит отправным пунктом для религиозно-финалистских концепций, отрицающих всякую, даже внешнюю, связь с наукой. К ним относятся телеология Б. Шулера, открывшего «нематериальность материи», ее «дофизическую сторону». Это «открытие» связано у него с «открытием» мировой души, которая определяет «внутренне-внешнюю направленность материального бытия на его цели».⁸⁷

Глава 3

О телеологии в структурализме

Смысл категории «структура» и близких ей понятий, которые можно было бы условно назвать «категориями структуры» (форма и содержание, часть и целое, система и др.), состоит в отражении и практическом установлении отношений расположения связей, их соподчинения и глубины, черт расчлененности явлений. Требовать от этих понятий выражения причинной зависимости было бы противоестественно. Поэтому конкретные методы, ограничивающиеся выяснением и фиксацией отношений, выражающихся категорией «структура», не могут ставить перед собой задачи раскрытия причинной связи. В этом их ограниченность и в то же время эвристическая ценность.

Ошибки, ведущие к идеализму, начинаются там, где этим методам придается характер общей методологии, где их понятия ставятся выше категорий развития, противоречия, причины, где ими фактически начинают подменять причинный детерминизм. Системно-структурные методики абстрагируются от причинно-следственных отношений. Структурализм делает познание последних невозможным в принципе или искажает их: «Структурализм оста-

⁸⁵ Wenzl A. *Metaphysik als Weg von den Grenzen der Wissenschaft zu den Grenzen der Religion*. Graz, 1956, S. 112.

⁸⁶ Wenzl A. *Freiheit und Wirklichkeit*, S. 11.

⁸⁷ Schuler B. *Die Materie als lebende Kraft*. München, 1960, S. 138.

ется вне анализа внутренних причин социальных явлений вообще, в том числе и причин возникновения самих конкретных структур в частности».¹ Это вытекает из внеисторического и антисубстанционального понимания структуры. В данном отношении структурализм можно было бы охарактеризовать как негативное подтверждение известного положения В. И. Ленина о связи категорий субстанции и причины.²

Акаузальный характер своих теорий признают сами структуралисты. Согласно Я. Мукаржовскому, общество складывается из автономных рядов (наука, политика, экономика, язык, религия), которые постоянно перегруппировываются и уравниваются. Ни один из них не может быть поставлен над другими (т. е. принят в качестве причины).³ Причинное объяснение лежит за пределами научного исследования и с точки зрения К. Леви-Стросса. Объяснение для него есть обнаружение необходимости элемента в данной структуре, того, что этот элемент выполняет определенную функцию, необходимую для сохранения целостности. Структуральный анализ, устанавливая систему оппозиций, дает правила преобразования, которые позволяют переходить от одного варианта мифа к другому, посредством операций, подобных алгебраическим преобразованиям.⁴ Леви-Стросс против поисков причин совпадения этих структур. «Мы не ищем „почему“ этих сходств, но „как“».⁵ Для структурализма не может быть причинных зависимостей и между структурами различных сфер общественной жизни. Здесь существует лишь гомология, соответствие, взаимное приспособление. Миф не порождается «техничко-экономическими инфраструктурами» и не отражает их. Он лишь «захватывается зубчатыми колесами на их рельсах»⁶ и приспособляется к «базису», изменяя тот или иной элемент.⁷

Момент соответствия, корреляции между образованиями внутри общества объясняется, с точки зрения структурализма, в конечном счете тем, что все эти структуры суть различные формы коммуникаций и выражают единый глубинный «код», воплощенный в строении языка. «Социальные явления и человеческие общества нам представляются как большие коммуникативные машины... Мы заинтересованы в рассмотрении всех социальных явлений как явлений коммуникации», — утверждает Леви-Стросс.⁸

¹ Курсанов Г. Современный структурализм. Рационализм и диалектика в концепции знания Н. Мулуда. — В кн.: Мулуд Н. Современный структурализм. М., 1973, с. 14.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 142—143.

³ См.: Структурализм: «за» и «против». М., 1976, с. 34.

⁴ Levi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958, p. 260.

⁵ Levi-Strauss C. *L'homme nu*. Paris, 1971, p. 32.

⁶ Ibid., p. 562.

⁷ Ibid.

⁸ *Vivre et parler* (II). — *Les lettres françaises*, 1968, N 1222, p. 4.

Раздувание роли структурных моделей придает их использованию видимость функции причинного объяснения. Структуралисты прибегают «к конструированию структурных моделей, как к причинным объяснениям».⁹

Исторический опыт развития философии и науки свидетельствует, что приращение структурному описанию функций причинного объяснения всегда являлось одной из основ телеологии. «Структурализм, — заявляет Леви-Стросс, — решительно телеологичен, ... это он вернул конечной цели ее место и сделал ее вновь уважаемой».¹⁰ Представители Пражской лингвистической школы открыто признавали телеологический характер своих взглядов еще в самом начале распространения этого течения. Одна из ранних работ Р. Якобсона была озаглавлена «Понятие звукового закона и телеологический критерий» (Прага, 1928 г.). В ней утверждалось, что «язык (и в особенности его звуковая система) не может анализироваться без учета цели, которой служит система».¹¹ Телеология, по его мысли, должна обосновать функциональное единство системы языка, ее социальный характер, совпадение между территориально и социально отделенными друг от друга структурами.

Стремясь синтезировать структурализм с историзмом, Р. Якобсон полагается на телеологию. Он указывает на факты самовосстановления лингвистической системы, стремления ее к равновесию. Если порядок внутри системы нарушен, то наступает цикл звуковых изменений, направленных на ее стабилизацию.¹² Эта цепь последовательных изменений должна отвечать, согласно Р. Якобсону, механической причинности. Эволюционный момент языка подчинен синхронному, что означает одновременно подчинение причинности телеологии.¹³

Рациональное содержание лингвистической телеологии составляют зависимость элементов от стабильной структуры, адаптация новых элементов к сохраняющейся общей норме, а также выражение направленности языка на цели общения.

Позднее отдельными представителями структурализма в языковедении делались попытки и нетелеологического объяснения указанных отношений. Так, А. Мартине разрабатывает понятие «языковой экономии». Если в отдельных явлениях, оценивает эту концепцию советский лингвист В. А. Звегинцев, можно проследить действие сил, руководимых экономической целесообразностью, то в целом эволюция языка далеко не всегда следует данному принципу. Это объясняется перекрещивающимися действиями разнонаправленных и базирующихся на различных прин-

⁹ Piaget J. Le structuralisme. Paris, 1968, p. 84.

¹⁰ Levi-Strauss C. L'homme nu, p. 615.

¹¹ Jacobson R. Selected writings. Gravenhage, 1962, vol. 1, p. 1.

¹² Ibid., p. 2.

¹³ Ibid., p. 218, 220.

циях сил, исходящих из разных уровней языка. Эволюция отражает игру взаимодействующих сил, но конечным направлением ее всегда оказывается направление, обусловленное тем, ради чего существует сам язык, то есть целями общения. «В этом при желании можно усмотреть целеустремленность или телеологичность процессов развития языка».¹⁴

Телеология структурализма представляет собой не простую констатацию указанных процессов. Она заключается в рассмотрении плана целого как первичного, детерминирующего фактора, стоящего выше причинности или принимающего на себя роль определяющей причины. Структуре приписывается способность полностью автономной саморегуляции, обеспечивающая ее сохранение и равновесие в течение продолжительного времени.¹⁵

Леви-Стросс, перенося телеологию Пражской лингвистической школы на мифы и социальные структуры вообще, пытается сослаться на якобы «реабилитацию» телеологии кибернетикой. Но в то время, как кибернетика рассматривает целенаправленность в качестве особого случая причинных отношений, Леви-Стросс, по существу, отрывает саморегуляцию структуры от причинности, критикуя понимание структур как результата действия одной или нескольких действующих причин.¹⁶ Передавая сущность данной точки зрения, Л. Себаг говорит, что структура с ее «действенной мощью», определяющей преобразования, поведение и приспособление элементов, выступает в качестве «подлинного субъекта».¹⁷

Идеалистическое содержание телеологии структурализма достаточно откровенно определяется самими его представителями, указывающими на соответствующие идейные источники. Среди них — рассмотренная уже телеологическая система философа-идеалиста К. Энглиша, связанная с нормативной теорией права.¹⁸ Р. Якобсон говорит также об огромном влиянии, которое оказала на него теория номогенеза Л. С. Берга, в настоящее время — «отождествление жизни с направленностью к цели, антиципацией будущего» в работах Н. А. Бернштейна.¹⁹

Подчеркивая свой финализм, Леви-Стросс указывает на возможности, которые структурализм предоставляет в этой связи для религии. Хотя и не провозглашая открыто единения с верой, структурализм «объясняет и утверждает место, которое религиозное чувство занимало и продолжает еще занимать в истории че-

¹⁴ Звегинцев В. А. Структуральная лингвистика и теория экономики А. Мартине. — В кн.: Мартине А. Принцип экономики в фонетических изменениях. М., 1960, с. 22.

¹⁵ Piaget J. Le structuralisme, p. 7, 14—15.

¹⁶ Lévi-Strauss C. The future of kinship studies. Proceedings in the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1965, p. 14.

¹⁷ Sébag L. Marxisme et structuralisme. Paris, 1964, p. 139.

¹⁸ См. также: Konrad K. Svár obstarhu a formy. — Filosofický časopis, 1957, N 6.

¹⁹ Vivre et parler, (I), N 1221, p. 4; (II), N 1222, p. 5.

ловечества: смутная интуиция, что разрыв между миром и духом, причинностью и телеологией соответствуют не реальности вещей, а некоторому пределу, к которому стремится познание, интеллектуальные и духовные средства которого никогда не станут соизмеримыми строю и сущности его объектов».²⁰

Телеологическая тенденция структурализма дает о себе знать и у авторов, которые выступают против финализма.

Абсолютизируя, в духе структурализма, устойчивость структуры, генетик Ж. Моно в качестве единственной задачи науки провозглашает познание инвариантного. Эволюция структуры представляется лишь «деформацией инвариантности». Структура в роли первичного принципа подменяет причинность. В результате случайность трактуется как «чистая случайность». Положения о внутренних законах развития, прокладывающих путь через случайности, представляются при таком понимании порождениями телеологического мышления. Именно из этого и исходит французский генетик в своей борьбе против материалистической диалектики.

В то же время сам Моно приближается к телеологии, когда подчеркивает наличие «проекта» организма. «Телеономический механизм, — читаем мы в его «Случайности и необходимости», — полностью логичен, удивительно рационален, в совершенстве приспособлен к своему проекту: сохранять и репродуцировать структурную норму».²¹ Эту идею Моно резюмировал в одном из интервью: «Живое существо есть объект, наделенный проектом... Это функциональный объект, как бы спроектированный рукой некоего инженера или художника... Объект, созданный для достижения определенной цели».²² На сближение в данном случае структурализма с телеологией указывают зарубежные марксисты.²³ Ряд же буржуазных авторов говорит даже о прямом совпадении взглядов Моно с аристотелевским учением о телосе.²⁴ Приписывание Моно «когнитивной» способности белковым молекулам особенно радует неотомистов.²⁵

²⁰ Levi-Strauss C. L'homme nu, p. 615. В свете этих заявлений Леви-Стросса, соответствующих телеологическому существу его взглядов, а также других идеалистических положений его теории вызывает недоумение стремление М. Н. Грецкого представить французского этнолога в качестве «склоняющегося к естественнонаучному материализму» исследователя, симпатии которого на стороне материализма (Грецкий М. Н. Французский структурализм. М., 1971, с. 29, 31).

²¹ Monod J. Le hasard et la nécessité. Paris, 1970, p. 32.

²² Conti L. Esistono leggi per la natura? — L'Unità, 1971, 27 gennaio.

²³ Ibid.; Ninio J. Reflexions d'un biologiste. — La nouvelle critique, 1971, N 42, p. 59.

²⁴ Lefèvre Ch. Polysémie de finalisme. — L'Antiquité classique, t. XLI, 1972, N 2, p. 530—531; Montpellier G. Hasard, déterminisme et finalité. — Académie Royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques, t. LIX, 1973, p. 32—33.

²⁵ Gilson E. D'Aristote à Darwin et retour. Essai sur quelques constantes de la biophilosophie. Paris, 1971, p. 141.

Опасность телеологических выводов, скрывающуюся в структурализме, признал французский философ-марксист Э. Балибар, пытавшийся вместе с Л. Альтюссером и рядом других авторов применить структуралистский категориальный аппарат к изложению исторического материализма. Самокритично уточняя ряд положений своих работ, Э. Балибар замечает, что у Маркса процесс перехода, развития не тождествен «генеалогии» или «генезису» заранее определенной социальной структуры. Маркс рассматривал становление капитализма ретроспективно, под углом зрения уже известного интегрального результата противоречивых исторических процессов, т. е. условной, эвристической «телеологии». Маркс осуществил серию «ретроспективных исторических зондажей», отправляясь поочередно от различных элементов капиталистического способа производства. Таким образом, согласно Марксу, образование буржуазного общества не было преддетерминировано, т. е. «процесс становления не телеологичен».²⁶

Развитие кибернетики и методов системно-структурного анализа позволило конкретизировать рациональный смысл идеи целевой причины, подчеркнуть значение проблем, ставившихся в идеалистически извращенной форме телеологией. Телеология структурализма представляет собой реакцию на эти прогрессивные процессы. Она продолжает оставаться идеалистической в своей сущности концепцией, противопоставленной причинному пониманию явлений. Освоение и методологическая разработка структуральных приемов не должна поэтому пониматься в духе реабилитации телеологии. Некоторые же увлекающиеся системологией и структуральными методами авторы допускают иногда подобную ошибку, на что, в частности, справедливо обратил внимание академик Тодор Павлов.²⁷

Глава 4

Проблема цели и телеологии в неопозитивизме

Несмотря на нигилистическое отношение современного позитивизма к исторически сложившейся философской проблематике, связанные с этим направлением авторы все чаще обращаются сейчас к классической проблеме телеологии.

Высказываемые ими по этому вопросу точки зрения неоднородны и противоречивы. Общая исходная позиция приводит их к отрицанию объективного существования причинности. Психические же процессы, опыт, которыми они в той или иной форме

²⁶ Balibar E. Sur la dialectique historique. — La pensée, 1973, N 170, p. 42.

²⁷ Павлов Т. Марксистско-ленинская философия и системно-структурный анализ. — Коммунист, 1969, № 15.

подменяют материальный мир, целенаправлены. Тенденция к онтологизации субъективного опыта ведет одновременно с отрицанием объективного характера причинности к телеологии. Сведение детерминизма и телеологии к языку, не имеющему отношения к объективной действительности, делает их в принципе равноправными. В то же время спекуляция на развитии наук, особенно физико-математических, вынуждает неопозитивистов оказывать предпочтение причинности. Вытекающая отсюда анти-телеологическая тенденция отвечает традиции неопозитивизма, который складывался отчасти как реакция на спекулятивные теории объективно-идеалистических направлений.

Мы не можем здесь останавливаться на понимании причинности неопозитивистами, хотя оно и имеет близкое отношение к нашему вопросу. Как известно, закон причинности сводится неопозитивистами к группе формально-логических правил, позволяющих осуществлять приблизительные предсказания будущего опыта. Задача философии, с этой точки зрения, в том, чтобы «находить логически адекватные способы символического выражения распространенных в науке (а также и в различных видах традиционной философии) понятий причинно-следственной связи, совершенно не касаясь проблемы адекватности этих понятий по отношению к объективно существующим связям и зависимостям внешнего мира».¹ Любой выход за пределы этого, приписывание причинности чего-то большего означает для неопозитивистов пережиток антропоморфических и анимистических представлений.

Поскольку идея антропоморфической природы причинности, происхождения понятий причины и цели из наблюдения человека за своими психическими процессами широко распространена в буржуазной философии и способна адаптироваться к положению марксизма о практическом генезисе категорий, позволим себе небольшой экскурс в историю позитивизма.

С точки зрения О. Конта, понятия действующей и конечной причин возникают, согласно его делению, на теологической стадии развития науки. На высшей, позитивистской, стадии познание отказывается от поисков объяснения происхождения и назначения мира, а также внутренних причин явлений, переключаясь на исследование законов. Категория закона противопоставляется причине и цели. Она выражает инвариантное отношение последовательности и сходства явлений, данных непосредственно в опыте.² Задачей науки объявляется открытие законов и сведение их ко все более общим. Исследование же как действующих, так и конечных причин лишено смысла. Эти понятия возникли на основе прирожденной склонности человека переносить понимание собственной природы на объяснение явлений. В результате явлениям природы придается характер процессов,

¹ Нарский И. С. Современный позитивизм. М., 1961, с. 131.

² Comte A. Cours de philosophie positive. Paris, 1864, t. I, p. 9.

обусловленных внутренними или внешними действиями воли.³ Именно такого рода заблуждением является концепция «конечных причин», как будто решительно отвергаемая Контом. Постепенное освобождение от антропоморфных представлений служит признаком зрелости научного исследования.⁴

Критика телеологии у Конта имеет под собой, однако, совсем не материалистическую основу. Единственная достоверная реальность — явления чувственного опыта. Только в собственной деятельности нам дается в опыте генетическая связь явлений — волевых побуждений и действий. Утверждение о существовании объективных генетических связей является непозволительным переносом того, что свойственно только нам, на непознаваемую сущность внешнего мира, будь то утверждения о целях или о естественных причинах. Отбрасывание телеологии с этих субъективно-идеалистических и агностических позиций оплачивается ценою отказа от причинности.

С легкой руки Конта борьба против телеологии стала нередко связываться с отрицанием причинности, детерминизма. Это находится в вопиющем противоречии с историческим опытом развития философии и науки, но зато хорошо соответствует феноменологической природе позитивизма. От контекста полемики, особенностей исторических условий и своеобразия каждого философа зависит, выдвигается ли на первый план критика телеологии или борьба против закона причинности.

Философ Ческа, находившийся под влиянием позитивизма, писал в работе, посвященной происхождению причинности: «Принцип причинности есть не что иное, как применение ко всем явлениям понятия действующей силы, воспринимаемой нами во взаимоотношениях между нашими желаниями и течением наших идей, и является как таковой продуктом нашего изначального инстинкта антропоморфизации».⁵ Понятие причины получено путем аналогии с нашей природой. При этом в виду имеется не аналогия между отношениями вещей и материальной деятельностью по их изменению, а аналогия между вещами и движениями воли.⁶

Критика антропоморфизма превращается в маскировку опровержения причинности. Борьба против причинности связана с телеологической тенденцией. Проявление ее у некоторых позитивистов представляет собой завершение своего рода круга: начав с отрицания телеологии за ее антропоморфизм, позитивисты приходят к ее открытому восстановлению.

³ Ibid., t. IV, p. 170.

⁴ Ibid., p. 468.

⁵ Cesca G. L'origine del principio di causalità. Verona—Padova, 1885, p. 58.

⁶ Ibid., p. 62.

Э. Мах для подкрепления версии об антропоморфическом характере причинности пытался опереться на историю развития сознания. Дикарь, увидев в природе странные явления, инстинктивно проводил аналогию между ними и собственными действиями. «Благодаря этому в нем является проблеск мысли о своей и чужой воле».⁷ Из возникающих таким образом анимистических представлений и ведет якобы свое начало «действующая причина». Телеологическая тенденция скрывается прежде всего в волюнтаристском элементе путаной философии Маха, заимствованном у Шопенгауэра. Вслед за ним Мах утверждает, что воля проявляется в приспособлении организмов. Сфера ее действия шире пределов сохранения вида.⁸ Мах признает близость своих взглядов теории неоламаркистов, опирается на учение Геринга и Семона о «памяти организмов».⁹

Телеологическую тенденцию содержит и принцип «экономии мышления» или «наименьшей траты сил». Он должен служить по мысли Авенариуса проявлением всеобщего начала целесообразности. Из научного опыта должно быть исключено все, что взято не из данных чувственного опыта, а привнесено субъектом. Формы деятельности мышления, категории представляют собой внесение в опыт посторонних для него конструкций. Сила, причинность — «антропопатические» понятия, лишь количественно отличающиеся от анимистических представлений дикаря. «Причинность мы лишь сами мысленно привносим в цепь событий почти так же, как фетишизм создает одушевленный предмет, лишь мысленно привнося человеческую душу».¹⁰ Если все, что непосредственно не познается в ощущении, — причинность, необходимость, субстанция и т. д. — должно быть отброшено в интересах «экономии мышления», то последовательным было бы выбросить и сам первоначальный принцип целесообразности, — «экономнее», целесообразнее было бы отказаться от самой целесообразности. Но целесообразность, согласно Авенариусу, изначально, необъяснима, надопытна, как и полагается в телеологической системе.

Такова вкратце история вопроса, проливающая свет на сущность псевдоантиантропоморфизма современных позитивистов.

Происхождение категории причинности объявляется результатом самонаблюдения и веры в существование духов.¹¹ Некоторые доходят до объявления категории причины формой панпси-

⁷ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1908, с. 95.

⁸ Там же, с. 85.

⁹ Там же, с. 60, 77.

¹⁰ Авенариус Р. Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. СПб., 1899, с. 7.

¹¹ Ayer A. The foundation of empirical knowledge. London, 1961, p. 186—188.

хизма, предполагающей существование в вещах скрытого агента, «автора», аналогичного сознанию.¹² Если же «причинная наука мистична», детерминизм «анимистичен»,¹³ то отпадает всякое основание для противопоставления и предпочтения детерминизма телеологии. Неопозитивизм соприкасается с религиозно-телеологическими концепциями. В частности, для их обоснования эти неопозитивистские идеи использовал на совещании неотомистов по вопросам телеологии профессор Падуанского университета М. Джентиле. Как телеология, так и антителеология, отстаивающая принцип причинности, утверждал он, представляет собой антропоморфизм. Первая рассматривает вещи в форме деятельности человека во всей ее сложности и открывает поэтому путь неограниченному развитию познания, вторая же переносит на всю природу структуру механических действий человека, ставя препятствия более глубокому исследованию. Они — «два различных и противоположных способа рассмотрения действительности, но являющиеся в разной мере финалистическими».¹⁴

Как можно было убедиться, выведение категорий только из активности деятельности, доходящее до отрицания у них основы во внешней природе, неизбежно приводит к утверждению первичности телеологии. Оно предполагает, что ранний человек был поглощен внутренней рефлексией, что самосознание первично, якобы определяя мышление, его операционные структуры. Практика при этом сводится к ее идеальному субъективному моменту. На деле же не идеальный аспект практики, осознанный человеком позднее, а ее материальная сторона, включающая взаимодействие вещей, явились основой и источником возникновения как категории причинности, так и других форм мышления. Практика, как говорил В. И. Ленин, закрепляется в сознании фигурами логики. «Самые обычные логические фигуры ... суть школьно размазанные ... самые обычные отношения вещей».¹⁵ На материально-предметную сторону практики в качестве определяющей формирования категорий указывает, в частности, материал истории языка. Как явствует из движения соответствующих значений, развитие мысли при формировании, осознании, уточнении категорий причины и цели шло от отражения использовавшихся взаимодействий тел природы, орудий и органов че-

¹² Rieser M. Causation, action and creation. — The Journal of Philosophy, vol. XXXVII, 1940, N 18, p. 492.

¹³ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому, с. 94.

¹⁴ Gentile M. Il finalismo come atteggiamento della coscienza e della mente. Causalità e finalità. Firenze, 1959, p. 198.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 159. Несостоятельность тезиса о первичности эгоцентризма, определяющую роль материального аспекта практики в развитии понятий подтверждают и материалы самих буржуазных исследователей (см.: Greenfield P., Bruner J. Culture and cognitive growth. — International Journal of Psychology, vol. I, 1966, N 2, p. 93—95).

ловека, а затем — взаимоотношений между людьми, к осознанному выражению процессов мышления и воли.¹⁶

К выводу о равнозначности детерминизма и телеологии (которая в то же время на словах осуждается) неопозитивисты подходят также в итоге понимания и причинности, и телеологии как только некоторого языка, не имеющего отношения к объективной реальности. Проблема сводится к употреблению или замене одних или других обозначений.¹⁷ Допустим, рассуждает один из позитивистов, в течение месяцев я перед тем, как открыть получаемые письма, произношу «Щелк!» и каждый раз после этого не нахожу в письме предъявленного мне денежного иска. В таком случае будет разумно произносить это слово всегда перед распечатыванием конвертов, чтобы в них не было исков. Это, как он полагает, — суеверие не в большей мере, чем вера в причинные законы.¹⁸ Оппонент его на это весьма резонно заметил, что стараться с помощью слова «Щелк!» изменить уже имеющееся содержимое письма равносильно мудрой попытке принудить куру нестись, съедая яичницу из ее яиц.¹⁹ Однако рассуждения «открывателя писем» полностью отвечают логике неопозитивизма. Единственное возражение, которое можно было сделать с позиций этой же доктрины, сводится к утверждению, что описание (телеологическое) предшествующего явления в качестве следствия последующего нарушает установленное использование слов «причина» и «следствие».²⁰

Указанное противоречие выступает в работах Рейхенбаха. Отвергая телеологию, он критикует Дриша, причем демонстрирует способность диалектического применения в данном частном вопросе категории причины.²¹ Вселенной управляет не цель, а причинность. Это, согласно Рейхенбаху, — важнейший физический закон, вытекающий из направления времени и второго закона термодинамики.²² Но если допустить, что время может течь в обратном направлении, то телеология окажется совместимой с этим законом.

Оказывается, что критика Рейхенбахом телеологии не была принципиальной. Причинность лучше телеологизма только тем, что отвечает переживанию времени в сознании. (Языки детерми-

¹⁶ Макаров М. Г. Отражение становления категории цели в развитии языка. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по философии, XVII. 1974. Семантический анализ слова-понятия «цель» см.: Volkova M. O vnitřní strukture pojmu účelnosti. — Filosofický časopis, 1966, N 6.

¹⁷ Canfield J. Teleological explanation in biology. — The British Journal for the Philosophy of Science, 1964, p. 285.

¹⁸ Black M. Why cannot an effect precede its cause? — Analysis, vol. 16, 1956, N 3, p. 57.

¹⁹ Ibid., p. 58.

²⁰ Ibid., p. 56.

²¹ Reichenbach H. Modern philosophy of science. London, 1959, p. 87.

²² Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962, с. 210—211.

низма и телеологии не истинны и не ложны. Вопрос об истинности их бессмыслен.²³

Если телеология, как и детерминизм, есть лишь способ выражения последовательности данных опыта, то как быть с сознательной деятельностью, в отношении которой субъективный опыт как будто показывает, что цель вызывает определенные действия? В вопросе целеполагания человека позитивизм встречается с принципиальными трудностями. Ведь приступать к решению вопроса о соотношении телеологизма сознательной деятельности и причинной связи объективных процессов можно только при условии выделения сознания из всей массы процессов, относительного противопоставления его объективной действительности. Но именно это противопоставление и считается позитивизмом бессмысленным. Телеология относится к ненаучным способам выражения, но опыт, казалось бы, подтверждает ее в сфере сознательных действий. Указанные затруднения находят свое отражение и в предлагаемых физикалистских определениях цели.

М. Бродбек говорит, что цель — не то, что «наблюдаемо в настоящее время, а способ говорить о чем-то, возникновения чего мы ожидаем, при завершении . . . действия. Цель — термин, стоящий в одном ряду с такими терминами, как, например, „высокий“, но он сложнее, чем последний, хотя и в равной мере „физический“».²⁴ Необходимо такое расширение понятия «физический», чтобы оно включало не только термины, соответствующие движению в пространстве, но также и соответствующие моментам разумного поведения, в том числе и «цель».²⁵

О том, что цели ничем не отличаются от остальных явлений опыта, говорит Г. Бергман. «Человеческие цели суть факты среди фактов, причины среди причин, действия среди действий».²⁶ Поэтому телеологическое высказывание можно заменить причинным. Например, высказывание: «Х имеет цель жениться» можно записать как высказывание «тело Х находится в таком-то и таком-то состоянии».²⁷ Термин «цель» предлагается употреблять только в значении «сознательной цели человека». Все остальные случаи применения его носят метафорический характер или должны быть специально определены.²⁸ Еще один автор предлагает свести понятия «мотив», «намерение», «стремление» не только к физиологическим, но и даже к электрохимическим тер-

²³ Там же, с. 209.

²⁴ Brodbeck M. Meaning and action. — Philosophy of Science, vol. 30, 1963, N 4, p. 319.

²⁵ Ibid., p. 321.

²⁶ Bergmann G. Purpose, function, scientific explanation. — Acta Sociologica, vol. V, 1962, fasc. 4, p. 226.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid., p. 233.

минам, дабы охватить целевое поведение человека причинным объяснением.²⁹

Специальное рассмотрение проблемы телеологии неопозитивистами и близкими к ним философами проводится, как правило, в ходе разработки теории научного объяснения. Дается анализ телеологических высказываний и делаются попытки определить формальные условия их применимости.

Первая, наиболее обстоятельная работа такого рода принадлежит, насколько нам известно, Р. Брейтвейту. Этот автор критиковал религиозно-телеологическую концепцию Уайтхеда, заявляя, что вопрос бытия бога является детски бессмысленным, а телеологически-аксиологические высказывания о природе представляют собой тавтологию.³⁰ Как и для многих неопозитивистов, для Брейтвейта пороком концепции «конечных причин» является не введение духовного фактора в природу, а только нарушение временной последовательности событий, данных в опыте. Он рассматривает возможность сведения телеологических объяснений к причинным, исключаям ссылки на будущее. В биологической науке это требует причинного объяснения того, что не может быть проанализировано в физико-химических понятиях. Брейтвейт хочет согласовать телеологическое объяснение с детерминизмом, не сводя в то же время биологических законов к физике и химии, а для этого установить особенности причинной цепи, отвечающей телеологическому объяснению. Специфику он находит в пластичности, природу которой нужно выразить без введения нефизических факторов.³¹

Брейтвейт фиксирует следующие моменты: начальное состояние системы; цель, представляющая собой конечное событие причинной цепи; причинные факторы среды — «условия поля»; класс причинных цепей, достигающих цели; варьирование — класс тех условий поля, при которых причинная цепь заканчивается в явлении-цели; диапазон, амплитуда условий, при которых система достигает цели — ф. Пластичность имеет место тогда, когда ф имеет больше одного члена. При этом может быть два случая. Во-первых, в системе только одна причинная цепь. Звенья ее связаны с системой как целым таким образом, что, когда переменные условия поля воздействуют на те или другие элементы системы, причинный процесс непременно приводит, несмотря на изменения в воздействиях, к одному и тому же результату. Во-

²⁹ Macklin R. Action, causality and teleology. — The British Journal for the Philosophy of Science, vol. 19, 1969, N 14.

³⁰ Braithwaite R. B. Review. — Mind, vol. XXXV, 1926, N 140, p. 498—499.

³¹ Braithwaite R. B. Scientific explanation. A study of the function of theory. Probability and law in science. Cambridge, 1953, p. 329. В истории философии идея целевой связи в природе как вида причинной связи, сохраняющей свою устойчивость при изменении условий, выдвигалась еще Вольтером.

вторых, система обладает более чем одной причинной цепью. Пластичность в этом случае осуществляется путем включения различных цепей в зависимости от изменений поля. Основной чертой пластичного поведения является, согласно Брейтвейту, то, что цель может быть достигнута при варьирующих условиях, а не то, что для этого могут быть использованы в качестве средств различные причинные связи. Величина ϕ больше числа возможных причинных цепей в системе.³²

Введенная величина варьирования позволяет, по Брейтвейту, установить условия и границы телеологического объяснения, не противоречащего детерминистическому мышлению. Если наши знания о некотором варьировании получены путем дедукции из причинных законов, то телеологическое объяснение является излишним. Но когда это знание получается не на основе данных о причинах составляющих ϕ условий, а путем индукции из опыта аналогичного поведения, или дедуктивным путем из общих задач системы, телеология удовлетворяет требованиям, предъявляемым научному объяснению: она дает понимание связей и возможность предсказания. Этому соответствуют телеологические законы, по которым явления в определенным образом организованной системе обуславливаются следующими за ними явлениями.³³ Брейтвейт считает эти законы не менее ценными, чем причинные.

Он не может касаться несущественного и неразрешимого, с его точки зрения, вопроса об отношении сознания к объективной действительности. Исследование категорий закона, причинности, цели он намерен осуществлять, по его выражению, «ограничиваясь лишь первым этажом»,³⁴ т. е. замыкаясь в рамки субъективного. Вопрос об отражении детерминизмом и телеологией объективной реальности не имеет для него смысла. Достаточным признаком истинности теории объявляется способность доставить интеллектуальное удовлетворение.³⁵ Поскольку целевое объяснение дает такое удовлетворение, телеологическое понимание оказывается «заслуживающим не меньшего доверия, чем обычное причинное...».³⁶ Применение понятия цели в биологии столь же правомерно, сколь правомерно использование понятий атома или молекулы в химии. Логика неопозитивистской доктрины фактически приводит здесь противника религии и витализма к возможности примирения их с телеологией.

На исследование Брейтвейта опирается Э. Нагель, который, хотя и не разделяет всех положений неопозитивизма, в рассмотрении структуры науки стоит на общих с ним позициях.

³² Ibid., p. 332.

³³ Ibid., p. 336.

³⁴ Ibid., p. 3.

³⁵ Ibid., p. 323.

³⁶ Ibid., p. 334.

Телеологические объяснения в биологии, пишет Нагель, указывают на функцию, осуществляемую объектом при достижении системой определенного состояния, или на роль некоторого действия в этом достижении. Высказывания подобного рода отнюдь не обязательно связаны с наделением объекта сознательной целью или с допущением воздействия будущего на настоящее.³⁷ Они способны обладать ценностью на определенных этапах познания, но требуют дальнейшего причинного обоснования. Телеология не представляет собой неразложимой категории.³⁸ Ее высказывания могут быть переведены в эквивалентные нетелеологические. Это выступает прежде всего как замена высказывания, в котором от следствия переходят к причине, высказыванием, в котором от причины (необходимого условия) идут к следствию. Однако, замечает Нагель, телеологические высказывания обычно более содержательны, чем соответствующие нетелеологические, поскольку они содержат указание на определенную систему, по отношению к которой данное условие осуществляет ту или иную функцию. Это добавочное значение не есть нечто невыразимое на нетелеологическом языке и может быть в принципе причинно объяснено. Указанный смысловой избыток Нагель относит к психологическому моменту — избирательной направленности внимания субъекта. Это не мешает Нагелю опираться на онтологические представления о свойствах действительности. Так, он утверждает, что телеологическая интерпретация экстремальных принципов в физике, связанная с именем Мопертюи, совершенно не обоснована и не разделяется наукой,³⁹ поскольку системы взаимодействий, в которых находится тот или иной физический фактор, равноправны между собой и ни одной из них нельзя отдать предпочтения. С другим типом организации мы имеем дело в живых системах. Последние достигают при изменяющихся условиях постоянных значений каких-то величин. Это, по выражению Нагеля, «направленные» или «телеологические» системы. Существование кибернетических машин подтверждает, что направленные системы могут анализироваться без допущения целей как особых силовых агентов.

Нагель предлагает абстрактную структуру телеологических систем. Компенсация вызываемых в них отклонений происходит не за счет изменений внешних факторов, а путем соответствующих внутренних изменений. Возмущающие воздействия на одни компоненты системы компенсируются изменениями других. Величина дезорганизации, которая может быть скомпенсирована, является мерой пластичности системы. По мнению Нагеля, есть случаи, когда систему невозможно отнести полностью к «направленным» или к ненаправленно организованным. Четкие границы

³⁷ Nagel E. The structure of science. London, 1961, p. 23—24.

³⁸ Ibid., p. 417.

³⁹ Ibid., p. 407.

здесь отсутствуют. Он делает попытку дать обоснование интуитивному убеждению, что простые системы типа маятника, упругого твердого тела, химической системы в термодинамическом равновесии, стремящиеся к сохранению своих определенных характеристик, направленно организованными, телеологическими не являются. Восстанавливающие или противодействующие силы детерминируются в них непосредственно и однозначно силой, вызывающей отклонение.⁴⁰

В результате упоминавшейся субъективистской точки зрения Нагель приходит к мнению, что различие между направленно организованными и обычными системами зависит лишь от угла зрения, под которым их рассматривает наблюдатель.⁴¹ Этим он противоречит анализу, который сам проделал, опираясь фактически на формулировки объективных свойств системы.

Еще более резко отвергает онтологическую телеологию В. Штегмюллер, связывая ее с демонологией и телепатией.⁴² В то же время он более категорично настаивает на безотносительности логических форм и высказываний к объективной реальности.

Штегмюллер выделяет уровни телеологических высказываний: элементарно-телеологический, целенаправленной организованности и, наконец, возникновения, генезиса систем. Задача научного подхода заключается в переводе высказываний, содержащих понятие цели, в нетелеологические, причинные. На первом уровне высказывания о приспособительных свойствах объектов переводятся в причинные высказывания типа нереальных условных предложений. Штегмюллер указывает на избыток значения сопоставимых телеологических высказываний, заключающийся в указании системы, на сохранение которой направлено действие данного условия.⁴³ На втором уровне функционирование систем полностью объясняется при помощи причинных высказываний. Перевод высказываний третьего уровня в настоящее время затруднен (исключительно малая вероятность первоначально случайного возникновения целенаправленной системы, космическая редкость жизни). Все же принципиальная возможность создания в технике самоусовершенствующихся и размножающихся систем свидетельствует, по мнению австрийского позитивиста, что и явления этого порядка смогут в дальнейшем быть объяснены на основе причинных, физико-химических закономерностей.

Из неопозитивистских работ, посвященных вопросу телеологических объяснений, исследование К. Лагерспеца выделяется некоторой материалистической тенденцией. Он — противник витали-

⁴⁰ Ibid., p. 420.

⁴¹ Ibid., p. 419.

⁴² Stegmüller W. Einige Beiträge zum Problem der Teleologie und der Analyse von Systemen mit zielgerichteter Organisation. — Synthese, vol. XIII, 1961, N 1, S. 8, 13.

⁴³ Ibid., S. 16.

стической телеологии, признает объективность причинной связи природы, неполным выражением которой служит понятие каузальности. Причинность не обязательно совпадает с предсказуемостью.⁴⁴ Различаются высказывания и объекты, к которым эти высказывания относятся. На основе телеологических высказываний в отличие от причинных невозможно сделать какие бы то ни было предсказания, они всегда ретроспективны,⁴⁵ будучи выражением необходимого условия (описываемого в качестве «конечной причины»). Это — «стенографическая запись» причинного объяснения, экплананс которого известен только отчасти,⁴⁶ ценная при описании биологических систем с их большой сложностью. Телеологические гипотезы представляют собой эвристические схемы, используемые при отыскании необходимых или достаточных условий явления. Лагерспец возражает против приписывания телеологическим высказываниям характера научных объяснений. Преувеличение их значения может привести к дискредитации этой полезной, при ее правильном использовании, формы. «Телеологическое» относится не к самим объектам, выражает не свойства биологических систем, а служит лишь высказыванием о понятиях и утверждениях, применяемых в науке.⁴⁷

Лагерспец приходит к отрицанию отражательного аспекта высказываний. Это обуславливает игнорирование финским исследователем онтологической основы эвристической продуктивности телеологических предложений, с чем связана недооценка им значения интерпретации телеологии Н. Винером.⁴⁸

Нет смысла продолжать рассмотрение работ представителей «логики науки» по применению «теории научного объяснения» к проблеме цели и целесообразности. Ценные, вероятно, в какой-то мере схемы неопозитивистских логиков в их применении к некоторым аспектам структуры научных заключений не могут внести сколько-нибудь заметный вклад ни в разработку категорий, ни в решение содержательных вопросов научного познания. Почти все то, что в изложенных нами рассуждениях Брейтвейта, Нагеля и других является верным, далеко не ново, только изложено более абстрактно и неясно.⁴⁹ Отдельные соображения интересны, но они обязаны своим появлением отнюдь не схемам

⁴⁴ Lagerspetz K. Teleological explanation and terms in biology. Fenn. Vanamo, 1959, p. 22.

⁴⁵ Ibid., p. 6.

⁴⁶ Ibid., p. 35.

⁴⁷ Ibid., p. 66.

⁴⁸ Ibid., p. 34.

⁴⁹ О том, что позитивистский анализ, у Нагеля в частности, телеологического объяснения не только не дает никакого решения, но даже старую проблему выражает ухудшенным языком, заявляет такой крупный теоретик биологии, как Уоддингтон (Уоддингтон К. Х. Основные биологические концепции, с. 23).

«эксплананс—экспланандум». Практически, в ходе исследования, все эти авторы оказываются вынужденными обращаться к конкретному материалу действительности и к содержательному рассмотрению категорий. Не формализм «логики науки» позволяет понять отношения причинности и целенаправленности, а определенное понимание категорий причины, цели и других направляет в ту или иную сторону аппарат логических схем.

Значительно более серьезным недостатком является лежащий в основе рассмотренных концепций субъективизм. В результате у всех этих противников витализма и «конечных причин» противоположность телеологии и детерминизма утрачивает принципиальный характер и ставится, по существу, в зависимость от точки зрения субъекта.

Несостоятельность позитивизма, его «теории объяснения» в решении великой философской проблемы проявляется особенно ясно в наиболее поздних работах по «телеологическому объяснению». В некоторых из них отмечается переход к более содержательному и конкретному разбору биологических проблем,⁵⁰ в некоторых отчасти раскрывается противоречивость позиции позитивизма и критикуются упоминавшиеся книги Брейтвейта и Нагеля.⁵¹ Позитивистская концепция «научного объяснения» используется и для прямой реабилитации телеологии как формы идеализма. Формой «научного объяснения», истинной по своему существу, объявляется учение Аристотеля о формальной и конечной причинах,⁵² «доказывается» телеологический тип понимания Марксом законов истории.⁵³

Основная сущность взглядов неопозитивистов по данному вопросу, их объективная функция в системе буржуазной идеологии, заключается не в логической тонкости исследования «языка» науки. Эта сущность, состоящая в борьбе против диалектического и исторического материализма, делается ясной из высказываний некоторых неопозитивистов о цели и закономерности в обществе. В обществе существуют лишь действия отдельных индивидов. Отдельные факты, составляющие общественный процесс, сами по себе не имеют смысла. Они приобретают его только в наших заключениях. Историзм, видящий в развитии общества действие объективных законов, объявляется мистической телеологией. В истории нет объективного прогресса, она не имеет смысла.⁵⁴

⁵⁰ Ayala F. Teleological explanation in evolutionary biology. — *Philosophy of Science*, vol. 37, 1970, № 1.

⁵¹ Wright L. The case against teleological reductionism. — *The British Journal for the Philosophy of Science*, vol. 24, 1973, N 4.

⁵² Hocult M. Aristotle's four becauses. — *Philosophy*, vol. 49, 1974, N 190.

⁵³ Wright G. Explanation and understanding. N. Y., 1974, p. 7, 173.

⁵⁴ Popper K. R. The open society and its enemies. Vol. II. London, 1952, p. 269—279.

В вопросе категории цели марксистской философии противостоит не только телеология, но и грубо механистический, вульгарный подход к проблеме. В наиболее резкой форме он выступает как отрицание реального существования органической целесообразности, особой формы организации причинных связей, направленной на некоторую цель. В связи с этим телеология лишается каких-либо основ в познании. Отсюда вытекает недифференцированная оценка типов доктрины «конечных причин», сводящая их в равной мере к идее внешнего духовного начала. Правомерность применения понятия цели, даже в его известной модификации, к внечеловеческим объектам категорически отрицается. Сами термины «цель», «целесообразность», «целенаправленность» объявляются сугубо антропоморфными и достойными изгнания из науки («телеофобия», по выражению Э. Гартмана).

Отбрасывание цели и целесообразности в конкретно-научном, онтологическом, категориальном и даже терминологическом планах представляет собой шаг назад по сравнению не только с диалектическим материализмом, но и с Фейербахом и материализмом XVIII в.

С позиций телеофобии выступал Л. Бюхнер. Упрощенный, вульгарный характер его материализма проявился в этом вопросе особенно отчетливо. Он не видит в телеологии каких-либо рациональных моментов. Она всегда и во всех случаях — сплошная мистика, и только. Различие между имманентной телеологией и телеологией внешней полезности не имеет никакого значения.¹ Как одна, так и другая суть проявления религиозного миропонимания. Ввиду этого вся критика телеологии осуществляется Бюхнером как критика ее теологической формы. Проблема органической целесообразности почти полностью игнорируется. Выражение «мы имеем глаз для того, чтобы видеть» отождествляется с выражениями «камень обладает тяжестью для того, чтобы падать» или «солнце светит для того, чтобы на Земле была жизнь».² Утверждение, что орган существует ради необходимой функции, рассматривается в качестве признания божественного попечительства. Понятие «целесообразность» классифицируется как специфическое для философского идеализма. В тех случаях, когда Л. Бюхнер говорит об объективной целесообразности, он понимает ее в значении «прилаженности» явлений друг к другу. Столь же абстрактно он понимал и отбор, представлявшийся ему закономерностью исчезновения неустойчивых форм, действующ-

¹ Büchner L. Natur und Geist. Gespräche zweier Freunde über den Materialismus und über die real-philosophischen Fragen der Gegenwart. Frankfurt-a.-M., 1857, S. 295.

² Ibid., S. 275.

щей одинаково как в органической, так и в неорганической природе.

Отождествление целесообразности с устойчивостью (с более содержательным вариантом этой идеи мы встречались в философии Спинозы) означает, что все в действительности может в равной мере быть определено в качестве целесообразного. Человек же обычно считает целесообразным то, что «подходит к его индивидуальным или личным вкусам и потребностям, то, что ему приятно или полезно».³ Выделение определенных явлений в природе в качестве целесообразных есть поэтому проявление субъективного отношения к ним.

В отрицании существования целесообразности в природе Л. Бюхнер приходит к отказу от тех зачатков идеи саморегуляции организма, которые высказывались, начиная с древнегреческих врачей, многими представителями не только телеологии, но и материалистической философии. Л. Бюхнер приравнивает допущение того, что организм стремится к равновесию, к «компенсации причиненных ему болезненных нарушений», к вере в виталистов в жизненную силу.⁴

В связи с отрицанием целесообразности находится и то, что Л. Бюхнер не допускал возможности какого бы то ни было сходства между деятельностью человека и явлениями природы.⁵

Имеется много общего между критикой телеологии с позиций вульгарного материализма и ее критикой неокантианцем Ф. Ланге. Последняя столь же груба и механистична. В ней также не придается значения различиям между телеологиями внешней полезности и имманентной, которые одинаково сводятся к религии.⁶ Так же, как и Л. Бюхнер, Ф. Ланге отрицает возможность аналогии между целесообразной деятельностью человека и процессами в природе, отождествляет представления об организующей роли целого в явлениях жизни с мистикой.⁷ Но Ф. Ланге идеалист. Ему трудно отказаться от телеологии вообще. Оказывается, грозные слова, направленные против «конечных причин», относятся только к «плохой» телеологии. Существует еще и хорошая, «правильная». Она представляет собой признание закономерностей в природе, которые позволяют нам ее познавать, соответствуют нашему рассудку.⁸ Это — «формальная» целесообразность. Положения Канта о формальной целесообразности, включившие в себя одновременно с глубокой гносеологической проблематикой идею архитектурного принципа Лейбница, превращаются неокантианцем в плоские рассуждения о полезности за-

³ Бюхнер Л. Сила и материя. СПб., 1907, с. 118.

⁴ Büchner L. Natur und Geist, S. 287.

⁵ Ibid., S. 274.

⁶ Lange F. A. Geschichte des Materialismus. Bd II, Iserlohn, 1876, S. 245.

⁷ Ibid., S. 251.

⁸ Ibid., S. 276.

конов природы для человеческого познания, о «подогнанности» их к формам рассудка.

В конце прошлого—начале нынешнего столетия вульгарный антителеологизм получил распространение и в биологии. Следует отметить, что теоретическое истолкование проблемы целесообразности в природе отнюдь не вращалось испокон веков между двумя надысторическими противоположностями — механицизмом, отрицающим какую бы то ни было целесообразность и применимость категории цели к природным процессам, и витализмом, идеалистической телеологией. Метафизическая концепция этих двух неизменных противоположностей, поддерживаемая виталистами, которые стремятся отнести всех своих противников к представителям грубого механицизма, не соответствует реальной истории вопроса. В частности, отрицание понятия целесообразности имело место как в механистической трактовке естественного отбора, так и в неоламаркизме, и даже в некоторых разновидностях витализма (Э. Унгерер).

Согласно зоологу О. Бюкли, организм возникает чисто случайно и приспособленность его не оказывает никакого влияния на процесс эволюции.⁹ Еще дальше пошел Э. Рабо. С его точки зрения, убеждение в целесообразности организмов является результатом недостаточного знания, при котором в расчет принимается только то, что «имело успех», а бесполезные и вредные пути изменений не учитываются. Объективно существует только бесконечная сложность, представления же о целесообразности суть упрощенные, ошибочные выражения этой реальности. Указанная сложность исключает какую-либо целесообразность, поскольку последняя предполагает движение только по наиболее короткому и прямому пути. Рабо отвергает даже эвристическое использование понятия «цель» в качестве условного приема при исследовании.¹⁰ Он отбрасывает всю проблему морфологических адаптаций, признавая лишь некоторую «общую физиологическую приспособленность».¹¹

Точку зрения вульгарного антителеологизма разделяют в ряде случаев и неоламаркисты. К ним относится, в частности, упоминавшийся уже механоламаркист М. Кассовиц. Он выступал против «телеологическо-анимистического витализма». Отрицая наличие целей в природе, Кассовиц не допускает существования и органической целесообразности. Он признает только «самосохра-

⁹ Бюкли О. Биомеханизм и витализм. — В кн.: Сущность жизни. СПб., 1903.

¹⁰ Rabaud E. L'adaptation et l'évolution. Paris, 1922, p. 271.

¹¹ В другой работе Э. Рабо признается эвристическая полезность понятий адаптации и вида (реальность последнего отрицается с позиций крайнего номинализма) как условно-статистических обозначений, которым не соответствует, однако, никакая реальность. На основании этих взглядов Дарвин объявляется скрытым телеологом (см.: *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, 1956, N 3, p. 414).

нейие», общее и для организмов, и для рек, и для глетчеров — для всей природы вообще. Отождествление объективной целесообразности с устойчивостью явлений, их структур ведет к универсальной телеологии. Кассовиц, полагавший, что путем замены слова «целесообразность» словом «сохранение» он делает ненужными как телеологию, так и дарвиновский отбор, вынужден дать какое-то объяснение этому «сохранению» организмов в изменяющейся внешней среде. Для этого он наделяет обмен веществ способностью направлять изменения организмов в сторону приспособления к условиям среды. Организм стремится ассимилировать именно те условия, из которых и под воздействием которых возникло его тело. Энергия обмена веществ объясняет, согласно Кассовицу, также приспособительный характер изменений в результате упражнения и прямых воздействий внешних агентов.¹² «Энергия ассимиляции» по существу наделяется способностью целенаправленного действия. Целесообразность иррадирует на физико-химические и механические взаимодействия. Сам по себе этот пример представляет интерес как случай отрицания целесообразности представителем фактически телеологического направления, являющимся субъективно противником телеологии. Только отождествив органическую целесообразность с всеобщей устойчивостью явлений, можно, не нарушая логики, пытаться объяснить эволюцию прямым действием внешней среды. Принцип естественного отбора является, по Кассовицу, проявлением телеологии, поскольку если допустить отбор крупных изменений, то надо предположить существование каких-то целевых причин подобных изменений; если же исходить из положения об отборе ничтожных изменений, накапливающим и организующим их, то получается опять-таки телеология, но только уже антропоморфическая.

Отказ от дарвиновского принципа целесообразности и естественного отбора даже в силу отвращения ко всему, что так или иначе связано с телеологией, приводит Кассовица к идеалистической телеологии весьма примитивного типа. Приписывание Дарвину телеологических воззрений встречается до сих пор и имеет в конечном счете один источник — представление, согласно которому процессы в природе исключают существование целесообразности. Дарвин, утверждая исходящие из такого представления авторы, построив свою теорию на признании объективности целесообразности, восстановил в науке аристотелевские «конечные причины».¹³

Примером грубого антителиологизма могут служить также высказывания патолога К. Неергора. Он исходит из дуалистиче-

¹² Kassowitz M. Vitalismus und Teleologie. — Biologisches Zentralblatt, 1905, N 23/24, S. 760—770.

¹³ Mac Leod R. B. Teleology and theory of human behavior. — Science, vol. 125, 1957, N 3246, p. 478.

ского противопоставления духа и тела, а также абсолютизации качественного отличия живого от неживого. «Понятие „целесообразный“, — говорит он, — является психизмом и поэтому находится в принципе в близком родстве с понятием энтелехии... Понятие цели происходит из сферы души с ее высшими изменениями и подходит к области соматического так же мало, как и ведущее свое происхождение из области неорганического понятие причины».¹⁴

Вульгарный антителеологизм, отрицание применимости понятий цели и целесообразности к биологическим и экономическим явлениям противоречит как логике материалистической диалектики в целом, так и многочисленным примерам конкретного использования рассматриваемой категории основоположниками марксистской философии. В «Диалектике природы» Энгельс критикует Геккеля за упрощенное понимание категории внутренней цели. В работе «Естественная история миротворения», на которую ссылается Энгельс, Геккель отождествляет это понятие с антропоморфизмом телеологии внешней цели и религией, утверждая даже в духе вульгарного антителеологизма, что целесообразность организмов не существует так же, как и божественное провидение.¹⁵ Великий соратник Маркса, высоко оценив понимание категории внутренней цели Кантом и Гегелем, определяет данные рассуждения Геккеля как терминологическую путаницу, бессмыслицу, бесплодную болтовню.¹⁶

Элементы вульгарного телеологизма проникают иногда в том или ином виде и в марксистскую литературу. Так, например, Л. И. Аксельрод, признавая только механическую причинность, относила понятие более сложной, диалектической причинности к телеологии, которую она к тому же понимала исключительно в смысле учения о божественной внемировой цели.¹⁷ Нет ничего удивительного и в том, что в качестве критиков применения к живой природе понятий «целесообразность» и «цель» выступают иногда сторонники телеологического по существу принципа прямой приспособительной изменчивости организмов, ее «тематической заданности». В частности, это относится и к Т. Д. Лысенко.¹⁸ Встречается также категорическое отрицание правомерности применения понятия цели для обозначения объективной направленности общественного производства.¹⁹

¹⁴ Neergaard K. V. *Dynamische Reaktionspathologie*. Basel, 1946, S. 58. Подробное рассмотрение и критика вульгарного антителеологизма содержится в кн.: Kochański Z. *Problem celowości we współczesnej biologii*. Warszawa, 1966, с. 111—164.

¹⁵ Haeckel E. *Natürliche Schöpfungsgeschichte*. Berlin, 1879, S. 16—17.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 523, 569.

¹⁷ Богданов Б., Михайлов В. Проблема причинности в истории новой философии и диалектический материализм. М., 1933, с. 142.

¹⁸ Отчет о работе философских (методологических) семинаров московских научных учреждений АН СССР за 1962—1964 гг. М., 1965, с. 40.

¹⁹ Козлов В. Основной экономический закон и цель производства. — Труды Таллинского политехи. ин-та, Серия Б, 1965, № 14, с. 28—34.

Подводя некоторый итог сказанному, можно отметить, что вульгарный антителеологизм:

противоречит закономерности исторического развития категории «цель» и традиции ее применения в марксизме и биологической науке;

отнюдь не всегда бывает проявлением материалистических взглядов и нередко сочетается, по существу, с телеологической позицией;

в условиях современного развития биологических наук, медицины, кибернетики, теории организации, экономической науки, выдвигающего проблему адаптаций, целенаправленности систем на одно из первых мест и широко использующего категорию цели, не может не оказать тормозящего или дезориентирующего воздействия на это развитие;

приходя в противоречие с объективной категориальной структурой научного мышления, способен на практике дискредитировать подлинную борьбу против телеологии и телеологических тенденций.

Говоря о злоупотреблении критикой телеологии, нельзя не упомянуть еще об одном явлении, относящемся всецело к области идеологических столкновений. Как уже говорилось,²⁰ буржуазные критики и ревизионистские фальсификаторы марксизма стремятся представить учение об общественном прогрессе, о направленности современного развития к коммунизму, о смысле исторического процесса в качестве телеологической, религиозно-эсхатологической концепции. «Ответ для Маркса давала лишь его эсхатологическая вера, что только новое, коммунистическое общество может устранить бедствия человечества».²¹ Марксизм, утверждают подобные фальсификаторы, представляет собой разновидность религии, утешающей человека надеждой. В. Х. Фрейер называет марксизм «обмирщенной теологией истории», П. Тиллих — «пророческой религией», А. Вебер — «социальной религией», мюнстерский профессор Д. Вендланд — «светской религией надежды, ... надеждой хилиастов в научном одеянии, ... мессианством без Мессии».²² К. Левит называет концепцию истории Маркса «историей спасения, выраженной на языке политической экономики».²³ Объяснение Марксом направления потока исторических событий развитием производительных сил объявляется антинаучным, как якобы введение «мифического агента», равнозначного «скрытым планам бога».²⁴ Проблема смысла истории,

²⁰ См. с. 53, 55.

²¹ Popitz H. Der entfremdete Mensch. Zeitkritik und Geschichtsphilosophie des jungen Marx. Basel, 1953, S. 165.

²² Цит. по: Schulz R. Überlegenheit unserer Weltanschauung. — Neues Deutschland, 1957, 6 November.

²³ Цит. по: Rivista di filosofia, vol. LIV, 1963, N 4, p. 500.

²⁴ Mises L. The ultimate foundation of economic science. Princeton, 1962, p. 7.

в любой ее трактовке, может быть предметом обсуждения только в теологии или идеалистической философии.²⁵ Ревизионист Л. Колаковский ставит марксистскую концепцию истории, которой он приписывает антропологический телеологизм, на один уровень с теологическим учением Августина о смысле истории. У истории, утверждает он, нет смысла, она иррациональна. Смысл ей может придать только вера.²⁶

Нападки на понятие смысла истории,²⁷ прикрывающиеся анти-телеологической фразеологией, направлены против убеждения строителей социализма и коммунизма в историческом значении и величии их труда. Эти выпады нельзя оценивать иначе, как форму идеологической диверсии против социализма.

Ширящийся на Западе поход против разума, против смысла истории образует усиливающуюся струю в вульгарном отрицании телеологии. Марксистский антителиологизм в корне противоположен подобной критике. Опираясь на выводы всего познания и практики об объективных законах действительности, показывая историческую роль рабочего класса, марксистская философия раскрывает и утверждает смысл жизни человека и общества.

²⁵ Lüthy H. What's the point of history? — *Journal of Contemporary History*, 1968, N 2.

²⁶ Kolakowski L. Vom Sinn der Geschichte. — *Neues Forum*, 1966, N 152—153.

²⁷ См. об этом в кн.: Ирибаджак Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972.

Глубокую основу особенностей использования и истолкования категории цели марксизмом надо видеть в важнейших, взаимосвязанных идеях философии нового типа: материалистическом понимании общественной жизни, концепции практики и активно-отражательной природы сознания, диалектическом подходе к категориям. Подчеркивание отражательного характера цели как явления сознания сочетается с признанием ее творческих потенций, с рассмотрением ее в качестве момента детерминации и структурообразующего принципа практики. Обгоняя ход конкретной действительности, вторгаясь в будущее, мысль освещает возможные перспективы действия. Среди форм предвосхищающего отражения цель служит побудителем действия, моментом его причинной обусловленности и регуляции, что, однако, отнюдь не означает телеологической «детерминации будущим».

Открытие сущности, основных законов развития общества выявило место сознательных целей в истории, определило необходимые условия превращения их в великую, изменяющую действительность силу. Одновременно был обнаружен специфический вид организации множеств причин в саморегулирующихся системах экономики. Неясное осознание закономерности управления и регуляции в обществе и живой природе, смыкавшееся с представлениями о структурной организации явлений этих областей действительности, цикличной архитектонике причинно-следственных цепей, с давних пор лежало в истоках телеологических учений. Теория развития общества не могла бы быть научной без материалистического объяснения этих отношений применительно к социальным явлениям. В Марковом понятии цели производства скрыто понимание объективной целенаправленности сложных систем, являющееся переломным моментом в противоборстве причинного и телеологического мировоззрений. Выявить и осознать в полной мере значение этого понимания помогла кибернетика. Она предоставила совершенно новые средства абстрактного и точного изучения отношений управления. В этой связи она уточнила, выразив на своем специфическом языке, значение и границы применения цели к объективным отношениям; стимулиро-

вала работу по переосмыслению категории на уровне саморефлексии философии. Это не было, однако, революцией в объективном содержании категории, в ее применении в марксистской политической экономии и в биологической науке.

Выражение одним понятием «цель» как специфической закономерности человеческого сознания и практики, так и отношения органической природы, социальных и технических систем имеет, как мы пытались показать, следующие основания: относительность противоположности материи и сознания вне пределов их гносеологического сопоставления; выражение категорией сознательной цели также объективной структуры, направленности человеческих действий; генетическая связь целеполагания человека с целесообразностью органической природы; практика реального использования понятий в современной науке, научной литературе; закономерности исторического развития категории и традиции ее применения в философской, особенно в марксистской, литературе.

Историческое развитие категории включало в себя прогрессирующую дифференциацию, связанную с размежеванием с рядом других понятий, с внутренним членением, выделением аспектов, форм, стадий ее движения, способов и задач применения в теоретическом познании, ее онтологической, гносеологической и методологической, эвристической функций. Высшая стадия философского развития человечества — диалектический материализм — не отказывается ни от чего из приобретенного предшествующим развитием познания. Достигнутая ранее дифференциация понятия сохраняется в нем, дополняясь новыми моментами.

При попытке установления места цели в системе категорий марксистской диалектики мы сталкиваемся прежде всего с проблемой, относящейся к упомянутой дифференциации. Цель — одновременно и специфическое понятие теории познания, носящее характер гносеологической категории и сохраняющее этот ранг среди понятий этической теории, и понятие, отвечающее существенному моменту организации причинно-следственных отношений. Единство и различие двух смысловых оттенков, модусов понятия отвечают в общем и целом единству и различию в диалектике общей теории развития и теории познания, онтологических и гносеологических аспектов.

В значении выражения определенного отношения объективной действительности «цель» принадлежит к группе категорий, которые можно было бы назвать категориями детерминизма. При этом представляется неточным определение ее в качестве «специального случая причинности».¹ Бесспорным в данном определении является сведение, при подчеркивании ее специфики, целевой зависимости к причинной. Однако приведенная формулировка

¹ Деборин А. М. Философия и политика. М., 1961, с. 312.

ориентирует на рассмотрение «цели» в качестве особого рода причины на уровне элементарного звена «причина—следствие». Это открывает известную возможность для дальнейшей ее трактовки в значении «конечной причины». Философия же давно подходила к пониманию того, что в данном вопросе мы имеем дело с двумя различными уровнями отношений: непосредственным порождением следствия причиной и строением, ритмом причинно-следственных цепей, организацией причинно-следственных отношений в общей иерархической структуре. Целевой подход отвечает второму уровню. Цель; таким образом, относясь к категориальной группе детерминизма, близка в то же время другой группе категорий, выражающих закономерность расположения связей явлений, существенные черты расчлененности и строения действительности.

Расположение категории цели в месте соприкосновения, взаимоналожения указанных двух категориальных групп дает, в частности, повод для отождествления ее с формой, целостностью, порядком, структурой. С другой стороны, когда последним понятиям, составляющим вторую категориальную группу, придается, сознательно или несознательно, роль причинного фактора, подобный фактор вскоре неизбежно начинает обнаруживать знакомые черты «конечной причины» телеологии.

Ленинские слова о диалектике как многостороннем с постоянно возрастающим числом сторон познании, обладающем бездной оттенков каждого из подходов к действительности, имеют прямое отношение и к отдельным категориям. Ведь последние в определенном отношении и составляют эти подходы. Как многосторонняя, с различными смысловыми оттенками предстала и исследовавшаяся нами категория. История ее, эволюция значения и способов применения в науке, нравственном, правовом, политическом сознании — одна из наиболее противоречивых линий в развитии человеческой мысли. Современная категория вобрала в свернутом виде опыт этого пути.

К наиболее существенным моментам сложности понятия цели относятся: расчленение единой категории на два смысловых модуса — понятие сознательной цели как особой категории познания и практической деятельности человека и понятие объективного структурообразующего момента определенного строения причинно-следственных рядов в природе, социальных системах и технике; многогранные взаимоотношения этих модусов категории; синтез идеи причинности и идеи целостности и системности, устойчивой архитектоники бытия и динамики движения.

Как многие категории, цель не только и не просто понятие высшей степени общности, но и некоторый принцип организации понятий, входящих в ее смысловое поле, в которых выражаются и конкретизируются те или иные ее аспекты. Целесообразность, целенаправленность, целеустремленность, средство, мотив, приспособление, ценность, функция и другие предикабили, если

употребить этот термин Канта, заимствованный им у античных авторов,² получают свое значение через их отношение к цели. В это смысловое поле могут также включаться, при некоторой модификации значения, понятия, которые в другом их применении в него не входят. Целевой подход и телеологическое мышление способны в данной связи осуществляться без непосредственного применения-самого понятия цели.

С середины прошлого столетия категория претерпевает ряд смысловых сдвигов на всех уровнях. Серии изменений, неравномерных и противоречивых, еще далеки от завершения. Мысль Ленина о постоянно увеличивающемся числе сторон диалектического познания подтверждается и в данном случае. И в современном процессе движения продолжают сохранять силу закономерности диалектической логики, которые проявлялись в ходе всего исторического развития. Есть и повторяемость аббераций и иллюзий, становящихся неизбежными, когда не учитывается диалектика истории мысли.

Разбор проблемы в ряде глубоко различных сфер действительности и познания не обнаружил каких-либо признаков гетерогенности выражающего ее понятийного аппарата. Категории едины, как едина царящая над всем диалектика. Родственные по своей структуре, предполагают, взаимно порождают друг друга и заблуждения, возникающие во всех областях при определенных ошибках в применении категории. Прежде чем спешить объявлять о вступлении мышления в некую «новую эру», объявлять об утрате, скажем, прежней роли причинности или диалектическим историзмом, следовало бы, по всей вероятности, оглянуться на указанное взаимопорождение в прошлом и настоящем развитии философии и науки.

Обостряющийся кризис буржуазной философской мысли проявляется, между прочим, во все усиливающимся раскачивании, в резких изменениях оценок, переходах, в пределах идеологии капитализма, от одной крайней позиции к другой. Противоположная существу научного подхода мода дает о себе знать на «рынке идей». Ее питает позитивистский образ мышления, тенденция абсолютизировать значение теорий и методов науки, выдвигающихся в данный момент на передний план. Такого рода колебаниям подвержено и отношение к вопросу цели и телеологии. Отступающая и вытесняемая в общей длительной перспективе исторического развития телеология на протяжении последних полутора десятков лет привлекает не только внимание, но и симпатии многих. Это оживление происходит в модных формах, с использованием нового материала и новой терминологии. Под

² Кант И. Сочинения, т. 3, М., 1964, с. 176; см. также: Ситковский Е. П. Возникновение новых категорий в диалектической логике. — Вопросы философии, 1975, № 10, с. 90.

всем этим скрываются подлинно глубокие проблемы, потребность осмысления изменений в строе научного мышления.

Тем не менее критика данной доктрины продолжает оставаться требованием материалистического мировоззрения, развития научного познания, идеологической борьбы. Категориальный аппарат диалектики способен адекватно выразить новую проблематику целесообразности и цели, и какие-либо уступки, в том числе метафизической идее «дополнительности» детерминизма и телеологии, не оправданы и излишни.

Опровергая концепции целевых причин, марксистско-ленинская философия в то же время обосновывает мощь реальных целей человека, преобразующего мир.

	Стр.
Введение	3
Часть I ЦЕЛЬ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	
Глава 1 Цель как форма отражения	8
Глава 2 Цель в процессе практического осуществления	20
Некоторые функции и аспекты реализующейся цели	20
Цель, средство и ценность	28
Часть II КАТЕГОРИЯ «ЦЕЛЬ» КАК ВЫРАЖЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ОТ СОЗНАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА	
Глава 1 Категория «цель» и телеология в понимании общественной жизни	40
Телеология и детерминизм в проблеме объективных законов общественного развития	40
О цели в экономике	44
Социальное приспособление и функционализм	49
О применении понятия цели к общественному прогрессу	53
Глава 2 Категория «цель» и проблема органической целесообразности	60
О диалектике понимания органической целесообразности в эволюционном учении	62
Вопросы индивидуального развития и телеология целостности	77
Вопрос цели в физиологии нервной деятельности	92
Глава 3 Значение кибернетики для развития категории «цель»	104
Обратная связь, информация, телеология	105
О содержании понятия «цель» в кибернетике	113
«Цель» как вспомогательный прием познания и некоторые вопросы терминологии	122
	187

Часть III ПРОБЛЕМА ЦЕЛИ И ТЕЛЕОЛОГИИ В НЕКОТОРЫХ ТЕЧЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛО- СОФСКОЙ МЫСЛИ

Глава 1	О тенденциях эволюции телеологии в поздне- буржуазной философии	133
Глава 2	Категория «цель» в телеологических систе- мах современной идеалистической фило- софии	143
	Неотомизм	143
	Телеология Тейяра де Шардена	149
	Неофинализм Р. Рюйе и критический реа- лизм А. Венцля	152
Глава 3	О телеологии в структурализме	157
Глава 4	Проблема цели и телеологии в неопозити- визме	162
Глава 5	Вульгарный антителеологизм (телеофобия)	175
Заключение		182

**Михаил Георгиевич
МАКАРОВ**

**КАТЕГОРИЯ «ЦЕЛЬ»
В МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ
И КРИТИКА ТЕЛЕОЛОГИИ**

*Утверждено к печати
Ленинградской кафедрой философии АН СССР*

Редактор издательства *Е. П. Сидоренко*
Художник *Я. В. Тауберцель*
Технический редактор *Н. И. Сытник*
Корректоры *З. В. Гришина* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 13/X 1976 г. Подписано к печати 11/III 1977 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 1. Печ. л. 11^{3/4}=11.75 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 13,78. Изд. № 6485. Тип. зак. № 1602. М-24036.
Тираж 4100. Цена 1 р. 38 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199084, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1 р. 38 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ